

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Макр Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Клюня
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2012

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.M. Vabishchevich
T.A. Garupa
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
V.L. Klunia
V.V. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2012

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Часноўскі М.Э. Асаблівасці беларуска-расійскай інтэграцыі ў пачатку XXI ст.....	5
Горбацкі А.А. Административно-хозяйственное устройство земель Ивановского района Брестской области во второй половине XVI в.	14
Ермаковіч Л.І. Сельскагаспадарчае развіццё Брэсцкай вобласці ў 1939–1941 гг.	23
Морозько Е.В. Правовое положение духовенства Минской православной епархии (вторая половина XIX в.).....	30
Гарматны В.П. Заканадаўчая база правядзення камасацыі на землях Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг....	37
Альховік М.К. Нацыянальная палітыка ўлад БССР у галіне адукацыі (1929–1939 гг.).....	44
Струнец С.В. Освещение в современной польской историографии проблематики межнациональных отношений на территории западных областей БССР в 1939–1941 гг.....	50
Сычев М.В. Личность Тиртея, датировка его жизни и социальная смута в VIII в. до н.э.	58
Бурик Е.А. Феномен добрососедства: культурные контакты в белорусско-украинском и белорусско-польском приграничье (конец XX – начало XXI вв.).....	65
Вайцешчык Г.С. Сацыяльна-эканамічнае развіццё мястэчкаў Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг.	75

ЭКАНОМІКА

Солодуга П.В. Контрактные отношения в системе воспроизводства человеческого капитала фирмы	84
Лесневски М. Конкурентоспособность административно-территориальных единиц в рыночной экономике	92
Власюк Ю.А., Козинец М.Т. Эволюция понятия «предпринимательство» в современной науке.....	98
Ермакова Э.Э. Оценка инновационного потенциала региона.....	105
Медведева Г.Т. Управление маркетинговой деятельностью в условиях сервисной экономики.....	114
Гарчук И.М., Хутова Е.Н. Инвестирование в развитие розничных торговых форматов в странах Восточной Европы	125
Зайцева Н.И., Шония И.И. Роль кластеров в формировании транспортно-логистической системы региона	136

ПРАВА

Чуприс О.И., Марчук Е.А. Место институтов административных процедур и работы с обращениями граждан и юридических лиц в системе административного права Республики Беларусь...	145
Коротич Е.А. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны личной свободы человека	149
Шевелева С.В. Понятие и сущность правового принуждения	156
Цюга С.А. Трудовые коллективы как субъекты конституционно-правовых отношений и избирательного процесса	161
Шалаева Т.З. Проблемы доменного имени в правовом режиме информационных ресурсов.....	168
Звесткі аб аўтарах	181

INDEX

HISTORY

Chesnovski M.E. Peculiarities of Belarusian-Russian Integration at the Beginning of the XXI Century	5
Garbatski A.A. Administrative and Economic Structure of the Lands in Ivanovskiy District of Brest Region in the Second Half 16 th Century	14
Ermakovich L.I. Agricultural Development of Brest Region in 1939–1941	23
Morozko K.V. The Legal Status of the Clergy in Minsk Orthodox Diocese (the Second Half of the 19 th Century).....	30
Harmatny V.P. Legislation of Comasation on the Lands of Peculiarities of Western Belarus in 1919-1939	37
Alhovik M.K. The National Policy in the BSSR in Education in 1929–1939	44
Strunets S.V. Lighting of Interethnic Relations in BSSR Western Areas in 1939–1941 in the Modern Polish Historiography Perspective.....	50
Sychyev M.V. Personality of Tyrtaeus, Dates of his Life and Social Disturbance in the VIII Century B.C.....	58
Burik E. Neighborhood Phenomenon:Cultural Contacts in Belarusian-Ukrainian and Belarusian-Polish Border Area(the End of XX th – Beginning of XXI th Century)	65
Vaitseshchyk H.S. Socio-Economic Development of Townships of Vilnius Province in 1921–1939 years	75

ECONOMICS

Solodyha P.V. Contract Relations in the System of Reproduction of Human Capital of Company	84
Lesnevski M. The Competitiveness of the Units of Local Self-government in a Market Economy	92
Ulasiuk Y., Kazinets M. Evolution of the Concept of«Entrepreneurship» in Modern Science	98
Ermakova E.E. Assessment of Regional Innovative Potential	105
Medvedeva G.T. Management of Marketing Activity in Service Economy.....	114
Garchuk I.M., Khutava A.N. Investing in the Development of Retail Formats in Eastern Europe	125
Zaitsava N.I., Shonia I.I. The Role of Cluster in Formation of Transportn-logistical System of the Region	136

LAW

Chupris O.I, Marchuk E.A. Place of Institutions of Administrative Procedures and Work with Citizens and Legal Persons in the System of Administrative Law	145
Korotich E.A. The Foreign Experience of the Personal Freedom’s Protection by Means of Criminal Law	149
Sheveleva S.V. Concept and Essence of Legal Compulsion	156
Tsjuga S.A. The Labor Collectives as Subjects of Constitutional and Legal Relations and the Electoral Process.....	161
Shalaeva T.Z. Problem Domain Name in the Legal Regime of Information Resource	168
Information about the authors	181

ГІСТОРЫЯ

УДК 339.924 (476+470+571)

М.Э. Часноўскі

АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКОЙ ІНТЭГРАЦЫІ Ў ПАЧАТКУ XXI ст.

На працягу паўтара дзесяцігоддзя пасля прэзідэнцкіх выбараў 1994 г., якія азнаменавалі новы стыль кіравання, надзённыя беларускія знешнепалітычныя акцэнтны фарміраваліся і змяняліся ў выглядзе геапалітычнага маятніка. У выгадны для Мінска момант ён схіляўся то на Усход (расійскі прыярытэт), то на Запад – у бок Еўрапейскага саюза (ЕС). Такая манеўранасць дазваляла дзяржаве захоўваць суверэннітэт і дасягаць сваіх інтарэсаў у эканоміцы і знешняй палітыцы. Транзітны геаграфічны стан Беларусі дапамагаў няспынай працы маятніка, які так ці інакш «сілкаваўся» зацікаўленасцю большасці заходніх краін і партнёраў па еўразійскай прасторы ў зносінах з ёю. Адначасова для дзяржаў – удзельніц Садружнасці Незалежных Дзяржаў (СНД) Беларусь набыла статус узору ў працэсе шырокай інтэграцыі з Расійскай Федэрацыяй. Змена інтэграцыйнай стратэгіі Расіі, якую стаў ажыццяўляць з пачатку 2000-х гг. новы яе лідар, паволі вяла да пэўнага абмежавання незалежнасці Рэспублікі Беларусь і самастойнасці беларускага кіраўніцтва ў правядзенні знешняй палітыкі. Адначасова ўзніклі разнавіднасці беларуска-расійскай інтэграцыі ў двух- і шматбаковым фармаце як варыянты разнахуткаснай інтэграцыі на прасторы СНД.

Эвалюцыя зместу беларуска-расійскай інтэграцыі

Праз увесь перыяд суверэннага развіцця больш важкія імпульсы беларускі геапалітычны маятнік атрымліваў ва ўсходнім пункце вагання. Яны былі расійскай платай за службу ў якасці ўзору такой інтэграцыі для постсавецкіх рэспублік, якую будаваў Крэмль. Значэнне згаданай інтэграцыі выразна ўзрасло з 2000-х гг., калі прэзідэнт У. Пуцін стаў мэтанакіравана аднаўляць уплыў у так званым блізкім замежжы.

Агульныя рысы гэтай стратэгіі склаліся яшчэ пры першым расійскім прэзідэнце Б. Ельцыне. Ён праводзіў лінію, сутнасць якой – за рэгіянальнае лідарства трэба плаціць. У імя такой мэты Крэмль падтрымліваў не толькі палітычнымі сродкамі, але і фінансава дружалюбных лідараў постсавецкіх краін. У. Пуцін у пасляельцынскай Расіі на працягу ўсіх гадоў фактычнага праўлення праводзіў прынцыпова іншую канцэптuallyную лінію: уладарства Расіі на постсавецкай прасторы павінна ўзбагачаць рэсурс расійскай эканомікі, а не трымацца коштам яе выдаткаў. Згаданая лінія метафарычна ўвасобілася ў закліку У. Пуціна «аддзяліць мух ад катлет».

Зразумела, што афіцыйнаму Мінску стала на парадак складаней іграць ролю ўзорнага партнёра ў расійскіх інтэграцыйных схемах. У прыватнасці, няўмольна нарасталая тэндэнцыя абмежавання самастойных знешніх крокаў беларускага кіраўніцтва з боку расійскіх цэнтраў уплыву.

Расійскае кіраўніцтва непаколілі крокі афіцыйнага Мінска насустрач Еўрапейскаму саюзу. Прыкладна з восені 2008 г. яны выліліся ў адноўлены дыялог уладаў Беларусі з ЕС і планы ўдзелу ў палітыцы «Усходняга партнёрства», куды РБ была прынята ў канцы сакавіка 2009 г. Беларускае кіраўніцтва стрымана і выбіральна рэагавала на гэтую падзею. Акцэнт рабіўся выключна на значнасць толькі эканамічных адносін паміж Мінскам і Бруселем, на адмову ЕС ад дыскрымінацыі ў дадзеных адносінах. Беларусь настойліва шукала новыя нішы для развіцця сваёй эканомікі і магчымасці аслаблення ізаляцыйных сцэнарыяў Захаду. Масква ж падазравала, што для беларускіх кіраўнікоў пры збліжэнні з Еўрасаюзам палітычныя і іміджавыя дывідэнды важнейшыя за фінансава-эканамічныя.

На фоне пэўнага беларуска-заходнееўрапейскага збліжэння Масква ўгледзела праблему статусу заходняй беларускай мяжы. Па меркаванні Крамля, са з'яўленнем СНД

Беларусь аказалася стражам заходняй мяжы Садружнасці. Але з гадамі, уцягваючыся ў лімітрофную палітыку адносна Расіі, Мінск усё актыўней эксплуатаваў на міжнароднай арэне вобраз абаронцы межаў. У свядомасць расійскага істэблішмента нібыта ўбівалася паняцце Беларусі як новай Брэсцкай крэпасці, адбіваючай атакі НАТА. Пазней, з пачатку XXI ст., беларускае кіраўніцтва старалася сфарміраваць ужо ў Еўрасаюзе вобраз краіны-шчыта супраць нелегальных мігрантаў, наркакур'ераў і нават тэрарыстаў, прыбываючых з усходу, г.зн. з Расіі. З 2009 г. актыўна развівалася тэма «Беларусь – фарпост заходняй цывілізацыі на ўсходзе Еўропы». Масква ж пераконвала, што добра фінансуемая праграма добраўпарадкавання знешніх межаў існуе ў рамках Саюзнай дзяржавы. На гэтыя сродкі, львіная доля якіх паступіла з расійскага бюджэту, на тэрыторыі Беларусі ўзведзены пагранічныя заставы і створаны пагранатрады. Аднак пытанне ўмацавання памежжа маецца і ў тэматыцы праграмы «Усходняе партнёрства». Таму расійскія аналітыкі з'едліва заяўлялі, што Мінск атрымаў унікальны шанс – утрымліваць і забудоўваць памежную структуру як коштам Расіі супраць НАТА і ЕС, так і коштам ЕС супраць Расіі.

Тут мы сведкі ацэнкі дзяржаўнай мяжы ў атавістычных катэгорыях халоднай вайны 2-й паловы XX ст. Зараз дзяржаўная мяжа не можа стаць сапраўдным шчытом пры вядзенні вайны сучаснымі сродкамі. Таму пытанне ніяк не атаясамліваецца з гандлем мяжой. Сучасная дзяржаўная мяжа – сапраўды адзін з нешматлікіх бар'ераў на шляху нелегальнай міграцыі, наркатрафіку і тэрарызму. Беларуская заходняя – у асаблівасці. У гэтым сэнсе яна карысная і для Захаду, і для Усходу.

Расійскія аналітыкі вынайшлі даволі фантастычную перасцярогу збліжэнню Беларусі з ЕС і НАТА. Яны сцвярджалі, што яно пагражае тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі. У доказ заяўлялі, што беларускі шлях у структуры заходняй інтэграцыі ляжыць выключна праз Польшчу. Іншых варыянтаў няма. Менавіта Варшава стане патраніраваць Мінск. А гэта будзе патэнцыяльна весці да сур'ёзных унутрыпалітычных катаклізмаў і нават сепаратызму ў беларускім грамадстве. У расійскай інфармацыйнай прасторы сталі пануючымі сцвярджэнні, што Беларусь і Расія зацікаўленыя адна ў адной, аднак гэта зацікаўленасць несіметрычная і асінхронная. Маўляў, з гадамі залежнасць беларускай эканомікі ад расійскай расце, а ў яе экспарце пераважае прадукцыя з расійскай сыравіны і камплектуючых; расійскія субсідыі набылі крытычны ўплыў на беларускую эканоміку. У той жа час залежнасць Расіі ад Беларусі, уключаючы ваенна-палітычную і транзітную, ужо істотна знізілася або зыходзіць на нішто. Агульная запатрабаванасць Беларусі для Расіі падае, што абумоўлівае мэтазгоднасць зніжэння эканамічнай падтрымкі, а сама Беларусь не імкнецца генерываць такія задачы, якія б узмацнілі гэтую запатрабаванасць.

Насуперак рэальнасці адносна свабоды ўжывання рускай мовы і павагі да правоў рускіх у Беларусі, з пачатку XXI ст. неаднаразова ва ўльтыматыўнай форме гучалі перасцярогі з-за іх гіпатэтычнага парушэння. Разнастайныя расійскія цэнтры непакоіліся колькасным скарачэннем на трэць расійскай абшчыны па выніках перапісу 2009 г. Папракалі беларускія ўлады за іх нібыта павышаную падазронасць да рускіх і расіян, пражываючых у Беларусі. Сцвярджалася, што ідзе працэс беларусіфікацыі гэтых расіян і нават праводзяцца антырасійскія інфармацыйныя кампаніі па натраўліванні расійскай абшчыны на сваю гістарычную радзіму. Не прымаўся да ведама той пераканаўчы факт, што Беларусь уваходзіць у расійскую інфармацыйную прастору, а не наадварот.

Са сказанага вынікае, што з пачатку XXI ст. Расія паслядоўна змяняла мэту інтэграцыі з Беларуссю, менавіта імкнулася надаць Беларусі лімітрофную ролю, дзеля чаго стварала для свайго блізкага замежжа вобраз Беларусі, шчаслівай дзякуючы саюзу з Расіяй, і адначасова выкарыстоўвала яе як стратэгічнага партнёра і галоўную апору свайго ўплыву на захадзе постсавецкай прасторы. Варыянты самастойнай суверэннай знешняй палітыкі Мінска фактычна выключаліся. Таму расійскае кіраўніцтва пастаянна заяўляла аб гатоўнасці інтэгравацца ў розныя праекты: то ў Саюзную дзяржаву, то ў Мытны саюз,

то ў Адзіную эканамічную прастору. Жаданне ўтрымліваць Беларусь у сферы свайго ўплыву пабуджала Расію ўкладваць у гэта сур'ёзныя рэсурсы. Аднак рэальнасць была іншай, паколькі расійскія рашэнні рэалізаваліся не са стратэгічнага цэнтра, а пад уплывам розных груп інтарэсаў, кланаў уплыву. Яны мелі зусім іншы погляд на канкрэтныя эканамічныя рашэнні ў рамках узнікаючых сітуацый.

Паколькі такая інтэграцыйная стратэгія не спрацоўвала, то цэнтры расійскага геапалітычнага аналізу прапанавалі іншы падыход. Ён некалькі адрозніваўся і ад так званай «мяккай» сілы, і ад дэманстрацыі сілы як спосабаў навязвання саюзніцкіх адносін. Яго можна акрэсліць як «дэманстрацыя пераваг». Сутнасць новага падыходу ў наступным: заходні напрамак постсавецкай прасторы для Расіі больш значны, чым цэнтральна-азіяцкі або каўказскі. Таму дзейнічаць адносна больш значных расійскіх ускраін патрэбна больш цвёрда. У прыватнасці, не прэферэнцыямі і датацыямі, а дэманстрацыяй расійскіх пераваг над Украінай, Беларуссю і Малдовай, дзе, на думку расійскіх стратэгаў, імкліва расце разрыў у даходах радавых грамадзян адносна расіян і на фоне дэіндустрыялізацыі згаданых абшараў узрастае розніца ў прамысловым развіцці ў параўнанні з Расіяй. З-за гэтага індустрыяльнага разрыву большасці грамадзян постсавецкіх рэспублік стане цалкам няважна, дзе будзе цэнтр кіравання – у Кіеве, Мінску ці Маскве. Стратэгія прадбачвала зняцце любых датацый і пераход да жорсткіх рынкавых абмежаванняў, якія павінны хутка і эфектыўна «ацвярозіць» насельніцтва «заходніх ускраін». Крэмль – крэпасць для «заходніх ускраін», – так гучаў галоўны лозунг, а «мінімізацыя затрат на іх рэінтэграцыю ў расійскую прастору» становілася галоўным рычагам прапанаванай стратэгіі.

На фоне такіх пасылак важна адзначыць пэўную эвалюцыю інтэграцыйных сімпатый, якія дэманстравала беларускае грамадства. Паводле вынікаў незалежнага апытання (НІСЭПД) у верасні 2009 г., беларусы на альтэрнатыўнае пытанне «Калі б вам прыйшлося выбіраць паміж аб'яднаннем з Расіяй і ўступленнем у Еўрасаюз, то што б вы выбралі?» упершыню адказалі так: уступленне ў ЕС – 42,3%, аб'яднанне з Расіяй – 42,1%. У сакавіку 2011 г. адказы на аналагічныя пытанні ўжо далі адпаведныя значэнні 50,5% і 31,5%. Гэта сапраўды былі толькі сімпатыі, а геапалітычны настрой апытаных (паводле адказаў на іншыя пытанні) пераканаўча гучаў як «захаванне суверэнітэту беларускай дзяржавы».

Характар беларуска-расійскага стратэгічнага партнёрства

У двухбаковых беларуска-расійскіх адносінах стрыжнёвую лінію захоўвала стратэгічнае партнёрства. Шануючы яго прынцыпы, беларуская дыпламатыя працягвала актыўную працу з расійскім бокам, у тым ліку ў кантэксце эканамічнай інтэграцыі, ваеннага супрацоўніцтва, будаўніцтва Саюзнай дзяржавы пры захаванні асноватворных прынцыпаў – раўнапраўя бакоў і гарантый суверэнітэту Беларусі.

Стратэгічнае вымярэнне набылі вынікі супрацоўніцтва ў гуманітарнай сферы: пасля працяглай узаемнай «прыціркі» ў 2008 г. уступіў у сілу шэраг дакументаў саюзнага фармату: міжурадавае «Пагадненне аб парадку аказання медыцынскай дапамогі грамадзянам Беларусі ва ўстановах аховы здароўя Расіі і грамадзянам Расіі ў адпаведных беларускіх установах», двухбаковае «Пагадненне аб забеспячэнні роўных правоў грамадзян дзвюх краін на свабоду перамяшчэння, выбар месца знаходжання і жыхарства на тэрыторыях дзяржаў – удзельніц Саюзнай дзяржавы». З уступленнем у сілу гэтых пагадненняў увесь пакет роўных правоў беларусаў і расіян у Саюзнай дзяржаве набываў практычны статус.

У кастрычніку 2008 г. у Мінску адбылося пасяджэнне Савета Міністраў Саюзнай дзяржавы. Беларускую дэлегацыю ўзначальваў прэм'ер-міністр С. Сідорскі, расійскую – старшыня ўрада У. Пуцін. Былі разгледжаны актуальныя пытанні беларуска-расійскай інтэграцыі, ахапіўшай гандлёва-эканамічнае супрацоўніцтва, арганізацыю працы па ўліку, ацэнцы і кіраванні актывамі Саюзнай дзяржавы, саюзны бюджэтны працэс, рэалі-

зацыю «Асноўных напрамкаў фарміравання адзінай навукова-тэхналагічнай прасторы». Удзельнікі пасяджэння разгледзелі ход выканання «Плана мерапрыемстваў па стварэнні адзінай інфармацыйнай прасторы Саюзнай дзяржавы ў галіне сродкаў масавай інфармацыі на 2007–2010 гг.». Выпрацаваная на працягу 2008-га і замацаваная ў пачатку 2009 г. у выглядзе адпаведных рашэнняў на вышэйшым і высокім узроўнях стратэгічная лінія беларускай працы на расійскім напрамку ў асноўным забяспечвала стабільнасць узаемадзеяння, якое ажыццяўлялася з улікам нацыянальных інтарэсаў краіны.

У студзені 2009 г. Беларусь і Расія на пасяджэнні Савета Міністраў Саюзнай дзяржавы падпісалі сумесны антыкрызісны план. Стрыжнем дакумента стала дамоўленасць пра абмен інфармацыяй па прыватызацыі аб'ектаў прамысловасці і ўмацаванні эканамічнай інтэграцыі. Аднак беларуска-расійскае стратэгічнае партнёрства нельга было параўнаць, як, дарэчы, і раней, з ідылічнай згодай і салідарнасцю. Адносіны з Масквой істотна, хоць і палітычна прыглушана, сталі азмрочвацца цесна звязаным з заходне-еўрапейскім вектарам Беларусі і «правіслым» пытаннем прызнання ёю незалежнасці Паўднёвай Асеці і Абхазіі. Згаданая сувязь не толькі была прычынна абумоўленай, але і звязанай па часе; вясной 2009 г. гэта азначала: калі пад націскам Расіі Беларусь не становіцца ўдзельніцай «Усходняга партнёрства», то, прызнаўшы дзве новыя рэспублікі, захоўвае шырокія расійскія фінансава-эканамічныя прэферэнцыі. Калі ж яна далучаецца да «Усходняга партнёрства», то змяняецца да горшага змест расійска-беларускага стратэгічнага партнёрства.

Уступіўшы ва «Усходняе партнёрства», Мінск спрабаваў іграць на два «фронты» з мэтай захаваць спрыяльныя адносіны і з Усходам, і з Захадам. З эканамічнага пункту погляду такая стратэгія цалкам апраўдвалася, паколькі ЕС для Беларусі з'яўляўся другім па важнасці гандлёвым партнёрам пасля Расіі – туды ў 2008 г. было накіравана 44% экспарту і тавараабарот ацэньваўся ў 22 млрд дол. (з Расіяй – 35 млрд). Ясна, што Беларусь была зацікаўлена ў пашырэнні гандлёвых адносін, якім перашкаджаў адмоўны вобраз краіны на Захадзе.

Не было сумнення, што Масква лічыла ўдзел Беларусі ва «Усходнім партнёрстве» антырасійскім па характары, аднак прамалінейных перашкод да 2010 г. гэтаму працэсу не аказвала. Тым больш яна была здольнай перабіць заходні беларускі вектар уласнымі гандлёва-фінансавымі прэферэнцыямі. Расійская фінансавая дапамога Беларусі як альтэрнатыва «Усходняму партнёрству» пэўны час служыла фактарам стрымлівання беларускіх апетытаў на Захадзе. Аднак ужо ў канцы 2009 г. Масква дала зразумець, што і крэдыты, і льготныя саюзніцкія тарыфы на энерганосьбіты для Беларусі лічыць формай субсідзіравання беларускай эканомікі на палітычнай аснове. Гэтае патрабаванне агучвалася шматлікімі расійскімі аналітыкамі так: «Калі Крэмль даціруе Мінск, то ён мае права патрабаваць адпаведных крокаў у плане палітычнай і эканамічнай інтэграцыі».

Расійскае кіраўніцтва таксама не магло дараваць беларускаму лідару тое, што ён на працягу 2009 г. тройчы сустракаўся з адыходзячым з пасады ўкраінскім прэзідэнтам В. Юшчанкам, па маскоўскай версіі, адыёзнай антырасійскай фігурай; падазравалася, што візіты, траншы МВФ для Беларусі і праславуе «Усходняе партнёрства» маюць цесную сувязь.

Стратэгічнае беларуска-расійскае партнёрства традыцыйна працягвалася ў сферах ваеннага супрацоўніцтва і бяспекі. Менавіта ў гэтым ключы як вызначальны напрамак трэба разглядаць рашэнні 2007–2009 гг. па яго ўмацаванні ў абароннай сферы. У прыватнасці, заключэнне двухбаковых пагадненняў аб сумеснай ахове знешняй мяжы Саюзнай дзяржавы ў паветранай прасторы і стварэнні адзінай рэгіянальнай сістэмы супрацьпаветранай абароны (СПА) Расіі і Беларусі. Дакументы паставілі «юрыдычную кропку» ва ўжо існуючым цесным узаемадзеянні бакоў у дадзенай галіне. Аднак пагадненне аб стварэнні адзінай рэгіянальнай сістэмы СПА беларускі прэзідэнт зацвердзіў

толькі ў лютым 2012 г., або, як пракаменціравала беларуская апазіцыя, «аддаў беларускае неба Расіі». Трэба меркаваць, згаданы крок быў вымушаны. Ён адкладваўся з 1999 г. дзеля атрымання ўзамен больш выгадных эканамічных прэферэнцый ад Расіі. Імі, мабыць, сталі крэдыт на будаўніцтва АЭС і фінансавы крэдыт па лініі ЕўрАзЭС.

У студзені 2012 г. Масква занепакоілася наконт тэрытарыяльнай цэласнасці свайго ўсходняга стратэгічнага партнёра. Генеральны штаб Расіі прыкмеціў пагрозу ваеннай бяспецы сваёй дзяржавы ў тэрытарыяльных прэтэнзіях Польшчы да Беларусі. Расійскія ваенныя палічлі, што Варшава намерана адрэзаць частку Брэсцкай і Гродзенскай абласцей. Падзэрэнні былі працягам выказванняў беларускага прэзідэнта, які некалькі месяцаў раней заявіў аб раскрыцці польскага сакрэту, што «заходняя мяжа ў нас павінна пад Мінскам праходзіць». Сцвярджэнне тады выклікала абурэнне і рэзкі дыпламатычны дэмарш Варшавы. Польскае знешнепалітычнае ведамства заявіла, што «прыпісанае польскім уладам жаданне перагледзець дзяржмяжу пазбаўлена ўсялякіх падстаў... Такія заявы з'яўляюцца падбухторшчыцкімі, яны цалкам безадказныя і разлічаны на стварэнне непатрэбных праблем у адносінах паміж суседзямі». Сапраўды, у «Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Беларусі» ад 9 лістапада 2010 г. сцвярджалася, што «дзяржаўныя межы Рэспублікі Беларусь не з'яўляюцца прадметам тэрытарыяльных спрэчак і дамаганняў», а «стан пагранічнай бяспекі стабільны». Пазней аналітыкі не ўгледжвалі рэальных фактаў і падстаў для пагаршэння стану пагранічнай бяспекі Беларусі і дапускалі, што вобраз патэнцыяльнага захопніка спатрэбіўся расійскім стратэгам для ўмацавання пачуцця залежнасці і прывязкі Беларусі да свайго ўсходняга стратэгічнага партнёра. На ролю захопніка найлепш падыходзіла Польшча як сумежная з Беларуссю дзяржава, ініцыятар непрымальнага для Масквы «Усходняга партнёрства», найбольш настойлівы «дэмакратызатар» беларускага грамадства і краіна, да якой існуе пэўная негатыўная гістарычная памяць у масавай свядомасці беларусаў.

Гандлёва-эканамічнае супрацоўніцтва

У гандлёва-эканамічнай сферы прыярытэтным для Беларусі заставаўся расійскі вектар. У цэлым адносіны Беларусі і Расіі, асабліва пасля 2006 г., характарызаваліся высокім узроўнем узаемадзеяння, захаваннем пэўнага ўзаемадаверу, што дазволіла выйсці на вырашэнне шэрагу важных эканоміка-фінансавых і гаспадарчых пытанняў.

Толькі ў 2008 г. было праведзена пяць сустрэч на вышэйшым узроўні, якія пацвердзілі пераемнасць расійскага курсу на будаўніцтва Саюзнай дзяржавы. З расійскім кіраўніцтвам (прэзідэнт Д. Мядзведзеў) былі ўстаноўлены актыўныя кантакты ў гаспадарча-эканамічнай сферы, замацаваны раней напрацаваныя сувязі. Асаблівая ўвага надавалася ўтрыманню дасягнутых у гандлі з Расіяй вынікаў, пашырэнню кааперацыі, прыцягненню інвестыцый, пошуку дадатковых магчымасцей пашырэння геаграфіі паставак, фарміраванню тавараправодзячай сеткі, рашэнню шэрагу іншых знешнеэканамічных задач з улікам новых рэалій і неабходнасці мінімізаваць наступствы сусветнага фінансавага крызісу 2008–2009 гг. для працы беларускіх экспарцёраў на расійскім рынку.

Ва ўмовах крызісу ўзрастала актуальнасць прамых сувязяў паміж беларускімі і расійскімі рэгіёнамі. Рэалізацыя згаданай задачы ішла шляхам інтэнсіфікацыі міжрэгіянальнага супрацоўніцтва, росту колькасці сумесных знешнеэканамічных здзелак як у Беларусі, так і ў Расіі. У 2008 г. такімі мерапрыемствамі было ахоплена больш за 50 суб'ектаў Расійскай Федэрацыі, хоць пазней іх колькасць паменшылася.

Узгадненне намаганняў, накіраваных на прагматычнае выкарыстанне традыцыйных гандлёва-эканамічных і кааперацыйных сувязяў дзвюх краін, працяглы час дазваляла пазбягаць у двухбаковым дыялогу ўзаемных прэтэнзій, прадаўжаць устойлівы алгарытм канструктыўнага ўзаемадзеяння. Аднак у 2008 г. афіцыйны Мінск насцярожана ўспрыняў прапанову Масквы ажыццяўляць роўны доступ бакоў да дзяржзакупак. Несу-

вымерна большы аб'ём фінансавага капіталу з расійскага боку мог прывесці беларускіх пастаўшчыкоў да стратэгічнага проігрышу расійскім на рынку дзяржзакупак.

З году ў год удавалася захаваць станоўчую дынаміку беларуска-расійскага тавара-абароту, які ў 2008 г. дасягнуў рэкорднай планкі (34,2 млрд дол. ЗША) і ў параўнанні з 2007 г. вырас на 31,1% (на 8,1 млрд дол.). Беларускі экспарт у Расію склаў 10,6 млрд дол. (рост на 19,2%). На жаль, двухбаковы гандаль заставаўся незбалансаваным; па выніках 2008 г. адмоўнае сальда складалася ў памеры 13 млрд дол. Яго павелічэнне на 4,7 млрд дол. абумоўлівалася значным ростам цэн на расійскія энерганосьбіты і вуглевадародную сыравіну.

Па ініцыятыве Мінска была выпрацавана стратэгія выкарыстання мер агульнаэканамічнага характару, накіраваная на захаванне станоўчых тэндэнцый развіцця ўзаемнага гандлю ў перыяд сусветнага фінансава-эканамічнага крызісу. Яе ключавым элементам стаў План сумесных дзеянняў урадаў дзвюх краін па мінімізацыі наступстваў крызісу, паляпшэнні параметраў плацежнага балансу, удасканаленні ўмоў вядзення прадпрымальніцкай дзейнасці і ўзаемнага гандлю. План быў зацверджаны Вышэйшым Дзяржсаветам Саюзнай дзяржавы (3.02.2009, Масква).

Аднак разблакіраваць механізмы тармажэння ў 2009 г. не ўдалося. Больш за тое, у чэрвені ўспыхнула так званая беларуска-расійская «малочная вайна». Тады Распажыўнагляд забараніў увоз у Расію беларускай малочнай прадукцыі, што пагражала бюджэту Беларусі стратай прыкладна 1 млрд дол. Беларускі прэзідэнт у гэтых умовах папярэдзіў, што пад пагрозай знаходзіцца ваеннае супрацоўніцтва паміж Масквой і Мінскам. Зачэпкай для санкцый, па сцвярджэнні Масквы, стала тое, што Беларусь не перааформіла дазвольную дакументацыю ў адпаведнасці з новым расійскім тэхнічным рэгламентам, які размежаваў паняцці «пітнае малако» і «напой, адноўленыя з парашковага малака». Амаль 500 відаў малочнай прадукцыі беларускіх вытворцаў страцілі права экспартнай рэалізацыі ў Расіі. Толькі праз некалькі тыдняў бакам удалося ўзгадніць паэтапны парадак афармлення новай дакументацыі і паставак беларускай малочнай прадукцыі.

Сіметрычным адказам Мінска на расійскія абмежаванні стаў узмоцнены рэжым кантролю за перамяшчэннем грузаў на асноўных беларуска-расійскіх магістралях і патрабаванне аплачваць расійскі газ не па стаўках, заяўленых «Газпрамам», а паводле ўзгодненай раней прэзідэнтамі дзвюх дзяржаў сярэднегадавой цане ў 150 дол. за 1 тыс. м³ газу. Толькі пад канец чэрвеня полымя «малочнай вайны», узмоцненай «газавай вайной», стала пакрысе змяншацца; аднак яна нанесла бакам немалы ўрон. Беларусь, з улікам сувымернасці тэрыторый і аб'ёмаў эканамічнага патэнцыялу, пацярпела значна больш. Адгалоскі згаданых «войн», а таксама праблемы з іншымі таварнымі групамі беларускага экспарту ў Расію, транзіту расійскіх энерганосьбітаў праз Беларусь гучалі літаральна да позняй восені 2009 г.

Тым не менш у 2009 г. Расія традыцыйна заставалася асноўным гандлёвым партнёрам Беларусі, склаўшы 47,3% усяго яе знешнегандлёвага абароту. Аднак беларускі экспарт у Расію за 11 месяцаў 2009 г. упаў на 39,5%, дасягнуўшы толькі 6,39 млрд дол., а імпорт склаў 14,98 млрд дол.

Яшчэ ў 2006 г. Беларусь пасля шматгадовых спрэчак згадзілася на продаж расійскаму «Газпраму» 50% Белтрансгаза, роўнымі часткамі па 12,5% на працягу чатырох гадоў з коштам кожнага пакета 625 млн дол. у абмен на захаванне льготных коштаў на газ. Тры пакеты «Газпрам» набыў адпаведна ў 2006, 2007 і 2009 гадах. Сярэдні кошт газу на 2009 г. расійскі бок вызначаў у межах 150 дол. за 1 тыс. м³.

Нягледзячы на такія саступкі, энергетычныя адносіны Беларусі і Расіі на працягу шэрагу гадоў заставаліся выключна канфліктнымі. Канфлікты правакаваліся не толькі нафтавым фактарам, але і павелічэннем коштаў на расійскі газ. Расійскія групы інтарэсаў імкнуліся атрымаць кантроль над новымі беларускімі энергетычнымі аб'ектамі – нафта-

газавымі і электраэнергетычнымі. Прычым з 2012 г. транзіт нафты праз Беларусь пагражаў цалкам спыніцца. Гэта абумоўлівалася імкненнем Расіі забяспечыць уласную транзітную бяспеку, дзеля чаго ў абход Беларусі і Украіны будаваліся трубаправоды БТС-2 і «Паўночная плынь».

Нездаровае саперніцтва (барацьба на выжыванне) намецлася ў ядзернай энергетыцы. На пачатку 2010 г. пад Калінінградам расіяне заклалі Балтыйскую АЭС. Пры ўмове збудавання новай АЭС у Літве і Беларусі на перспектыву патэнцыяльна ствараліся агромністыя лішкі энергіі на адносна невялікай тэрыторыі. Тут дастаткова адной АЭС. Па меркаванні расійскіх аналітыкаў, у гэтай гонцы беларускі бок яўна прайграе. Закладка Балтыйскай АЭС і пачатак укладкі падводнага ўчастка газаводу «Паўночная плынь» сведчылі аб тым, што ў беларускага кіраўніцтва звужалася поле знешнеэканамічнага і энергатранзітнага манеўру.

Адначасова многія эканамічныя эксперты прыходзілі да высновы, што аслабленне беларускай пазіцыі ў энергетычнай сферы мела і пазітыўныя моманты. У Беларусі знікала магчымасць атрымліваць нафтавую рэнту з расійскіх льготных нафтавых паставак, і гэта павінна было стаць дадатковым стымулам правядзення эканамічных рэформ.

Распачатая з 2010 г. своеасаблівая тактыка блакіроўкі знешнеэканамічных механізмаў Беларусі і акцэнты задавальнення з вуснаў расійскіх палітыкаў ад яе прымянення сведчылі аб фактычнай адмове стратэгічнага саюзніка ўзгадняць і ўлічваць асаблівасці беларускага экспертнага патэнцыялу.

Расійскі ўплыў на валютна-фінансавы крызіс 2011 г. у Беларусі

Фактычна ўвесь 2011 г. у Беларусі прайшоў пад знакам пераадолення фінансавых цяжкасцей. Па меркаванні спецыялістаў МВФ, кіраўніцтва краіны на працягу 2010 г. праводзіла занадта «мяккую» эканамічную палітыку, яе сутнасцю сталі высокія тэмпы крэдытавання эканомікі і прадпрынятая ў канцы года папулісцкая мера – значнае павышэнне зарплат.

На павышэнне зарплат эканоміка адказала хуткай інфляцыяй па ўсіх франтах. Таму ўжо ў сакавіку 2011 г. Міжнароднае рэйтынгавае агенцтва Moody's Investors Service знізіла суверэнны рэйтынг Беларусі на адну ступень, з «В1» да «В2», з негатыўным прагнозам з-за растучых праблем з атрыманнем знешняга фінансавання. Зніжэнне рэйтыngu агенцтва тлумачыла высокім дэфіцытам плацежнага балансу, дасягнуўшага 16% ВУП. У пачатку красавіка МВФ прапанаваў адзіна эфектыўную меру аздаравлення эканомікі і фінансавай сферы Беларусі – дэвальвацыю рубля не менш, чым на 15%.

Працяглы час беларускія ўлады, найперш Нацыянальны банк, з такой прапановай МВФ не пагаджаліся. Хуткім і выніковым выходам з сітуацыі лічылася атрыманне знешніх крэдытаў. Крокі па лібералізацыі эканомікі мінімізаваліся. Як паказаў час, такая тактыка прывяла да валютна-фінансавага крызісу.

Супраць курса ўрада шукаць знешнія крэдыты на падтрыманне плацежаздольнасці рубля і бягучыя патрэбы выступалі шэраг эканамістаў і апазіцыйныя сілы.

Нечакана для Мінска і Расія, галоўны стратэгічны партнёр, абумовіла выдзяленне крэдыту папярэднім прадастаўленнем праграмы дзеянняў беларускага ўрада па прыватызацыі, якая «павялічыць долю прыватнага сектара эканомікі краіны». Прадстаўнікі расійскага ўрада выказваліся супраць выдачы крэдыту Беларусі, паколькі, «маючы неэфектыўную эканоміку, яна не зможа яго вярнуць». У маі было адмоўлена ў крэдыце з расійскага бюджэту, надзея засталася толькі на Антыкрызісны фонд ЕўрАзЭС: 3 млрд дол. ЗША – па 1 млрд штогод у 2011–2013 гг. на макраэканамічную стабілізацыю і пакрыццё дэфіцыту плацежнага балансу. Пры гэтым расійскі ўрад, галоўны донар фонда, запатрабаваў укладкі ў праграму 7,5 млрд дол. прыватызацыйных актываў. Аналітыкі адразу ўгледзелі ў гэтым разлік расійскіх манапалістычных колаў атрымаць на тры гады гаран-

тыю прыватызацыі значнай часткі прывабных беларускіх магутнасцей. Выдзяленне і гэтага крэдыту амаль дэманстравана зацягвалася. Расійскі пасол у Мінску А. Сурькаў у канцы красавіка прапанаваў перагаворы па ўвядзенні на тэрыторыі Беларусі расійскага рубля.

Фінансавы свет, уключаючы МВФ, заняў вычакальную пазіцыю. Раней, у 2009–2010 гг., нягледзячы на сусветны эканамічны крызіс, МВФ прадаставіў Беларусі крэдыт на 3,6 млрд дол. Зараз жа «зачыніў дзверы», заявіўшы аб адсутнасці крокаў з боку беларускіх уладаў па ўмацаванні фінансава-эканамічнай сферы, у прыватнасці – адсутнасці структурных рэформ і карэкціроўкі макраэканамічнай палітыкі. Насуперак гэтым рэкамендацыям урад рабіў асноўны акцэнт на рост экспарту як сродак кампенсацыі плацежнага дэфіцыту. Праўда, прадстаўнікі Еўрасаюза, адсочваючы фінансавыя цяжкасці Беларусі, прыкладна з канца лютага шматразова рабілі заявы аб гатоўнасці працягваць супрацоўніцтва з афіцыйным Мінскам па фінансава-эканамічных праблемах, нягледзячы на пагаршэнне адносін пасля прэзідэнцкіх выбараў 2010 г. Аднак для аднаўлення дыялогу ставіліся безальтэрнатыўныя палітычныя ўмовы.

Тым часам толькі за студзень–красавік 2011 г. адмоўнае сальда знешняга гандлю дасягнула больш за 3,7 млрд дол., перавысіўшы на 85% адпаведны паказчык мінулага года. Плацячы абсяцэненымі рублямі, усе беларускія пакупнікі неслі нашмат большыя выдаткі па імпарце. Прадпрыемствы не маглі купіць валюту для працягу сваёй працы. Апазіцыйныя сілы сталі сцвярджаць, што эканамічная палітыка паставіла пытанне аб далейшым існаванні краіны ў якасці незалежнай суверэннай дзяржавы.

Толькі ў канцы мая кіраўніцтва Беларусі адкрыта прызнала, што прычына валютнага крызісу – празмерная грашовая эмсія, а праз яе, «накачка» эканомікі і насельніцтва пустой грашовай масай. Прызнанне адкрыла шлях да радыкалізацыі аздараўленчых мер, хоць праграма аздараўлення валютна-фінансавай сферы не была абнародавана. 23 мая і 14 верасня прайшлі дзве дэвальвацыі рубля адносна долара, еўра і расійскага рубля. Яны прыпынілі інфляцыю і пэўным чынам стабілізавалі пакупніцкую здольнасць нацыянальнай валюты. Праўда, у выніку дэвальвацый курс рубля знізіўся на 108,7. Майская дэвальвацыя аказалася сусветным рэкордам апошніх 20 год, перавысіўшы эфіопскую 1992 і аргенцінскую 2002 гг.

Улады прадпрымалі забаронныя меры. Яны датычыліся найперш некантраляванага адтоку будаўнічых і іншых высокапрафесійных спецыялістаў за мяжу. Таксама пры асабістым вывазе за мяжу на продаж аўтамабільнага паліва і іншых сацыяльна значных тавараў устанаўліваліся пошліны і зборы.

Антыкрызісны фонд ЕўрАзЭС прыняў рашэнне выдзеліць Беларусі ў 2011–2013 гг. крэдыт у 3,0 млрд дол. Яго першыя траншы памерам 0,88 млрд выплачваліся летам і восенню. На люты 2012 г. планаваўся (аднак затрымліваўся) трэці транш у 440 млн дол.

У пачатку 2012 г. ва ўмовах адноснага паляпшэння фінансава-эканамічнай сітуацыі ў краіне знешнія фактары ўплыву на яе не зменшыліся. Напрыклад, падпісаўшы пагадненне аб крэдыце Антыкрызіснага фонда ЕўрАзЭС, Беларусь абавязалася штогод прадаваць дзяржмаёмасць на суму 2,5 млрд дол. Па меркаванні некаторых беларускіх аналітыкаў, куплю ўласнасці гарантавала сабе «алігархічная Расія». Продаж расійскаму «Газпраму» ў снежні 2011 г. 50% маёмасці «Белтрансгаза» яны ацэньвалі як паскарэнне васалізацыі Беларусі. Нават з улікам дыскусійнасці падобных ацэнак было зразумела, што ад прадуманых знешнепалітычных крокаў у значнай ступені залежала выкананне знакавых агульнадзяржаўных праектаў. Упэўненасці ў іх рэалізацыі не было.

А ў цэлым стабілізацыя валютна-фінансавай сферы праходзіла нетаропка. Сукупны аб'ём знешняга доўгу краіны на 1.01.2012 перавысіў 34 млрд дол., або 62,3% ад ВУП, пры тым што раней улады вызначылі максімальнае значэнне гэтага паказчыка на ўзроўні 55% ад ВУП. За 2011 г. ён вырас на 19,8%, а за 2007–2011 гг. Павялічыўся ў 21 раз. Узрасла даўгавая нагрузка на краіну: калі ў 2011 г. на пагашэнне і абслугоўванне знеш-

няга доўгу пайшло 628,9 млн дол., то ў наступным ужо патрабавалася 1,78 млрд, а ў 2013 і 2014 гг. – звыш 3 млрд дол. штогод.

Новая прапанова расійскай дыпламатыі ў студзені 2012 г. аб заключэнні манетарнай уніі не дадала аптымізму. Такі крок азначаў канчатковую прывязку Беларусі да Расіі ў эканамічным, фінансавым, палітычным, ваенна-стратэгічным плане і відавочнае абмежаванне дзяржаўнага суверэнітэту. МВФ прадаўжаў вывучаць магчымасць выдзялення крэдыту і абумоўліваў яго «пераканаўчымі крокамі ўрада ў эканамічнай палітыцы», патрабуючы знізіць удзел дзяржавы ў эканоміцы і павялічыць долю прыватнага сектара, каб тым самым павысіць яе эфектыўнасць. Таму эксперты ацэньвалі сітуацыю як дастаткова трывожную. Небяспеку ўяўляў не столькі памер знешняга доўгу, колькі адсутнасць структурных рэформ у эканоміцы. Без іх пагражала скатванне ў даўгавую яму.

Такім чынам, двухбаковая беларуска-расійская інтэграцыя ў пачатку XXI ст. перажывала малапрыкметную эвалюцыю, характэрнай рысай якой станавіліся намеры і практычныя крокі расійскага партнёра па замацаванні эканоміка-палітычнай залежнасці Рэспублікі Беларусь. Вырысоўвалася глабальная мэта Крамля – цвёрдымі эканоміка-палітычнымі мерамі ўтрымліваць Беларусь на расійскай геапалітычнай арбіце, цалкам выключаючы яе разварот на Запад.

Эканамічную сітуацыю ў прынцыпе магло аздаравіць толькі прыцягненне замежных інвестыцый, прычым заходніх інвестыцый, здольных укараніць сучасныя тэхналогіі і мадэрнізаваць транспартнае машынабудаванне, станкабудаванне, іншыя галіны, што выпускаюць складаную тэхнічную прадукцыю. У цэлым валютна-фінансавы крызіс 2011 г. падвёў рысу пад мінулае беларускае эканамічнае мадэлю як недастаткова эфектыўнай. Былыя крыніцы росту аказаліся вычарпаны. Такая сітуацыя патрабавала штуршка для пошуку шляхоў абнаўлення мадэлі эканамічнага развіцця.

Увогуле, у 2009 – пачатку 2012 гг. беларуска-расійская інтэграцыя і стратэгічнае партнёрства перажывалі выпрабаванне як рэальнасць і ілюзіі. Інтэграцыі часам навязваліся лімітрофныя рысы. Гэта абмяжоўвала рух геапалітычнага маятніка толькі ад намаганняў беларускага кіраўніцтва. Узросшая ад Расіі крэдытная залежнасць, продаж часткі важных вытворчых актываў, запазненне з рэфармаваннем эканомікі – усе гэтыя фактары паступова абмяжоўвалі геапалітычныя опцыі афіцыйнага Мінска. Паводле выказвання расійскага палітолага А. Суздальцава, для Беларусі наступіў час вялікай геапалітычнай мітусні. Пасля прэзідэнцкіх выбараў 2010 г. маятнік зусім затрымаўся ва ўсходнім пункце амплітуды. Гэта ўяўляла небяспеку для беларускай дзяржавы, паколькі роля яго запуску на поўную магутнасць належала Расіі або Захаду.

Chesnovski M.E. Peculiarities of Belarusian-Russian Integration at the Beginning of the XXI Century

During ten years and a half after the Presidential election in 1994, which marked a new style of leadership, vital Belarusian foreign accents were formed and changed like geopolitical pendulum. At the moment favourable to Minsk it deviated either to the East (Russian priority) or to the West- the side of the European Union (EU). Such maneuverability enabled the state to keep up the sovereignty and achieve its interests in economy and foreign policy. Transit geographical position of Belarus helped continuous work of the pendulum which one way or other was «nourished» by the interests of most Western countries and partners within Eurasian expanses related to it. At the same time for country members of the Commonwealth of Independent States (CIS) Belarus got the pattern status in the process of wide integration with the Russian Federation. The change of integration strategy of Russia which a new leader started to implement at the beginning of 2000 gradually led to definite limiting of independence of the Republic of Belarus and self-reliance of Belarusian leadership in foreign policy realization. At the same time there appeared the varieties of Belarusian-Russian integration in two and many-side size as the variants of integration of different speed on the territory of CIS.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.10.2012

УДК 93(476) «1550/1600»

А.А. Горбацкий

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЗЕМЕЛЬ ИВАНОВСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В статье рассматривается административно-хозяйственное устройство земель Ивановского района Брестской области во второй половине XVI в. Данная проблематика в научной литературе отражена недостаточно полно, а отдельные направления административно-хозяйственного устройства района вообще не исследовались. Автор показывает, как проводилась аграрная реформа, предложенная королем Сигизмундом II Августом, в селах Дружиловичи, Трилиски и местечке Мотоль. Приводятся списки жителей этих населенных пунктов с указанием количества земли, наличия крупного рогатого скота и уплачиваемого налога.

Введение

Во второй половине XVI в. король Сигизмунд II Август с целью более правильного устройства королевских крестьян и улучшения сбора королевских доходов повелел провести в 1561–1566 гг. волочное измерение королевских земель, организовать трехпольное хозяйство и равномерное распределение поземельных наделов, другими словами, провести новую аграрную реформу «валочная памера» Пинского староства. Цель таких административно-хозяйственных мер Сигизмунд II Август выразил в письме к пинскому старосте С. Довойне: «Поведаемъ тебе, ижъ для лепшого покоя межи подданныхъ нашихъ и для постановенья платовъ и пожитковъ нашихъ господарскихъ умыслили есьмо расказати въ старостве твоємъ Пиньскомъ, яко и въ иншихъ замкохъ и дворехъ нашихъ земли подданныхъ на волоки въ три поля розмерити и поровняти». Поручение короля было выполнено королевским дворянином (в ВКЛ и Речи Посполитой шляхтич, который служил при дворе великого князя или короля) Лаврином Войною (позже пинский староста) [4, с. I].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей проведения волочного измерения в Пинском старостве, а также анализ мер, предпринятых для организации ведения земельного хозяйства в отдельных селах нынешнего Ивановского района Брестской области.

Первые шаги аграрной реформы и административного устройства

Вместе с Л. Войною измерением земель занимался подскарбник (падскарбі) Фальчовский (Хвальчевский). Подобную работу выполняли Волович, Сапега, Дыбовский и др. Измерение производилось за счет казны и крестьян. Крестьяне обязаны были давать лицам, осуществляющим замеры их земель (мерчим), подводы и сохи, а также 10 грошей за проведение измерения одной уволки. За замеры так называемых бесхозных уволок платила казна, но с условием, что будущий хозяин земли возместит данную сумму. Во время измерений крестьяне обязаны были не только правильно показывать свои земли, но все известные им спорные земли. В 1561–1566 гг. в Пинском старостве были измерены только пахотные и сенокосные земли, а леса остались без измерения.

Для измерения была использована литовская система мер. Сама методика измерения выглядела так: брали шнур и откладывали на нем $7\frac{1}{2}$ литовских купеческих локтей (литовский локоть равен 25 русским дюймам). Затем этим же шнуром отмеряли квадрат, и это считалось одним пругом земли. Шнур, заключавший в себе 75 купеческих локтей в квадрате, равнялся десяти пругам земли, а три таких квадратных шнура в длину и один в ширину составляли один морг. Тридцать моргов составляли одну уволку земли. Со-

гласно русской системе мер XIX в., одна волока равнялась 19 десятинам, 1 354 кв. саж., 7 кв. фут. и 64½ кв. дюймам [4, с. IV].

В инвентаре Пинского староства четко определялся социальный состав крестьянского населения и указывался род занятий (согласно инвентарю, классы крестьян). 1. Батраки оставались в качестве огородников, прежде они еще назывались невольной челядью. Они не получали полного надела земли и были обязаны отбывать натуральные повинности. Например, в Селецком и Ставецком фольварках они получали участки по 6 моргов, в Дружиловском по 1 волоке, в Стытичевском фольварке по 10 моргов. Сыновья батраков получали социальный статус отчичей. Последние поселялись в селах и деревнях и получали социальный статус крестьян-осадников и тяглых крестьян. Те и другие получали полные земельные наделы и выполняли полные крестьянские повинности. Отличались они между собой тем, что осадники платили 30 грошей осады, 12 грошей за толоки, 10 грошей или бочку ржи за гвалты, а тяглые вместо этого налога должны были в неделю отрабатывать два рабочих дня. Следующими шли крестьяне на «голом чинше». Это были хозяева-арендаторы, имевшие своих «потужников», или помощников. Имели право заниматься арендаторством земляне, духовенство, служки и бояре.

В инвентаре по роду отдельных занятий были выделены колесники, бондари, печники, плотники, рыболовы, осочники, бортники, подлазники (или полазники), бобровники. Представители перечисленных специальностей получали землю за выполнение своих профессиональных обязанностей. Они уравнивались с сельскими войтами и получали по 2 волоки земли [4, с. V].

В инвентаре Пинского староства перечислены земельные наделы мещан Пинска и Нобея, крестьян Пинской, Заречной и Вядской волостей, земли хозяйских фольварков. Земельные наделы были повторно перемерены на волоки, морги и пруты; исходя из качества и количества земли, определены налоги и повинности с зависимого населения в пользу казны [1, с. 440]. Поскольку земля становилась одним из основных источников сбора налога, то она в Пинском старостве в зависимости от качества почвы была разделена на четыре разряда (степени качества) – хорошего, посредственного, плохого и очень плохого качества. За самые плохие земли по ревизорскому уставу назначалась плата по 42 гроша за одну волоку, а за самые лучшие – по 1 копе 24 гроша.

Что касается общей суммы налога, то она была разной. Так, осадные и тяглые крестьяне платили налога больше, чем чиншевые, частные крестьяне и арендаторы. Так, осадные крестьяне платили: чинша от 6 до 8 грошей, осады 30 грошей, за бочку овса 5 грошей, за отвоз 5 грошей, за гвалты бочку ржи или 10 грошей, за воз сена 3 гроша, за отвоз 2 гроша, за гуся, кур и яйца 3½ гроша, за стацию 2½ гроша, за толоки 12 грошей, на неводы 2 гроша, а всего 1 копу и 24 гроша с волоки. Тяглые же крестьяне платили только 32 гроша, но, кроме этого, должны были работать по 2 дня в неделю там, где прикажут. Батраки обязаны были работать по 2 дня в неделю на разнообразных работах, а их жены летом отрабатывать 12 толок на прополке и уборке хлебов.

В новом ревизорском уставе были и примечания. В тех случаях, когда крестьянам приходилось платить по новому уставу меньший налог, чем был прежний, с целью сохранения общей суммы королевских доходов оставлялась прежняя сумма налога.

Осадным, тяглым и чиншевым крестьянам разрешены были так называемые входы, т.е. право безвозмездного пользования королевскими лесами. Разрешалось собирать мед (устраивать борти), ловить рыбу в реках и озерах небольшими езами и ловушками. Данное право перечисленным крестьянам оставлялось в соответствии с существовавшей традицией. Крестьяне, которые разворачивали большие пасеки или другой вид деятельности, обязаны были возвращать в королевскую казну часть своей продукции. Например, те, кто отлавливал осетра, обязаны были третью часть возвращать в казну. В Пинском старостве особенно развита была ловля вьюнов.

В середине XVI в. в Пинском старостве были и крестьяне-собственники. Они имели право приобретать и продавать землю «на вечность». В отдельных селах крестьяне свои земли жертвовали в пользу церкви, однако впоследствии эти земли были отчуждены как королевские. В большинстве крестьяне имели от двух до четырех волов и от двух до трех лошадей. Немногие имели пять или шесть волов и пять лошадей. Как исключение – восемь-десять волов и восемь лошадей [4, с. VI–VII].

В состав Пинского староства входило 105 сел, 2 местечка и один город – Пинск. Пинск и села имели более 1437 уволоков земли, или 27300 десятин. Сюда не включались спорные с духовенством и земьянами (категория военнослужилого населения ВКЛ в XVI–XVII вв.) земли. Общего налога, без учета натуральных повинностей, население указанных территорий уплачивало более 1 160 коп или более 69 600 литовских грошей.

В административном отношении Пинское староство было разделено на восемь войтовств: Купетицкое, Паршевицкое, Чернчицкое, Курелицкое (Кужелицкое), Дружиловское, Христиболотское, Кигировское и Хоенское. (Войтовство – административно-хозяйственная единица в ВКЛ в XV–XVIII вв. В войтовство входила одна или несколько деревень, которые чаще всего составляли небольшое хозяйственное владение на великокняжеских землях. Во главе каждого войтовства стоял войт из крестьян). Кроме указанного административно-территориального деления было еще и волостное деление. На период 1561–1566 гг. в Пинском старостве было три волости: Пинская, Вядская и Заречная. Для более эффективной организации хозяйственной деятельности были образованы фольварки (вид феодального земельного владения в ВКЛ и Речи Посполитой: двор феодала с комплексом строений и угодий). Таких фольварков в Пинском старостве было четыре: Селецкий, Ставецкий, Дружиловский и Стытицкий. Фольварками руководили управители. Для обработки фольварочной земли использовались батраки или прежняя невольная челядь, получившая название огородников [4, с. IV–V].

В войтовство Курелицкое входили следующие села: Куреличи, Гневчичи (нынешние Гневчицы), Гутово, Великая Глиняная, Ворочевичи (нынешние Вороцевичи). В войтовство Паршевицкое входили села: Паршевичи, Кошевичи, Богушево, Соловы, Ляховичи, Понятичи, Бродница, фольварок Ставок [4, введение].

В войтовство Дружиловское входили села: Дружилевичи, Трилесица (нынешние Трилиски), Пнюхи, Псищево (нынешнее Псыщево), Старая Осовница, Малая Осовница, обруб Язвинки, местечко Мотоль, урочище Папоротница, обруб-урочище Скотовище.

В войтовство Хоенское входили села: Старые Кони, Погосто, Хвойно, Житковичи, Потаповичи, Кончичи, Иванкевичи, Прикладники, Оматовичи, Сваловичи, Бучин, Задолжье, Кухче, Хранин, Озерцы, Марочна, Сенчичи, Жидче, Коморы, Семехевичи, местечко Нобель, дворище Потаповское, дворище Путяловское [5, введение].

Таким образом, на период 1561–1566 гг. в четыре войтовства Пинского староства входили населенные пункты нынешнего Ивановского района.

Наделы и повинности в селах и местечках Ивановского района

Основной единицей измерения подворного крестьянского надела была признана волока, состоящая из 30-и, 33-х и более моргов, разделенных на три равных поля. Волока равнялась 30 моргам, но по причине того что в Пинском старостве почвы были слабоурожайными, то тут волока равнялась 33 и более моргам. Лишняя земля, которая оставалась после проведенных измерений по предложенной схеме и установленной норме, по желанию крестьян продавалась им или раздавалась бесплатно. Строго фиксированными были пахотные (полевые) наделы, а сенокосы, пастбища и выгоны оставались крестьянам в размерах, которые были на время проведения учета земельных угодий. Поэтому сенокосы, пастбища и выгоны у крестьян были неравномерны.

Каждая волока облагалась известного рода повинностью. Повинности были разнообразными. Частично их наличие и названия связывались с древними обычаями. Но в большей степени повинности зависели от качества почвы и от классового происхождения. В отдельных случаях в писцовую книгу, кроме сведений о наличии земли, включались сведения о наличии крупного скота – волов и лошадей.

Такое по форме составление писцовых книг мы видим на примере села Дружиловичи Дружиловского войтовства. На период 1561–1566 гг. войтом был Андрей (других его данных в писцовой книге не указано). Село Дружиловичи находилось между двумя реками – Комаровкой и Ходоровкой, а дома крестьян располагались в одну линию между первых двух полей. В центре села находился королевский двор. Дома парадной стороной были обращены к реке Комаровке, а тыльной – к реке Ходоровке. Хозяйственные постройки находились напротив домов, т.е. с другой стороны улицы [5, с. 5].

«Устава на валокі» способствовала развитию линейного (уличного) строительства. Поперек улицы или дороги нарезались узкие и длинные наделы земли. Существовало правило: кто получал целую волоку, должен был жилые постройки и те, что были рядом, ставить с одной стороны улицы, а хозяйственные и пригумённые – с другой. Кто получал полволоки, все строил с одной стороны [3, с. 75].

В результате проведенных измерений село Дружиловичи получало три поля. (Согласно «Уставы на валокі» 1577 г., пахотные земли делились на три части, каждая из которых имела свои границы «стенки»). Два находящихся рядом поля имели общие границы. Первая стена (назовем ее условно первая граница поля) была главной, начиналась от леса Пригон Остров, шла прямо на запад возле третьего поля и заканчивалась в Попуцком бору. Вторая стена (вторая граница поля) – боковая – начиналась от главной, шла прямо на север возле Попуцкого бора и прибавочных участков этого села и заканчивалась у своей задней (т.е. параллельной первой границе поля) стены, возле прибавочных участков. Третья стена (третья граница поля) – задняя (т.е. параллельный край поля по отношению к первой главной границе поля) – начиналась от боковой, шла прямо на восток возле прибавочных участков этого села и заканчивалась у леса Маковище. Четвертая стена (четвертая граница поля) начиналась от стены задней, от леса Маковище, шла прямо на юг возле бора Пасека и заканчивалась у своей главной стены, у Пригона (Прогона).

Третье поле находилось отдельно, в конце первых двух, за рекой Ходоровкой. Оно граничило с селом Трилесицей (ныне Трилиски). Один край третьего поля проходил возле застенка Туробля, а противоположный край проходил возле леса Клуня. В масштабах этого поля были отмерены и участки.

Первое поле, лежащее возле бора Пасека и застенка дружиловского священника, состояло из 18 участков, по 42 шнура в длину и по 8 протов в ширину, что составляло 11 моргов и 6 протов в каждом. Общая площадь – составляла 198 моргов и 66 протов.

Второе поле по своей величине было равным первому.

Третье поле, которое находилось в конце первых двух, за рекой Ходоровкой, имело 18 участков площадью 198 моргов 81½ прута. Таким образом, общая площадь различного качества пахотной земли села Дружиловичи составляла 594 морга 153½ прута.

Земли крестьянам села Дружиловичи, согласно земельной реформе, раздавали персонально или группе съемщиков. Как правило, съемщики были связаны родством, например, отец с сыновьями, братья, дядья и племянники. К подобным группам родичей могли присоединять потужников, посторонних людей, которых принимали для совместных работ или для совместного ведения хозяйства. Занимая первоначально обособленное положение, потужники впоследствии через экономические или родственные связи с группой родичей становились полноправными хозяевами.

Волоки крестьянам села Дружиловичи начали раздавать от бора Пасека и застенка дружиловского священника. В писцовую книгу села внесли сведения о наличии крупного рогатого скота и сведения о выделенной земле:

1. Лука и Яков Матвеевичи – 4 вола, 1 конь, 1 волока.
2. Михаил и Степан Антюховичи – 2 вола, 1 конь, 1 волока.
3. Степан и Кохно Начиничи – 2 вола, 1 конь, 1 волока.
4. Андрей Мартинович – 4 вола, 1 конь, 1 волока.
- 5/6. Иван Софронович, священник, церковной земли 2 волоки.
7. Он же как чиншевик (на денежном налоге) – 6 волов, 2 коня, 1 волока.
8. Авдей Васильевич как чиншевик – 2 вола, 2 коня, 1 волока.
9. На содержание управителя – 1 чиншевая волока.
10. На содержание дворового управления – 4 чиншевых волоки.

11. Пять волок земли имели непригодную почву для земледелия. Эти волоки бесплатно были отданы следующим крестьянам: Луке и Якову Мартиновичам, Михаилу и Степану Анцуховичам, Степану Пачиничу, Андрею Мартиновичу и Авдею Васильевичу.

12. Варфоломей Янович как служковец в 1563 и 1564 году (служки – категория крестьян-слуг в ВКЛ в государственных владениях, которые выполняли курьерские и инкассаторские обязанности) – 1 волока.

13. Семен Антюхович как чиншевик в 1563 и 1564 году – 1 волока.

На третьем поле землю крестьянам начали раздавать от боковой стены, смежной с бором Пасека.

1. Лука и Яков Мартиновичи, батраки на фольварочной службе – 1 волока.
2. Михаил и Степан Анцуховичи, батраки на фольварочной службе – 1 волока.
3. Степан, Кохно и Борис Начиничи, батраки на фольварочной службе – 1 волока.
4. Иван Софронович, церковный священник – 2 волоки.
5. Он же как чиншевик – 1 волока.
6. На содержание управителя одна чиншевая волока.
7. Дворовая земля – 5 волок.
8. Андрей Мартинович – 1 волока.
9. Авдей Васильевич – 1 волока.

10. Бесплатные прибавочные участки к 5 волокам, на этих участках земля неурожайная.

11. Варфоломей Игнатович как служковец в 1563 и 1564 году – 1 волока.

12. Семен Антюхович как чиншевик в 1563 и 1564 году – 1 волока.

На период составления инвентаря (1561–1566) в селе Дружиловичи было 18 волок непригодной земли. Она также была разделена бесплатно. Четыре волоки были переданы двору, 3 волоки священнику, 3 волоки передавалось огородникам, служковцам 1 волока, крестьянам, ставшим осадниками в 1562 и 1563 годах, – 4 волоки, а крестьянам, ставшим осадниками в 1564 году передавалась одна волока, две волоки оставались бесхозными.

Отдельно была сделана запись, касающаяся священника. В силу того что выделенных ему три волоки земли были малоурожайными и болотистыми, он получал дополнительное поле размером 8 моргов и 2 прута возле Масеева бора. Согласно древним обычаям, за церковь оставлялись и земли, находившиеся в других местах.

Крестьяне, получавшие землю, платили налог (повинности) с одной волоки. Чинша – 6 грошей; осады 30 грошей; за гвалты, бочку ржи – 10 грошей; за гуся, кур и яйца 3½ гроша, за стацию (феодалная повинность крестьян и мещан ВКЛ на содержание великого князя и его свиты во время выполнения ими судебными-административными функций на местах) – 2½ гроша, за толоки – 12 грошей, на неводы 2 гроша.

За четыре волоки земли и за все повинности крестьяне села Дружиловичи должны были платить 4 копы и 25 грошей. За одну волоку земли, выделенной осадникам, плата предполагалась в 1564 г.

Для Пинского староства характерным типом поселения был застенок. Как отмечалось выше, согласно «Уставы на валокі» 1577 г., пахотные земли делились на три части, каждая из которых имела свои границы – «стенки». Земли, которые оставались за этими границами, назывались застенками. Застенки арендовали мелкая шляхта и частично богатые крестьяне. Застенком называлось и поселение на этих землях.

Село Дружиловичи имело четыре застенка. Один застенок находился в урочище Шесть Дубов (возле Осовницкой дороги) и имел 2 морга самой непригодной земли. Два других застенка находились в урочище Липки (возле Смерицкой дубравы) общей площадью 1 морг и 30 протов (непригодной земли 1 морг и 3 прута). Четвертый застенок был расположен в урочище Зеленицы (возле Смерицкой дубравы) и имел 13 моргов самой непригодной земли. В этих четырех застенках было 17 моргов непригодной земли для земледелия. Предполагалось, что будущие пользователи земли заплатят за один морг по 1 грошу 5 пенязей, что должно было составить 25½ гроша [5, с. 4–9].

Определяя время начала выплат за земли, комиссия учитывала ее состояние и готовность. Если земля была неготова к использованию, а подъезды к ней были неудовлетворительными, то крестьянам предоставлялись льготы и отсрочка выплат. В такой ситуации оказались крестьяне села Трилиски (Трилисица).

Центр села Трилиски находился на втором поле. Село располагалось в одну линию, а улица имела площадь 5 протов. Жилые дома своей тыльной частью были обращены к реке и лесу, которые назывались Трилисица. Хозяйственные постройки находились через дорогу, напротив фасадной части домов.

Село Трилиски имело следующие границы своей земли. Первая главная стена (граница) начиналась от леса и вновь распаханного поля, называемого Подтрилиска, шла прямо на север, упираясь в участок третьего поля села Дружиловичи, и заканчивалась в Трилисицком лесу, который был еще не измерен. Боковая стена (граница) начиналась от главной стены, шла прямо на запад по Трилисицкому лесу и заканчивалась в конце этого леса. Параллельная стена (граница) к главной начиналась от боковой в конце Трилисицкого леса, шла прямо на запад и заканчивалась в этом же лесу. Вторая боковая стена (граница) шла на восток через Трилисицкий лес и соединялась с началом первой главной стены.

Первое поле находилось возле старых построек, имело 8 участков по 44 шнура в длину и 7½ прута в ширину, что составляло 11 моргов в каждом.

Второе и третье поле находились рядом и по площади были равны первому.

Общая площадь различного качества пахотных земель села Трилиски составляла 264 морга, или 8 волок.

Землю крестьянам начали раздавать со второго поля.

1. Войтех Пронцевич – 2 вола, 1 конь, 1 волока.
2. Осип Павлович – 2 вола, 1 конь, 1 волока.
3. Матвей Дегтярович – 2 вола, 1 конь, 1 волока.
4. Прон Дудчик с сыновьями – 2 вола, 1 конь, 1 волока.
5. Гаврило Сегеневич и Юрий Васильевич – 2 вола, 2 коня, 1 волока.
6. Юрий Васильевич – 2 вола, 2 коня, 1 волока.
7. Иван Проневич – 2 вола, 2 коня, 1 волока.
8. Яков Пронцевич – 2 вола, 1 конь, 1 волока.

Село Трилиски имело еще дополнительные (прибавочные) участки. Это была неурожайная земля. Дополнительные участки располагались в урочище возле Кривецкой дороги, а также в урочищах Язвинки, Кривцовщина, Княжья стежка, Тарасовка.

Еще один участок находился возле Бездежской дороги. Дополнительная земля составляла 31 морг, и крестьяне не обязаны были за нее платить.

Всей удобной или пригодной земли для земледелия в селе Трилиски было 8 волок. За эту землю крестьяне обязаны были платить: чинша 6 грошей; осады 30 грошей; за гвалты или бочку ржи 10 грошей; за гуся, кур и яйца 3 ½ гроша; за стацию 2½ гроша; за толоки 12 грошей; на неводы 2 гроша. Общая сумма платежей составляла 8 коп и 48 грошей.

Недалеко от села Трилиски, в урочище Тарасовское Нивище, находился застенек общей площадью 5 моргов. Этот застенек расположился между Калилами и Тарасовым лугом с одной стороны и рекой Калилской и Мотольской дорогой с другой. Эта земля оставалась пока без владельца. Представители короля Сигизмунда II Августа отметили, что если земля будет взята в пользование, то ее владелец обязан платить 2 гроша с морга, что должно составить 10 грошей.

В силу того, что между волоками было много дубрав и нераспаханных участков, крестьянам села Трилиски на три года предоставлялись льготы. С 1563 г. по 1566 г. они должны были платить только одну третью часть чинша, т.е. по два гроша. Общая сумма льготных платежей составляла 2 копы и 56 грошей в год. По истечению льготного периода крестьяне обязаны были платить всю назначенную сумму, т.е. 8 коп 48 грошей [5, с. 11–15].

Как было отмечено выше, в войтовство Дружиловское входило местечко Мотоль. В писцовой книге Пинского староства содержатся названия улиц местечка Мотоль: Берестейская, Глушецкая, Спасская, Пинская, Минская, Осовницкая и Ново-Берестейская. В этой же писцовой книге отмечается, что земля в местечке Мотоль раздается мещанам. Жилые дома и земля, принадлежавшая жильцам местечка Мотоль, находились вокруг рынка. Возле Мотоля была еще городская земля, она не включалась в общую площадь земли, которая принадлежала местечку. Учитывая исторические традиции Мотоля, часть усадеб была оставлена без изменения, на старом месте оставался и рынок.

Мещане местечка Мотоль также получали три поля. Первые два поля находились вместе, а третье отдельно. Первая главная стена (граница) двух полей начиналась от королевского леса в урочище Лясколо, шла прямо на восток, проходила возле гуменных плацов и заканчивалась возле городских огородов. Вторая боковая стена (граница) начиналась от главной стены, шла прямо на север, проходила возле городских огородов и заканчивалась в королевской пуще. Третья стена (граница) была параллельна первой, начиналась от боковой, или от конца участков третьего поля, шла прямо на восток, проходила возле королевской пущи и мотольских застенков и соединялась с боковой стеной возле тех же застенков. Четвертая боковая стена (граница) начиналась от стены, параллельной первой, или от отмеченных выше застенков, шла прямо на юг, проходила возле обруба Тристеница и заканчивалась возле Тристеницкого леса.

Третье поле располагалось между первым и вторым, городскими огородами и рекой Ясельдой (Ясолдой).

Первое поле, которое находилось недалеко от Ляскольского леса, имело 40 участков. Каждый из этих участков имел 51 шнур в длину и 7 протов в ширину, что составляло 11 моргов и 27 протов в каждом. Общая площадь поля 443 морга и 180 протов. Часть земли на этом участке была неурожайной.

Второе поле располагалось рядом с первым, и было ему равным. Оно также имело неурожайные земли.

Третье поле имело 40 участков, оно состояло из двух прямоугольных территорий, на первой территории находилось 8 участков, а на второй 32. Общая площадь этого участка составляла 353 морга 58 протов. Таким образом, общая площадь трех полей составляла 40 волок посредственной земли.

Землю жителям местечка Мотоль начали раздавать, начиная с первого поля.

1. Санец и Иван, Николай и Данило Романовичи, Степан Яцкевич – 2 волаки.
2. Радко, Жук Алексеевичи, Яков Станючич, Григорий Радкевич, Иван и Василий Жуковичи – 2 волаки.
3. Ермак Матвеевич, Евстафий и Павел Лецевичи – 1 волака.
4. Андрей Грицевич и Анания Величкович – 1 волака.
5. Семен и Метях Величковичи – 1 волака.
6. Андрей Онисимович, Фома Ячевич – 1 волака.
7. Андрей Семенович, Богдан Радкевич, Федор Данилович – 1 волака.
8. Федор Спорович, Василий Коленич, Яков Литвинович и Валентий Хильцевич – 1 волака.
9. Иван и Мартин Олисковичи – 1 волака.
10. Димитрий Семенович, Петр Елисеевич – 1 волака.
11. Михаил, Калиник Мисевичи, Мартин Филиппович и Василий Сукович – 1 волака.
12. Федор, Созон, Алексей Нестеровичи – 1 волака.
13. Богдан Поликарпович, мотольский священник, раньше имел землю, и теперь ему дано столько же – 1 волака.
14. Этот же священник как чиншевик – 1 волака.
15. Гаврило Иванович – 1 волака.
16. Кузьма Онисимович, Пашко Лукич, Иван Савич, Кирило Данилович – 1 волака.
17. Войт Станислав Шимвальский – 2 волаки.
18. Войт Станислав Шимвальский как чиншевик – 1 волака.
19. Федор Жукович и Данило Якович – 1 волака.
20. Андрей, Лукьян и Марк Позниковичи и Яков Олешкович – 1 волака.
21. Данило Волосович, Сидор Ходорович, Василий Онисимович – 1 волака.
22. Малуха, Черних и Борис Костюковичи – 1 волака.
23. Агафон, Сидор, Михаил Онацевичи – 1 волака.
24. Яков Иочевич, Евстафий Лечевич, Денис Ивачевич – 1 волака.
25. Семен и Игнатий Сеневици, Матвей Микулич, Яков Савич – 1 волака.
26. Василий Матфеевич, Константин Савич, Яков Матвеевич – 1 волака.
27. Евстафий и Иван Хомичи, Андрей Онисимович – 1 волака.
28. Осочник Марко Гриневиц (имеет 1 волаку в обрубке Токовище) – 1 волака.
29. Осочник Борис Гриневиц (имеет 1 волаку в обрубке Токовище) – 1 волака.
30. Мартин и Иван Олешковичи – 1 волака.
31. Юхна Олескович – 1 волака.
32. Созон Семенович – 1 волака.
33. Григорий Пожога – 1 волака.
34. Леон Сахович, Ананий Грицевич, Демид Гриневиц, Яков и Матвей Лечевичи – 1 волака.
35. Данило Волосович и Сидор Ходорович – 1 волака.

Вокруг местечка Мотоль находилась и неурожайная земля, таковой было определено 2 волаки и 12 моргов. Эти земли находились в урочищах Передний Верх (между городскими землями, лесом Дымище и болотом Дымище), Кличев (между Ведьминым болотом и лесом Дымница), Задняя Тростяница (между местечком Токовище и Дружиловским лесом; раньше эта земля принадлежала Даниле Волосовичу с потужниками) и в урочище Папоротница под Великим лесом (между обрубом Папоротница и старым полем возле леса. Раньше эта земля принадлежала Олизару Семеновичу). Неурожайные земли площадью от 2 до 4 моргов раздавались бесплатно тем жителям Мотоля, которые получали землю. Например, Ермак Матвеевич, Андрей Онисимович и Семен Величкович получили дополнительно по 2 морга земли, Андрей Семенович, Федор Спорович

и Иван Олешкович по 3 морга, Федор Сукович, Андрей и Лукьян Позняковичи получили по 4 морга неурожайной земли.

Как отмечалось выше, жители местечка Мотоль в соответствии с проведенной земельной реформой получали 40 волок земли, пригодной для ведения хозяйства. Из них две волоки принадлежали войту и одна – церкви. Налог на эти три волоки не устанавливался. Таким образом, земли, подлежащей налогообложению, мотоляне имели 37 волок. Мещане местечка Мотоль обязаны были платить налог: чинша – 40 грошей, за толоки – 12 грошей. Налог с 37 волок земли определялся суммой 31 копа и 21 грош [5, с. 65–75].

Заклучение

1. Проведение «валочной памеры» дало возможность установить количество пахотных земель на территории Ивановского района, а также разделить эти земли по плодородию. Это позволяло более динамично развивать сельское хозяйство. На развитие аграрных отношений в Пинском повете оказывали влияние взаимосвязанные экономические, социальные и политические факторы, которые, в свою очередь, были подвержены изменениям.

2. В результате проведения волочного измерения королевских земель в 1561–1566 гг. были составлены подробные списки жителей населенных пунктов нынешнего Ивановского района с указанием количества земли, крупного рогатого скота, уплачиваемого налога. Такого рода сведения являются ценным источником для исследований по разным направлениям.

3. Представленный в статье материал свидетельствует о том, что во второй половине XVI в. продолжало укрепляться господство феодалов на всех направлениях экономического и социального развития. В селах и местечках Ивановского района наблюдается постепенное разделение общественного труда, совершенствуются товарно-денежные отношения.

4. С целью повышения доходов и совершенствования производства комиссия Лаврина Войны предложила реорганизовать традиционную систему налогообложения: заменить дань отработочной и денежной формами ренты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вялікае Княства Літоўскае : Энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 2. – 792 с.
2. Грушевский, А. Пинское полесье : Исторический очерк (XIV–XVI в.). Ч. 1. Очерк истории Турово-Пинского княжества. – Киев, 1903. – 194 с.
3. Лакотка, А.І. Пад стрэхамі прашчураў / А.І. Лакотка. – Мінск : Польша, 1995. – 384 с.
4. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по велению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостою Лаврином Войною. Ч.1. – Вильна : Типография А.И. Зака, 1874. – 421 с.
5. Писцовая книга бывшего Пинского староства составленная по велению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостою Лаврином Войною. Ч. 2. – Вильна : Типография А.И. Зака, 1874. – 599 с.

Garbatski A.A. Administrative and Economic Structure of the Lands in Ivanovskiy District of Brest Region in the Second Half 16th Century

In the article the administrative and economic structure of the lands in Ivanovskiy district of Brest region is analyzed in the second half of the 16th century. This problem is reflected in the scientific literature not adequately and some directions of administrative and economic structure of the district have not been studied. The author shows how agrarian reform proposed by King Sigismund II Augustus in Druzhilovichi, Triliski villages and the town Motol was carried out.

УДК 631.15

Л.І. Ермаковіч

СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЕ РАЗВІЦЦЁ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ Ё 1939–1941 гг.

У артыкуле разглядаюцца і аналізуюцца першасныя мерапрыемствы савецкай улады ё галіне сельскай гаспадаркі Брэсцкай вобласці пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР восенню 1939 года ўключна да пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Пры гэтым галоўная ўвага надаецца характарыстыцы тых мерапрыемстваў, якія былі накіраваны на абмежаванне эканамічнай свабоды і гаспадарчай самастойнасці селяніна і стварэнне адпаведных умоў для развіцця сялянскай гаспадаркі па сацыялістычным (калгаснам) шляху. Падсумоўваюцца эканамічныя і сацыяльныя наступствы аграрных пераўтварэнняў, якія, на думку аўтара, супярэчылі прыроджанай сутнасці сялянскага ўкладу жыцця і мелі яскравы антысялянскі характар.

Уводзіны

Праблемам развіцця аграрных адносін у розныя часы, у тым ліку ё савецкі час, у айчыннай гістарычнай навуцы надаецца належная ўвага. Не мог не выклікаць цікавасці ё навуковых спецыялістаў і такі гістарычны перыяд, як аграрныя пераўтварэнні ё Заходняй Беларусі ё перадваенны перыяд (1939–1941 гг.). Аднак пры гэтым навукоўцамі разглядаюцца пераважна пытанні ажыццяўлення калектывізацыі сельскай гаспадаркі ё заходніх абласцях Беларусі. Намнога менш распрацаваны такія аспекты аграрнай палітыкі, як адносіны ўлады да індывідуальнай сялянскай гаспадаркі, масава-палітычная праца па змяненні грамадскай псіхалогіі ё вёсцы, мясцовыя саветы на службе ўлады, на чым якраз акцэнтуюцца ўвага аўтара. Акрамя таго, да выбару тэмы артыкула спрычынілася і тая акалічнасць, што тэма мае краязнаўчы аспект, які пакуль што не знайшоў свайго глыбокага адлюстравання ё навуковай літаратуры. Да таго ж у артыкуле выкарыстоўваецца архіўны матэрыял, які ўпершыню ўводзіцца ё навуковы ўжытак.

Развіццё сельскай гаспадаркі Брэсцкай вобласці ё перадваенны перыяд (1939–1941 гг.)

Брэсцкая вобласць была ўтворана 4 снежня 1939 года з тэрыторыі Брэсцкага, Кобрынскага і Пружанскага паветаў Палескага ваяводства Польшчы. Яна была падзелена на 18 раёнаў: Антопальскі, Брэсцкі, Бярозаўскі, Высокаўскі, Гайнаўскі, Дамачаўскі, Дзівінскі, Жабінкаўскі, Камянецкі, Кляшчэльскі, Кобрынскі, Косаўскі, Маларыцкі, Поразаўскі, Пружанскі, Ружанскі, Сямяціцкі і Шарашоўскі. Яе даваенная тэрыторыя складала прыкладна палову сучаснай тэрыторыі Брэсцкай вобласці.

Адразу пасля прыходу Чырвонай Арміі на Берасцейшчыну напрыканцы верасня 1939 г. тут распачаліся сацыяльна-эканамічныя пераўтварэнні ё вёсцы. Першым крокам на шляху гэтых пераўтварэнняў стала вынішчэнне польскага памешчыцкага і асадніцкага землеўладання. 29 кастрычніка 1939 года Народны сход Заходняй Беларусі прыняў Дэкларацыю аб канфіскацыі зямель памешчыкаў, кляштараў, буйных дзяржаўных чыноўнікаў з усім інвентаром, сядзібнымі пабудовамі і жывёлай. Уся зямля абвяшчалася дзяржаўнай уласнасцю.

Ліквідавалася таксама асадніцкае землеўладанне. Толькі ё лютым 1940 г. з Брэсцкай вобласці было выселена 1 585 асаднікаў і работнікаў лясной аховы. Выселеным асаднікам належала 1 267 коней, 3 772 галавы буйной рагатай жывёлы, 1 893 авечкі, 2 814 свіней, 13 504 хатнія птушкі, 1 198 вуллёў з пчоламі, 7 318 цэнтнераў збожжа, 33 457 цэнтнераў бульбы, 1 034 жылыя дамы, болей за 3 тыс. гаспадарчых пабудоў [1, с. 202].

Наступным крокам стала ліквідацыя сялянскага беззямелля і малазямелля шляхам перадачы ё карыстанне батракам і беднякам зямель, канфіскаваных у былых польскіх

уладальнікаў. Гэта быў палітычна і эканамічна пазітыўны крок. Ён, па-першае, прыцягнуў на бок савецкай улады батрацка-бядняцкую частку вёскі праз задавальненне яе гадоўнага эканамічнага інтарэсу. Па-другое, павялічылася праслойка сярэдняга сялянства, а разам з тым узраслі і яго матэрыяльны дабрабыт і падатказдольнасць. У канчатковым выніку такое вырашэнне зямельнага пытання садзейнічала спалучэнню інтарэсаў сялянства і савецкай дзяржавы.

Здавалася б, што і надалей патрэбна было ажыццяўляць адпаведныя крокі па ўздыме індывідуальнай сялянскай гаспадаркі. Гэтыя крокі, у прыватнасці, вымагалі стварэння сістэмы ільготнага крэдытавання, развіцця розных формаў кааперацыі ў вёсцы, павышэння агра-тэхнічнага ўзроўню сялянскай працы, увядзення ашчаднай падатковай сістэмы, матэрыяльнага стымулявання вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі праз павелічэнне дзяржаўных закупачных цэн і інш. Аднак у такім рэчышчы дзяржаўная палітыка мэтанакіравана і няўхільна па сутнасці не вялася. Адзіным значным мерапрыемствам стаў завоз у Заходнюю Беларусь, у тым ліку і Брэсцкую вобласць, рознага сельскагаспадарчага інвентару і выдача сялянам ільготнай насеннай ссуды вясной 1940 г. [1, с. 202].

Яшчэ адным крокам насустрач сялянам-беднякам стала выдзяленне ім крэдытаў на ліквідацыю бескароўнасці. Усяго на гэтую справу Брэсцкай вобласці было выдзелена на 1941 г. 1 млн 193 тыс. рублёў доўгатэрміновага крэдыту [2]. Прыкладная сума крэдыту на адну сялянскую гаспадарку складала 200–350 рублёў. Атрымаўшы крэдыт, сяляне часта выкарыстоўвалі яго на куплю коней, свіней і нават вопраткі [2]. Прычына немэтавага выкарыстання крэдыту часта мела эканамічнае адценне: набыўшы карову, сяляне адначасова абкладваліся дзяржавай абавязковымі пастаўкамі малака і мяса, якія з-за сваёй велічыні абсяцэннявалі каштоўнасць каровы ў вачах селяніна.

Неўзабаве, а менавіта з вясны 1940 г., эканамічны ціск на сялянства павялічыўся, яно ўпершыню стала абкладвацца сельгаспадаткам (у грашовай форме) і абавязковымі дзяржаўнымі пастаўкамі сельгаспрадукцыі (малака, мяса, воўны, ільну, збожжа, бульбы). Пры гэтым велічыня падатку і натуральных паставак дзяржаве ўстанаўлівалася ў залежнасці ад колькасці працаздольных членаў сям'і, зямлі і жывёлы ў сялянскай гаспадарцы.

Падатковы прэс усё больш і больш ціснуў селяніна да долу. Велічыня абавязковых выплат дзяржаве ўвесь час павялічвалася, пераадольваючы ўсе рацыянальныя эканамічныя абгрунтаванні. У прыватнасці, пры вызначэнні падатку і натуральных паставак улічвалася ўся зямля, якая знаходзілася ў карыстанні селяніна, г.зн. не толькі ворыўная, але таксама пашы, сенажаці, пусткі, хмызнякі. Акрамя таго, сялянскія гаспадаркі абкладваліся з улікам рыначных прыбыткаў, але тым жа гаспадаркі пастаўлялі дзяржаве сельгаспрадукцыю па дзяржаўных фіксаваных цэнах, якія былі вельмі нізкімі, намнога меншымі, чым кірмашовыя.

Натуральна, што такая практыка выклікала незадавальненне сялян, якія вельмі часта звярталіся да ўладаў з просьбай зменшыць падатковы ціск. Вось адзін прыклад: селянін М.У. Лянча з вёскі Красналескі Красналескага сельсавета Кобрынскага раёна ў чэрвені 1940 г. звярнуўся з хадайніцтвам у райвыканкам аб зніжэнні абавязковых дзяржпаставак. Сутнасць заявы наступная: ворыўнай зямлі ён мае ўсяго 5 гектараў, сенажаці – 4 гектары, а астатнія 20 гектараў складае пустка. Але ён пастаўляе дзяржаве 300 кг мяса за ўсю зямлю [3]. Аднак у хадайніцтве селяніну было адмоўлена на той падставе, што пастаўкі налічваюцца з усёй зямельнай плошчы, а таму налічаны правільна. Увогуле такія хадайніцтвы часткова задавальняліся ў выключна рэдкіх выпадках. Найчасцей размова магла ісці толькі аб адтэрміноўцы абавязковых дзяржпаставак.

У такіх абставінах сяляне вымушаны былі стаць на шлях затрымкі і невыканання натуральных паставак дзяржаве. Гэтая практыка была паўсюднай па вобласці, датычылася літаральна ўсіх раёнаў, сельсаветаў і усіх відаў сельгаспрадукцыі. На такую сітуацыю ўлады рэагавалі шырокім выкарыстаннем адміністрацыйных метадаў, разгортван-

нем масава-палітычнай работы, маральным і ідэалагічным прэсінгам. Звычайнай практыкай стала рассылка сялянам пісьмаў наступнага зместу: «Райисполком располагает сведениями, что Вы стали на путь задержки хлебопоставок государству и этим самым не выполняете государственных законов. Обязываю Вас немедленно приступить к хлебопоставке и доложить о выполнении к ... (указваўся тэрмін. – Л.Е.)» [4].

Складаная сітуацыя з дзяржпастаўкамі стала аб'ектам палітычна завостранага рэагавання партыйнага кіраўніцтва вобласці і рэспублікі. У жніўні 1940 года адбыўся сход партыйнага актыву Брэсцкай вобласці, на якім выступіў сакратар ЦК КП(б)Б П. Панамарэнка. Ён крытыкаваў работу абласной партарганізацыі ў справе правядзення хлебапаставак. Адначасова адзначыў, што ў заходніх абласцях Беларусі асноўная маса сялянства – гэта аднаасобнікі, і таму трэба бачыць, што вакол хлебапаставак у вёсцы разгортваецца вострая класавая барацьба [5]. Такім чынам, у зрыве дзяржпаставак улады, па сутнасці, абвінавацілі не саміх сябе, не сваю грабежніцкую палітыку ў вёсцы, а сялянства.

Каб ухіліцца ад падаткаў і застрахавацца на выпадак магчымых рэквізіцый, восенню 1940 г. сяляне сталі на шлях утойвання і нават забою ўласнай жывёлы. Гэтыя факты былі ўстаноўлены ў Дамачаўскім і шэрагу іншых раёнаў вобласці [6]. Асабліва шырокі забой жывёлы меў месца ў шэрагу сельсаветаў Кобрынскага раёна [7].

Мелася таксама нямала фактаў утойвання сялянамі фактычнай колькасці зямлі ў карыстанні. Так, у Кобрынскім раёне селянін А.М. Назарчук замест фактычна належаўшых яму 60-ці гектараў зямлі падаў звесткі на 36 гектараў, а селянін К.У. Нічыпарук утаіў ад дзяржавы 30 гектараў [8].

Галоўным правадніком дзяржаўнай палітыкі ў вёсцы з'яўляліся сельскія саветы, якія павінны былі абслугоўваць інтарэсы сялянства, а па сутнасці абслугоўвалі інтарэсы ўлады. Першай заповедзю сельсаветаў лічыўся поўны і своечасовы разлік з дзяржавай па хлебных і іншых натуральных пастаўках [9]. Яны адказвалі за выкананне планаў дарожных і будаўнічых работ, асушэнне балот і за многае іншае. Імі камандаваў кожны, каму ўздумаецца. Так, загадчык Камянецкага раённага аддзела сацыяльнага забеспячэння абавязаў усе сельсаветы раёна за 2 дні падаць звесткі, «сколькі в сельсоветах глухих и оглохших», а загадчык дарожнага аддзела Кобрынскага райвыканкама прадпісаў сельсаветам даслаць спісы ўсіх... цяжарных жанчын [10].

Прадстаўніцтва сялян у саветах больш высокага ўзроўню было нязначным, нягледзячы на тое, што сяляне складалі болей за 80% усяго насельніцтва. Напрыклад, паводле рэгістрацыйнага спісу дэпутатаў I-й сесіі Кобрынскага раённага Савета дэпутатаў працоўных, якая адбылася ў снежні 1940 г., з 44-х прысутных на сесіі дэпутатаў толькі 5 былі прадстаўлены сялянамі-аднаасобнікамі [11]. У асноўным дэпутатамі райсавета з'яўляліся служачыя, кіраўнікі розных мясцовых партыйных, савецкіх і гаспадарчых структур, вайскоўцы. Зразумела, што пры такім прадстаўніцтве паўплываць на дзейнасць саветаў сяляне не маглі. Аднак гэта не перашкаджала саветам усіх узроўняў, розным іншым грамадскім і дзяржаўным установам гаварыць ад імя селяніна пры амаль поўным маўчанні апошняга. Змест гэтай гаворкі наступны: усё працоўнае сялянства адабрае дзяржаўную палітыку ў вёсцы, бо яна з'яўляецца праяўленнем штодзённага клопату сацыялістычнай маці-радзімы аб сельскім працаўніку, які ў адказ на клопат аднадушна падтрымлівае савецкую ўладу і шчыра дзякуе ёй за радаснае і шчаслівае жыццё.

Увогуле вядзенню масава-палітычнай работы ў вёсцы, якая ахіналася ў пампезна-дэмагагічную форму, мела яскравы агітацыйна-прапагандысцкі характар, надавалася вялікая ўвага, бо лічылася, што «страснае большавіцкае слова агітатара не толькі ўпэўнівае масы, але і запальвае, пабуджае іх творчую энергію і ініцыятыву, мабілізуе на выкананне гаспадарча-палітычных кампаній, выкананне рашэнняў партыі і ўрада» [12].

Трэба адзначыць, што магутны вал агітацыйна-прапагандысцкай работы аказваў уздзеянне на сялян, перш за ўсё на яе батрацка-бядняцкую частку, бо ёй не было чаго

губляць, і таму яна звязвала з савецкай уладай надзеі на сваё лепшае жыццё. Думкі і настроі гэтых сялян, якія апынуліся ў палоне бальшавіцкай прапаганды і агітацыі, выдаваліся за думкі і настроі ўсяго працоўнага сялянства.

Акцэнт рабіўся менавіта на «працоўнае сялянства», бо да яго не адносілі т.зв. «кулацка-заможных сялян», якія складалі прыкладна 5 працэнтаў агульнай колькасці сялянскіх гаспадарак. Галоўнай прыкметай кулацка-заможнай гаспадаркі лічылася выкарыстанне найму пастаяннай працоўнай сілы альбо раней (пры польскай уладзе), альбо на дадзены момант. Іншымі прыкметамі з'яўляліся: наяўнасць гандлёвай лаўкі, болей за 3 сезонныя работнікі, грашовыя пазыкі сялянам пад кабальны (?) працэнт.

Месца заможнаму селяніну ў бальшавіцкай сацыяльна-палітычнай схеме не знайшлося, таму з самага пачатку існавання савецкай улады ён вымушаны быў зносіць розныя і ўсё больш узрастаючыя цяжкасці і крыўды. Першым крокам на гэтым цяжкім шляху сталі надзвычай вялікія падаткі на гаспадарку і натуральныя пастаўкі дзяржаве. Гэта падштурхнула заможных сялян да розных хітрыкаў: утойвання фактычнай колькасці зямлі і жывёлы, адмаўлення ад здачы збожжа дзяржаве, адпісвання часткі зямлі на родзічаў. Так, 27 жніўня 1940 г. абласная газета «Зара» паведамляла, што грамадзянін вёскі Пенічкі Агародніцкага сельсавета Высокаўскага раёна Лазоўскі мае 30 гектараў зямлі, якую, натуральна, самастойна апрацаваць не можа і трымае 5 батракоў. Пры ўліку аб'ектаў падаткаабкладання ён унёс батракоў у склад сваёй сям'і [13]. Такім, па афіцыйнай тэрміналогіі, «класава-варожым элементам» даваўся жорсткі адпор.

Другім крокам, які падарваў эканамічную моц заможных сялян, стала абрэзка ў іх зямлі. Яна ажыццяўлялася на аснове пастановы СНК СССР і ЦК УКП(б) ад 18 красавіка 1941 г., якая прадугледжвала абрэзку зямель у гаспадарак, якія мелі болей за 15 гектараў зямлі і ў якіх раней была ці зараз маецца наёмная працоўная сіла.

Непасрэдна гэтай працай займаліся сельскія саветы. Вось адзін прыклад іх дзейнасці: на пасяджэнні Хідрынскага сельсавета дэпутатаў працоўных Кобрынскага раёна ад 6 мая 1941 г. было прынята рашэнне аб абрэзцы зямель у гаспадарак, якія маюць звыш 15 гектараў зямлі. У выніку абрэзка была праведзена ў 30-і гаспадарках, а ўся абрэзаная зямля была залічана ў дзяржаўны фонд [14]. Прычым абрэзка праводзілася і ў тых выпадках, калі зямля была ўжо засеяна. Па нашых падліках, на адну абрэзаную гаспадарку засталася прыкладна 5 гектараў ворыва і 10 гектараў сенажаці, пашы і пусткі.

Трэцім крокам, які даканаў заможнага селяніна, стала ліквідацыя хутароў. А іх колькасць была даволі значнай. Напрыклад, у 1940 г. ў Кобрынскім раёне мелася 3 370 хутароў, Дзівінскім – 2 100, Жабінкаўсім – 660, Антопальскім – 2 000 [15].

У выніку адзначаных мерапрыемстваў заможныя сяляне як асобны сацыяльны слой перасталі мець самастойнае эканамічнае, сацыяльнае і палітычнае значэнне. У лепшым выпадку па сваім эканамічным і сацыяльным стане яны ўраўнаваліся з сялянамі-сераднякамі, а ў горшым – сталі ахвярамі палітычных рэпрэсій і шматлікіх дэпартацый.

Усе вышэйакрэсленыя мерапрыемствы ў сельскай гаспадарцы Брэсцкай вобласці, на нашу думку, мелі на мэце стварэнне адпаведных эканамічных, сацыяльных і псіхалагічных умоў для развіцця вёскі па шляху стварэння калгаснага ладу. Такі шлях быў прадвызначаны папярэдняй палітыкай савецкай улады, калі напрыканцы 1920-х і ў 1930-я гг. у СССР і БССР была праведзена гвалтоўная калектывізацыя ў вёсцы.

Сутнасць і непазбежнасць, палітычны сэнс і прадвызначанасць калектывізацыі яскрава характарызуе пункт 1 Прыкладнага Статута сельскагаспадарчай арцелі (зацверджаны СНК СССР і ЦК УКП(б) 17 лютага 1935 г.), паводле якога «калгасны шлях, шлях сацыялізму, ёсць адзіна правільны шлях для працоўных сялян». Партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва ў гэтай сувязі не збіралася рабіць выключэння для заходнебеларускай вёскі.

Вытворчае каапераванне ў вёсцы Берасцейшчыны распачалося напачатку 1940 г. Асноўнай формай калектывізацыі гаспадарак стала сельскагаспадарчая арцель (далей – ар-

цель, сельгасарцель), якая стваралася на аснове абагульнення асноўных сродкаў вытворчасці селяніна – зямлі, інвентару і рабочай жывёлы. З кошту абагуленай уласнасці ад 0,25 да 0,5 яе часткі залічвалася ў непадзельны фонд арцелі. Астатняя частка маёмасці залічвалася ў паявы ўзнос арцелі, які выплачваўся сялянам грашыма пры выбыванні з арцелі. Сельскагаспадарчыя работы ў арцелі ажыццяўляліся на асновах здзельшчыны.

Праўленнем арцелі распрацоўваліся і агульным сходам калгаснікаў зацвярджаліся па ўсіх сельскагаспадарчых работах нормы і расцэнкі кожнай работы ў працэднях, якія былі б даступныя добрасумленна працуючаму калгасніку з улікам становішча рабочай жывёлы, машын і глебы. У арцелі не прымаліся кулакі і асобы, якія былі пазбаўлены выбарчых правоў.

Знешне прынцыпы арганізацыі і дзейнасці сельгасарцелі, або, па-іншаму, калгаса, уяўляліся даволі дэмакратычнымі, аднак у рэальным жыцці ўсё адбывалася зусім інакш.

Створаныя арцелі мелі малаколькасны склад, былі эканамічна слабымі. Напрыклад, у Кобрынскім раёне на пачатак 1940 года меліся 4 калгасы, якія разам аб'ядналі ўсяго 142 гаспадаркі: батрацкіх – 41, бядняцкіх – 27, серадняцкіх – 74 [16]. У калгасах меўся востры недахоп вупражы, грубых кармоў, насення канюшыны, сіласных і агародных культур, прыстасаваных жывёлагадоўчых памяшканняў. Калгаснікі не мелі вопыту кіравання гаспадаркай. Усё гэта адмоўна адбівалася на выніках гаспадарання. У калгасах імя Сталіна і імя Варашылава ўраджайнасць бульбы ў 1940 годзе склала ўсяго 10 цэнтнераў з гектара на плошчы ў 20 гектараў. Усе калгасы Кобрынскага раёна не ўнеслі ў банк грашовыя сродкі на папаўненне непадзельных фондаў для набыцця сельскагаспадарчай тэхнікі і рамонту інвентару [16, с. 1–2]. Затое ўсе калгасы поўнасцю выканалі план 1940 г. па абавязковых збожжапастаўках дзяржаве.

Такая бязрадасная сітуацыя склалася ў абсалютнай большасці калгасаў вобласці. На гэта існавалі розныя прычыны: слабая матэрыяльна-тэхнічная база, востры недахоп гатунковага насення і пародзістай жывёлы, агра-тэхнічных ведаў, вопыту кіравання вытворчасцю. Усё гэта з цягам часу можна было пераадолець. Аднак былі і такія прычыны неэфектыўнасці калгаснай гаспадаркі, якія ліквідаваць улада ўвогуле не збіралася. Першая з іх хаваецца ў галоўнай форме ацэнкі працы калгаснікаў – працэдні, якая не дазваляла вызначыць такія складнікі працы, як яе колькасць і якасць. Існавалі вялікія цяжкасці ў налічэнні працэдзён за розныя віды працы, бо ва ўмовах панавання савецкай каманднай эканомікі немагчыма было з дапамогай эканамічных метадаў вызначыць рэальны ўклад кожнага калгасніка ў агульную працу. Таму ў аплаце працы сфарміравалася тэндэнцыя да ўраўнілаўкі. З ёй спрабавалі змагацца. Вось што наконт гэтага пісала абласная газета «Зара» ў сваім нумары ад 24 ліпеня 1940 г.: у калгасе імя Сталіна Жабінкаўскага раёна ў налічэнні працэдзён існуе ўраўнілаўка. Жанчыне, якая выконвае норму па звязцы снапоў, налічваюць 1,75 працэдзя і столькі ж жняюру за выкананне нормы. Між тым, сцвярджае газета, праца жняюра больш складаная і намнога цяжэйшая, а значыць, яна даражэй павінна аплачвацца [17]. У сувязі з гэтым паўстае пытанне, на якое газета не дала адказу: наколькі праца жняюра больш складаная і цяжэйшая за працу па звязцы снапоў і якім чынам гэтую розніцу вымераць? Зразумела, што здавальняючага адказу на дадзенае пытанне пры адсутнасці такога арбітра, як рынак, не існавала. З ураўнілаўкай у налічэнні працэдзён змагаліся, але перамагчы яе не змаглі, і яна надзейна падрывала стымулы калгаснікаў да плённай працы на палетках і фермах.

Не стымулявала плённую працу калгаснікаў і тая акалічнасць, што на заробленыя працэдні яны нічога ці амаль нічога не атрымлівалі. Нешта атрымаць для сябе ў форме натуральнай выплаты яны маглі ў тым выпадку, калі ў калгасе былі поўнасцю засыпаны насення, страхавыя і фуражныя фонды, поўнасцю праведзены разлік з дзяржавай. Пры ігнараванні названых умоў любыя спробы выдаць нешта на працэдні рашуча асуджаліся і выкараняліся. Напрыклад, восенню 1940 г. ў калгасе імя Варашылава Камянец-

кага раёна наважыліся выдаць на працадзень па 7,2 кг збожжа ў той час, як на 26 коней і 4 свінаматкі засыпалі ўсяго 30 цэнтнераў збожжа. Такі падыход да размеркавання прыбыткаў быў кваліфікаваны як антыкалгасная, антыдзяржаўная справа [18].

Бадай, самае галоўнае, што цягнула калгасы ўніз, заключалася ў згортванні дэмакратычных пачаткаў у іх дзейнасці. Ім даводзіліся шматлікія паказчыкі гаспадарчай дзейнасці, якія насілі дырэктыўны характар і якія часта не ўлічвалі рэальныя абставіны жыцця калгасаў, іх эканамічны стан і вытворчыя магчымасці. Галоўным паказчыкам з'яўляўся аб'ём продажу дзяржаве па мізэрных цэнах сельгаспрадукцыі, які рэгулярна карэкціраваўся ў бок павелічэння.

Адміністрацыйны ціск на калгасы быў паўсюдным і пастаянным. Умяшанне ў калгасныя справы не ведала адміністрацыйных межаў. Архіўныя крыніцы наконт гэтага ўтрымліваюць агромністы пласт матэрыялаў. Але мы абмяжземся толькі адным прыкладам: на пасяджэнні выканкама Кляшчэльскага райсавета дэпутатаў працоўных 27 студзеня 1941 г. слухалася пытанне аб зацвярджэнні... старшага конюха і загадчыка жывёлагадоўчай фермы калгаса імя Молатава Волькаўскага сельсавета [19]. Было прынята рашэнне зацвердзіць пэўных асоб на адпаведных пасадах.

На пачатак 1941 г. у Брэсцкай вобласці было арганізавана і дзейнічала звыш 120 калгасаў. Па-ранейшаму галоўнай фігурай у вёсцы ў колькасных адносінах, эканамічным і сацыяльным плане з'яўляўся селянін-аднаасобнік. Жыццё яго было незайздросным, як і жыццё калгасніка. Але аднаасобнік меў адну псіхалагічную перавагу перад калгаснікам: ён усё ж такі быў уласнікам сваёй гаспадаркі, хоць і занябанай, але сваёй, і гэта служыла яму некаторым суцяшэннем у суровых абставінах тагачасных палітычных і сацыяльна-эканамічных зрухаў.

Заклучэнне

Праведзены аналіз аграрных пераўтварэнняў на Берасцейшчыне ў перадваенны перыяд дазваляе зрабіць наступныя абагульненні:

1. Аграрная палітыка савецкай улады мела рознабаковы характар. З аднаго боку, на першым этапе яна адпавядала інтарэсам шырокіх слаёў сялянства, бо спрыяла задавальненню яго галоўнага эканамічнага інтарэсу шляхам надзялення зямлёй. З другога боку, яна няўхільна абмяжоўвала эканамічную свабоду і гаспадарчую самастойнасць селяніна праз абмежаванне нормаў землекарыстання, увядзенне шматлікіх падаткаў і вялікіх дзяржпаставак сельгаспрадукцыі. З трэцяга боку, аграрная палітыка спрычынілася да ліквідацыі слоя заможных сялян, якія былі лепшымі гаспадарамі на зямлі.

2. Аграрныя пераўтварэнні мелі стратэгічную мэту – стварэнне эканамічных і сацыяльных умоў, адпаведнай псіхалагічнай атмасферы для падштурхоўвання сельскай гаспадаркі на сацыялістычны шлях развіцця, які атаясамліваўся з калгасным ладам.

3. Грамадскія арганізацыі ў вёсцы, і пер ш за ўсё мясцовыя саветы, выконвалі не столькі сваю галоўную задачу – абслугоўванне інтарэсаў сялянства, колькі з'яўляліся інструментам і правадніком дзяржаўнай палітыкі ў вёсцы, якая супярэчыла карэнным інтарэсам сялянства.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Толочко, Д.М. Роль БССР в материально-техническом обеспечении объединения республики / Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа : мат. регион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию воссоединения Зап. Беларуси с БССР, 24–25 сент. 2009 г. / ред. Н.Н. Ковалёва, Л.Ю. Малыгина. – Брест : БрГТУ, 2009. – С. 198–204.

2. Зара. – 1941. – 30 крас.

3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 59. – Арк. 82. Заява грамадзяніна Лянчы Мікалая Ігнатавіча ў Кобрынскі райвыканкам аб зніжэнні дзяржпаставак ад 12.06.1940 г.
4. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 45. – Арк. 20. Письмо грамадзяніну в. Пескі Сауц Дзіміду Фамічу старшыні Кобрынскага райвыканкама Таранава.
5. Зара. – 1940. – 22 жніўня.
6. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 57. – Арк. 66. Письмо старшыні Брэсцкага аблвыканкама Длугашэўскага і сакратара Брэсцкага абкама КП(б)Б Кісялёва кіраўніцтву Кобрынскага райвыканкама ад 15 верасня 1940 г.
7. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 57. – Арк. 110. Данясенне начальніка Кобрынскага райаддзела міліцыі аб бязладным забоі жывёлы ў шэрагу сельсаветаў Кобрынскага раёна (верасень 1940 г.).
8. Зара. – 1940. – 5 ліп.
9. Зара. – 1940. – 23 жніўня.
10. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 45. – Арк. 223. Письмо Брэсцкага аблвыканкама старшыні Кобрынскага райвыканкама.
11. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 39. – Арк. 2–3. Рэгістрацыйны спіс дэпутатаў 1-й сесіі Кобрынскага раённага Савета дэпутатаў працоўных.
12. Зара. – 1941. – 22 мая.
13. Зара. – 1940. – 27 жніўня.
14. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 15. – Арк. 13. Пратакол № 4 пасяджэння Хідрынскага сельсавета дэпутатаў працоўных Кобрынскага раёна ад 6 мая 1941 г.
15. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 19. – Арк. 3, 10, 16, 22. Эканамічная характарыстыка тэрыторыі Кобрынскага, Жабінкаўскага, Антопальскага і Дзівінскага раёнаў.
16. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 72– Арк. 1. Дакладная запіска аб стане калгасаў Кобрынскага раёна і падрыхтоўцы да вясновай пасяўной кампаніі.
17. Зара. – 1940. – 24 ліп.
18. Зара. – 1940. – 15 лістап.
19. ДАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 19 – Арк. 17. Пратакол № 3 пасяджэння выканкама Кляшчэльскага райсавета дэпутатаў працоўных ад 27 студзеня 1941 г.

Ermakovich L.I. Agricultural Development of Brest Region in 1939–1941

Basic actions of Soviet power in the sphere of agriculture of Brest region after the reunion of Western Belarus with BSSR in the autumn of 1939 till the beginning of the Great Patriotic War are considered and analyzed in the article. The main attention is paid to the characteristics of those actions which were directed towards the limitation of economic freedom and independence of a peasant and the creation of corresponding conditions for the development of farms according the socialist (collective farm) way. Economic and social consequences of agrarian reforms, which according to the author contradicted with native essence of peasant way of life and had most evident anti-peasant character, are summed up.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 17.09.2012

УДК 27-9(476)+37

Е.В. Морозько

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА
МИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

В статье анализируется правовой аспект деятельности духовенства. Во введении обосновывается актуальность и необходимость изучения выбранной темы. Основное содержание статьи посвящено изменениям, которые произошли в служебной и семейной жизни духовного сословия. Показаны реформы в правовом положении приходского духовенства: разрушение сословной замкнутости, отмена практики наследования мест, пресечение традиции внутрисословных браков, привлечение детей духовенства к государственной службе и др. Дана количественная характеристика духовенства Минской епархии по сравнению с другими епархиями на белорусских землях. Обосновано ограничение социальной деятельности священно- и церковнослужителей. В заключении дана оценка изменениям правового статуса духовенства Минской православной епархии.

Введение

Актуальность изучения правового положения духовенства Минской православной епархии связана с тенденцией, направленной на изучение региональной истории, и недостаточной изученностью приходского духовенства на региональном уровне во второй половине XIX в. Изучение социальной истории отдельных регионов важно для понимания закономерностей и особенностей развития Беларуси в целом. Цель исследования – изучение правовых характеристик духовного сословия Минской православной епархии во второй половине XIX в. Объектом исследования является православное городское духовенство. Православное духовенство делилось на черное (монашествующее) и белое. К белому духовенству принадлежали как собственно священнослужители (протоиереи, иереи, или священники, протодьяконы, дьяконы и иподьяконы, а также причетники в звании псаломщиков), так и церковнослужители (пономари, дьячки и т.д.). Подавляющее большинство белого духовенства городов являлось приходским духовенством, поэтому эти два термина могут употребляться параллельно. Черное духовенство, как отрекшиеся от мира монахи, не могло иметь собственности, не имело потомства либо прекращало всякие гражданские связи с детьми, родителями и всеми родственниками, а вступающие в монашество лица высших сословий не могли пользоваться никакими сословными привилегиями. Следуя такому представлению, о духовенстве как о сословии следует говорить применительно к белому духовенству. Поэтому объектом исследования является белое духовенство а из группы монашествующего духовенства учитываются епископы и архиепископы, чьи действия и распоряжения во многом определяли образ жизни приходского духовенства. Предметом исследования являются правовые возможности духовенства Минской православной епархии.

Служебные обязанности духовенства и предоставление права выбора гражданской и военной службы

Во второй половине XIX в. в Полоцкой, Могилевской и Литовской епархиях количество православных священников увеличивалось. В отличие от них в Минской епархии на протяжении 60-70-х гг. XIX в. наблюдался количественный рост, а в 90-е гг. XIX в. количественный спад духовенства. В 1868 г. в церквах на службе состояли 1 534 чел.: 10 протоиереев, 537 священников, 66 диаконов и ипо-диаконов, 921 чел. в должности псаломщика, причетника, звонаря и сторожа [9, л. 139–140]. В 1870 г. в Минской православной епархии на службе находилось 1 852 чел.: 20 протоиереев, 538 священников, 54 диакона, 867 причетников и 373 просфорни [10, л. 10–10об]. В 1892 г. общее

количество духовенства в епархии – 1 192 чел.: 31 протоиерей, 546 священников, 63 протодиакона, 552 псаломщика [16, л. 12об–13]. Это объясняется изменением штатов православного духовенства и нарастающими тенденциями размывания сословных границ, которые проявились прежде всего на территории Минской православной епархии.

Кроме исполнения непосредственных обязанностей по службе (богослужения, выдачи свидетельств о рождении, крещения, бракосочетания и погребения), священники Минской православной епархии могли быть выборными членами окружных и епархиальных съездов, членами училищных и семинарских правлений, местного училищного совета, советов епархиальных женских училищ [3; 15, с. 446]. С 1905 г. священники епархии становились членами Государственной Думы и Государственного Совета. Некоторые получали почётные должности духовника, депутата, следователя по преступлениям духовенства против должности, благочинного, члена духовной консистории. Однако духовенство епархии не выполняло обязанностей почётных и участковых мировых судей, членов правлений и советов сельских ссудосберегательных товариществ, т.к. участие в этих структурах отвлекало их от исполнения прямых обязанностей пастырского служения [15, с. 448].

В первой половине XIX в. духовенство Минской православной епархии было ограничено в правах: перейти с места на место, а тем более покинуть духовную службу оно не могло ни под каким предлогом. В 60-е гг. XIX в. православное духовенство получило право перехода на гражданскую службу. В 1863 г. священнослужители получили потомственные дворянские привилегии. Церковнослужители (дьячки, пономари, псаломщики), а также учителя образцовых школ были причислены к почётным гражданам [4, л. 13об]. Другие церковнослужители (певчие, звонари и сторожи по происхождению из духовного звания) приписывались к городским сословиям или сельскому обществу [5, л. 82].

Свобода выбора занятия православным духовенством была официально утверждена государством в 1860-е гг. Указ 1867 г. дал епархиальному преосвященному возможность выбирать кандидатов на церковные места на основании их личных качеств, а не на основании родства. При распределении вакансий епархиальное начальство не учитывало родство кандидатов с умершими или уволенными священнослужителями [8, л. 5об; 18, л. 154]. Новыми правилами не допускалось назначение мужей дочерей духовенства на места уволенных отцов-священнослужителей. Приходы не открывали дополнительных вакансий для осиротевших духовных семейств.

Нововведения вызвали недовольство в среде духовенства, которое продолжало требовать от благочинных назначения на должности родственников. Поэтому 2 января 1868 г. был принят новый указ Св. Синода, по которому епархиальный преосвященный оповестил всех благочинных об отклонении просьб духовных лиц о предоставлении их мест родственникам.

Несмотря на определённую свободу действий, священнослужителям было не просто сделать выбор в пользу другого ведомства. Во-первых, в таком случае они лишались отсрочки на службу. Во-вторых, им фактически запрещалось поступать на службу вторично. Обязательным условием перехода в другое ведомство было разрешение от губернского начальства. И наконец, если священнослужитель не находил подходящего рода занятий в течение 6 месяцев со дня получения свидетельства от губернского правления, то он имел право ещё полгода заниматься поисками нового места, но уже в другой губернии. В крайний срок (через 6 месяцев) он записывался в одно из налогооблагаемых сословий [14, л. 2, 5].

Выбор занятий в гражданском и военном ведомствах ограничивался также для молодых священников рядом условий. Для них переход запрещался, если они были рождены до получения их отцами священнического сана. Особенные ограничения каса-

лись выходцев из причетнических семей, которые имели право получить первый чин на гражданской службе только через 8 лет.

Целый ряд ограничений касался воспитанников Минской духовной семинарии. Выпускники, которые закончили её без 1-го разряда, лишались возможности выбрать новое дело, т.к. не имели права на классный чин в гражданской службе [17, л. 74]. Воспитанники семинарии, исключенные из учебного заведения за неудовлетворительное поведение, не могли покинуть духовное сословие. Не окончившим семинарию воспитанникам из семей духовенства был разрешён переход в другое ведомство, но он в большинстве случаев трактовался как попытка избежать причетнического звания.

Относительно военной службы существовала такая же схема ограничений. Перспективы карьерного роста в качестве военнослужащих для детей священно- и церковнослужителей были долгосрочными и довольно зыбкими. Избравшие военную службу священники становились вольноопределяющимися в звании унтер-офицера и офицерский чин могли получить только через 4 года. Церковнослужителей принимали в военное ведомство рядовыми. Все эти меры становились серьёзным препятствием для выбора духовенством новых занятий.

Таким образом, духовенству Минской духовной епархии разрешалось переходить на гражданскую и военную службу, но добиться положения в обществе, выбрав этот путь, они могли только через много лет. В то время как, оставаясь священниками, они сразу становились хозяевами прихода и уважаемыми по сану людьми.

Назначение на службу священно- и церковнослужителей

Несмотря на предоставление духовенству права перехода в другие сословия, в Минской православной епархии продолжали действовать прежние правила относительно перемещения священников в другие приходы. Духовенство обязывалось прослужить на одном месте не менее 5 лет. До истечения этого срока перевод священнослужителей не осуществлялся. Ещё одним условием перевода были результаты деятельности духовного лица: количество прочитанных проповедей, преподавание в церковно-приходской школе, совершение богослужений и пр. Только при наличии воздействия вредных условий окружающей среды на здоровье священника, например, повышенной влажности при хронических заболеваниях дыхательных путей, для пастыря могло быть выбрано новое место служения [5, л. 123].

Положение 1869 г. обязывало епархиального преосвященного следовать принципу постепенности, т.е. на места младших священников, или помощников, назначать прослуживших некоторое время в звании псаломщика или диакона, на места настоятелей – бывших младших священников [18, с. 157]. Исключением являлись выпускники духовных академий и семинарий, у которых был 3-летний опыт работы наставниками в духовно-учебных заведениях, а также лица, много лет находившиеся на светской должности, но желавшие посвятить себя пастырскому служению.

В соответствии с законом 1869 г., были повышены требования к псаломщикам, которые закончили духовные семинарии. Ранее при наличии образования, определённых знаний и умений они могли быть возведены в сан священника. В силу нового положения, их обязанности ограничивались обычным кругом занятий церковнослужителей: чтением, пением, церковным письмоводством и сопровождением священника при совершении Св. таинств [18, с. 158].

В 1869 г. Св. Синодом был определён точный штат священно- и церковнослужителей при храмах: 1 настоятель и 1 причетник в звании псаломщика. В многочисленных приходах в отдалённых деревнях назначались также младшие священники со званием помощников настоятеля и вторые штатные помощники. В приходе, где один свя-

щенник считал себя полноправным хозяином, а другой выполнял обязанности его заместителя, нередко возникали конфликты [18, л. 157].

Для разрешения подобных ситуаций 16 февраля 1885 г. были приняты новые правила о составе приходов и причтов. Все церкви, которые имели свои причты, признавались самостоятельными, а разделение священников на настоятелей и помощников отменялось [1, с. 361]. Исключением оставались соборные церкви, храмы при женских монастырях, больницах, тюрьмах, где штатный состав сохранялся в прежнем виде или утверждался постановлениями Св. Синода [12, л. 1, 31об].

В соответствии с указом, отменялось разделение на причетников, псаломщиков и исполнявших должность псаломщика. Всем причетникам присваивалось звание псаломщика. При недостатке кандидатов с духовным образованием епархиальный преосвященный назначал на эти должности лиц безукоризненного поведения со знаниями церковного устава, чтения и пения [12, л. 1об]. Перед назначением на должность все кандидаты проходили испытания в знании причетнических предметов: им необходимо было прочесть текст религиозного характера и объяснить его значение, ответить на вопросы по священной истории, катехизису, богослужению [13, л. 4–5, 39].

Семейное право

Церковные законы наиболее подробно регулировали институты и нормы семейного права. Основными принципами семейно-брачного права были следующие: юридическую силу имел только церковный брак, для заключения брака было необходимо достижение брачного возраста (18 лет для жениха и 16 лет для невесты); запрещалось многожёнство; наказывалось прелюбодеяние, добрачные связи и появление на свет незаконно рожденных детей (церковным покаянием, штрафом, епитимьей). Браки с представителями других конфессий допускались только при условии венчания в православной церкви.

Во второй половине XIX в. произошли изменения в семейных правах духовенства. По указу Св. Синода от 17 июня 1871 г., при заключении брака духовными лицами происхождение невесты не из духовной семьи не препятствовало браку. Дети священно- и церковнослужителей, которые не обучались в духовных заведениях и не состояли на службе в епархиальном ведомстве, могли вступать в брак на общих основаниях без разрешения епархиального начальства. Но в таком случае их жёны и дети не имели права на материальную помощь от духовного ведомства [5, л. 105]. Жёны священно- и церковнослужителей епархии обладали правами на недвижимое и движимое имущество, переданными им мужьями, в течение всей жизни [7, л. 1об].

Сыновья священно- и церковнослужителей, как и все лица мужского пола, были обязаны по достижении 16-летнего и не позднее 20-летнего возраста получить свидетельство о приписке к призывному участку. С 1875 г. эти правила подкрепили новым постановлением об отказе в назначении на должность и заключении брака тем лицам, которые не имели свидетельств о приписке к призывным участкам. В соответствии с уставом о воинской повинности от 1 января 1874 г., духовенство епархии освобождалось от воинской повинности [2, л. 8].

Согласно указу от 26 мая 1869 г., дети православного духовенства утрачивали личную принадлежность к духовному сословию и перечислялись в списках духовных лиц только в качестве членов семей священнослужителей [11, л. 1об]. Несмотря на это, их права на обучение в духовно-учебных заведениях, определение в священно- и церковнослужители, пособие от епархиальных попечительств для бедных духовного звания и другую помощь духовного ведомства оставались прежними [5, л. 82]. Незыблемыми также были 2 правила – о принятии сирот духовного звания на государственное содержание в училищах и об определении вдов и сирот женского пола в просфорни (изготавливали просфоры) при церквях [8, л. 5об].

Ограничение социальной деятельности духовенства

Права духовенства Минской православной епархии ограничивались и в социальной деятельности. В 1864 г. начальник Минской губернии А.Л. Божевников запретил духовенству Минской православной епархии вмешиваться в общественные дела крестьян: «И даже в случае, если крестьяне вне схода обратятся к ним с просьбами о разъяснении, осторожно давали оные, согласно постановлению правительства, а не истолковывали бы распоряжения начальства без знания дела» [6, л. 3]. В Бобруйском уезде Минской губернии священнослужители давали расписки в том, что не будут принимать участия в крестьянских делах и не будут комментировать государственные распоряжения [6, л. 6].

Общественно-политическая жизнь в епархии во многом зависела от слаженных действий и сотрудничества гражданских и церковных структур. В целом именно на таком сотрудничестве базировалось взаимодействие двух властей в Минской губернии. В результате развития государственно-церковных отношений структура епархиального управления была поставлена в зависимость от светских властей. Созданная светской властью система церковного управления явилась частью государственного аппарата, а духовенство превратилось в своеобразный служилый класс по духовному ведомству. Но духовенство не было реакционной силой, оно выполняло сакральную функцию в обществе, было носителем духовной культуры, помогало проведению социальной работы среди населения. Через приходское духовенство верховная власть общалась с подданными. В церквях после праздничных богослужений священнослужители обязаны были оглашать официальные документы, например царские указы, манифесты. Основываясь на близости священнослужителей и прихожан, в 1864 г. правительство установило порядок предупреждения и пресечения возможных волнений и заговоров с помощью духовенства. Полагалось предупреждать волнения крестьян, а если уже начинались, прилагать максимум усилий для возвращения участников в повиновение.

Во второй половине XIX в. было закреплено превращение духовенства в своеобразных государственных чиновников. Светская власть наделила духовенство рядом государственных обязанностей, но запретила ему вмешиваться в отношения прихожан и государства, что приводило не только к ограничению социальной деятельности, но и в определенной мере к падению авторитета клириков.

Такой запрет был одним из тех государственных распоряжений, при помощи которых правительство подчиняло деятельность православного духовенства, ведь внебогослужебные беседы и чтения, которые были так широко распространены на территории Минской православной епархии, могли являться серьезными дискуссиями священнослужителей и прихожан не только на духовные, но и на светские темы. Приходское духовенство, обладающее непосредственным влиянием на народ и находящееся с ним в самом тесном и живом общении, было ограничено в темах дискуссий, а значит, в определенной мере ограничено и в социальной деятельности.

Заключение

Несмотря на видимое расширение правового статуса, православное духовенство Минской православной епархии не имело реальной выгоды от указанных нововведений. Духовенство получило право выбирать гражданскую и военную службу, но при этом столкнулось с рядом таких трудностей, как долгосрочная перспектива, опасность не найти своего места на гражданских и военных должностях и запрет на обратный переход в духовное сословие. В результате проведенных реформ была разрушена сословная замкнутость духовенства епархии, отменена практика наследования мест и традиция внутрисословных браков. Существенно изменились критерии назначения на духовную службу. Если ранее использовался наследственный принцип, то с 60-х гг. XIX в. главным условием назначения на должность были личностные характеристики кандидата. Вместе

с тем благодаря получению некоторых преимуществ, был приостановлен поток церковно-служителей в ряды настоятелей храмов.

Важнейшим последствием реформ, разрушивших сословную замкнутость духовенства, можно назвать тот факт, что они подрывали существовавшую систему деления на сословия, основывающуюся на том, что глава семьи передаёт жене и детям свой общественный статус. Этот коренной принцип был нарушен в отношении сыновей и вдов духовенства. Реформа социального статуса духовных семей произвела фундаментальные перемены: сыновья могли спокойно выбирать свою профессиональную деятельность, вдовы имели гарантированный статус, и будущие клирики могли жениться на представительницах других сословий. Однако не был решён вопрос статуса жён и дочерей духовенства. С этого периода начинается стремительный рост учебных заведений для дочерей духовенства: поскольку теперь духовенство не может решить вопрос их обеспечения путём выдачи замуж, оно считает необходимым дать им профессиональное образование.

В рассматриваемый период духовенство продолжало играть важную роль в социальной жизни общества. Однако государство, запрещая вмешиваться и трактовать населению правительственные распоряжения, стремилось снизить влияние духовного сословия на жизнь общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов, Т. Сборник действующих и руководственных церковных правил и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Т. Барсов. – СПб. : Синод. тип., 1885. – Т. 1. – 663 с.

2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 124. – Оп. 1. – Д. 81. Указы Минской духовной консистории за 1875 г.

3. НИАБ. – Фонд 124. – Оп. 1. – Д. 93. Указы Минской духовной консистории, прошения разных лиц о выдаче свидетельств о рождении, крещении, бракосочетании и смерти за 1885 г.

4. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30 170. Дело по отношению присутствия по делам православного духовенства о представлении сведений о нуждах сельского православного духовенства.

5. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30 378. Указы Синода за 1863–1875 гг.

6. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30 635. Дело по отношению начальника Минской губернии о запрещении духовенству вмешиваться в общественные дела крестьян.

7. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31 209. Указ Св. Синода от 19 января 1865 г. о порядке применения к жёнам церковнослужителей 54 статьи Уложения о наказаниях.

8. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31 676. Дело о получении указа Синода об оказании материальной помощи лицам духовного звания и закреплении вакантных мест в приходах за родственниками церковно- и священнослужителей.

9. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 32 054. Сообщение Минской духовной семинарии и духовных училищ об увольнении учеников в епархиальное ведомство и назначении их на должности по способностям.

10. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 33 298. Дело по отношению присутствия по делам православного духовенства в г. Санкт-Петербурге о замене натуральных повинностей прихожан в пользу православного духовенства поземельным сбором.

11. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 33 992. Дело по отношению правления Пинского духовного училища о порядке определения, к какому сословию принадлежат дети церковно- и священнослужителей для представления сведений обер-прокурору Св. Синода.

12. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35 986. Дело по указу Синода об упразднении Присутствия по делам православного духовенства и изменении некоторых постановлений об устройстве церковных приходов и состава причтов.

13. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36 786. Дело о назначении псаломщиков в церкви епархии за 1890 г.

14. НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 2. – Д. 6 380. Дело об исключении из духовного звания сыновей священника Лунинецкой церкви Пинского уезда Бернадских для поступления на гражданскую службу.

15. Нечаев, П.И. Практическое руководство для священнослужителей или систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав / П.И. Нечаев. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1893. – 434 с.

16. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 796. – Оп. 440. – Д. 228. Статистические ведомости Минской епархии.

17. РГИА. – Фонд 797. – Оп. 97. – Д. 654. Уставы духовных семинарий и училищ с приложениями.

18. Руновский, Н.П. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II / Н.П. Руновский. – Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. – 332 с.

Morozko K.V. The Legal Status of the Clergy in Minsk Orthodox Diocese (the Second Half of the 19th Century)

The article analyzes the legal aspect of the clergy. In the introduction the urgency and the need to explore the chosen theme were grounded. The main contents of the article is devoted to the changes that have occurred in official and family life of the clergy. Reforms in the legal status of the parish clergy were observed: the destruction of the estate isolation, the abolition of practice of inheritance of the positions, suppression tradition of marriages in clergy class, involving children of the clergy to the civil service, etc. A quantitative description of the clergy of the Minsk diocese compared with other dioceses in the belarusian lands. The restriction of social activities of clergy is justified. In conclusion the changes in the legal status of the clergy in Minsk Orthodox Diocese is evaluated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.04.2012

УДК 947,6

В.П. Гарматны

ЗАКАНАДАЎЧАЯ БАЗА ПРАВЯДЗЕННЯ КАМАСАЦЫІ НА ЗЕМЛЯХ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1919-1939 гг.

У артыкуле распавядаецца пра заканадаўчае афармленне палітыкі польскіх улад у Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. па правядзенні камасацыі – звядзенні раскіданых сялянскіх надзелаў у адзін з перанясеннем сюды хаты і сельскагаспадарчых будынкаў і стварэнні такім чынам хутара. Камасацыя ажыццяўлялася перш за ўсё на базе законаў ад 31 ліпеня 1923 г. аб правядзенні камасацыі і ад 14 студзеня 1927 г. аб выдачы хутаранам ільготных крэдытаў і спрыяла станаўленню ў аграрнай сферы капіталістычных адносін і стварэнню моцных, эканамічна самастойных сялянскіх гаспадарак.

Уводзіны

У плане правядзення польскімі ўладамі аграрнай рэформы ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. прадугледжвалася камасацыя (ліквідацыя цераспалосіцы), што фактычна азначала ажыццяўленне хутарызацыі. Паводле дадзеных сельскагаспадарчага перапісу ад 30 верасня 1921 г., у сярэднім па II Рэчы Паспалітай колькасць гаспадарак, у якіх налічвалася па 6–10 раскіданых зямельных надзелаў, складала 23,5% [2, с. 196]. Асабліва вялікаю цераспалосіца была ва ўсходніх ваяводствах, таму правядзенне хутарызацыі было жыццёва неабходным [5, с. 32]. Як прыклад надзвычай высокай цераспалосіцы можна адзначыць вёску Матуйзы-Блондзішкі Лідскага павета Навагрудскага ваяводства, сялянскія гаспадаркі якой звычайна распадаліся на 20–30 невялікіх зямельных надзелаў [14, s. 56].

10 ліпеня 1919 г. Заканадаўчы Сейм (Ustawodawczy Sejm) па прапанове ўрада на чале з Ігнацы Янам Падарэўскім пасля працяглай гарачай дыскусіі большасцю ўсяго ў адзін голас прыняў «Прынцыпы зямельнай рэформы і аддзяржаўлення лясоў» [4, с. 25] – першы закон па аграрным пытанні ў II Рэчы Паспалітай. Закон прадугледжваў стварэнне хутароў і прырэзку зямлі карлікавым гаспадаркам з вызначаных памешчыцкіх маёнткаў, прычым агульная плошча надзела не павінна была перавышаць 25 маргоў (14 гектараў) [6, с. 59]. Кошт зямлі не называўся, аднак мясцовым уладам пры вызначэнні яго прадпісвалася прымаць пад увагу не толькі «вытворчую вартасць» зямлі, але і вартасць пасеваў, меліярацыйных работ і г.д. Уладальнікі самастойных гаспадарак пры магчымасці ўносілі плату наяўнымі, а малазямельныя сяляне маглі атрымаць ільготную дзяржаўную пазыку.

Закон ад 10 ліпеня 1919 г. насіў дэкларатыўны характар, не быў апублікаваны ў дзяржаўным друкаваным органе «Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej» і таму не меў абавязковай сілы, але асноўныя яго палажэнні атрымалі працяг у наступных законах польскіх улад па аграрным пытанні, і таму ён стаў першым этапам заканадаўчага афармлення ўрадавай палітыкі хутарызацыі.

15 ліпеня 1920 г., падчас найбольшай небяспекі для існавання польскай дзяржавы, калі Чырвоная Армія стаяла пад сценамі Варшавы і пад пытаннем было само існаванне незалежнай рэспублікі, Сейм у хуткім парадку, нават без абмеркавання, аднагалосна прыняў новы, больш радыкальны закон аб зямельнай рэформе – «Выканаўчыя правілы да закона аб зямельнай рэформе ад 10 ліпеня 1919 г.», якія прадугледжвалі надзяленне зямлёю малазямельных і беззямельных сялян праз выкуп яе за палову рынкавага кошту: 80% утвараемага зямельнага фонду прызначалася менавіта для гэтых сялян. Першыństwo ў набыцці зямлі адводзілася інвалідам вайны, сельскагаспадарчым рабочым і малазямельным сялянам, меркавалася аказанне ім вялікай дапамогі ў форме ільготных крэдытаў дзеля набыцця зямлі [5, с. 34].

31 ліпеня 1923 г. Сеймам II Рэчы Паспалітай прыняты закон аб правядзенні камасацыі (ссялення, scalenia) [15], у адпаведнасці з якім надзелы аднаго ўладальніка, даўжыня якіх ў адносінах да шырыні складала менш як 15 разоў і аддзеленыя адзін ад аднаго надзеламаі іншага ўладальніка, лічыліся раздробленымі і цераспалоснымі і падлягалі звяздзенню ў адзін, адпавядаючы асновам справядлівага гаспадарання (артыкул 1).

Ад правядзення ссялення пазбаўляліся наступныя землі:

а) лясы, якія знаходзіліся ў карыстанні лясной гаспадаркі і ў адносінах да якіх не было спрэчкі аб ўсталяванні межаў;

б) землі, на якіх размяшчаліся каменаломні альбо вялася здабыча мінералаў;

в) землі, якія належалі гутам (шклозаводам) і шахтам;

г) землі, на якіх размяшчаліся радовішчы нафты і г.д., маглі падлягаць ссяленню толькі са згоды ўладальніка;

д) землі, на якіх знаходзіліся помнікі гісторыі, архітэктуры, прыроды і г.д. (артыкул 2).

Без згоды ўладальніка пад ссяленне не падпадалі наступныя землі:

а) землі пад будынкамі і падворкамі;

б) землі, якія належалі прамысловым прадпрыемствам;

в) землі, якія знаходзіліся ў гарадах і мястэчках і на якіх планавалася распачаць будаўнічыя работы;

г) землі, якія патрэбны для вядзення гаспадаркі, а таксама пад вадаёмамі, якія выкарыстоўваліся для развядзення рыбы альбо для прамысловых мэт, і замена ці перамена спосабу выкарыстання якіх наносіла ўладальніку шкоду;

д) агароды і сады, якія вяліся планава, паркі і звырынцы;

е) землі з залежамі торфу;

ж) землі, абнесеныя сцяною;

з) вінаграднікі альбо хмельнікі плошчаю не менш за 1/4 га (артыкул 3) [7, с. 6].

Землі, якія ва ўмовах свайго месцазнаходжання, маглі выклікаць небяспеку праз засыпванне, абрыў берагоў і г.д., таксама вызваліліся ад ссялення (артыкул 4).

Пералічаныя ў артыкуле 1 землі ўтваралі абшар ссялення, які мог адпавядаць адміністрацыйнай адзінцы ці складаць яе частку. У выпадку неабходнасці абшар ссялення мог складаць некалькі адміністрацыйных адзінак альбо іх частак (артыкул 5). Кожны з удзельнікаў ссялення атрымліваў з абшару ссялення надзел зямлі, прыкладна роўны папярэдняму (артыкул 6). Ініцыятарам правядзення ссялення маглі быць уладальнікі не менш як 25 га, падпадаючых пад артыкул 1, а калі абшар ссялення не перавышаў 200 га – не менш за 1/10 зямлі (артыкул 14). Просьбы аб правядзенні ссялення падаваліся ў павятовую зямельную ўправу [5, с. 39], якая павінна была на месцы высветліць сапраўдны стан рэчаў, і – у выпадку патрабаванняў іншых органаў улады – запраектаваць абшар ссялення, які з гаспадарчых і тапаграфічных поглядаў належыць праводзіць адначасова (артыкул 15). Пасля гэтага просьбу аб ссяленні разглядала павятовая зямельная ўправа, якая на сваім пасяджэнні згодна кадастравым кнігам зацвярджала абшар ссялення альбо адваргала яго (артыкул 16). Правадзейнае рашэнне акруговай зямельнай камісіі павінна было быць даведзена да ведама бакоў і шырокай грамадскасці (артыкул 17).

На падставе рашэння аб правядзенні ссялення і пастановы акруговай зямельнай управы зямельны камісар для кожнай ніжэйшай адміністрацыйнай адзінкі вызначаў асобныя выбары рады (савета) ссялення (rada uczestników scalenia), а ўладальнікі памешчыцкіх зямель вылучалі свайго прадстаўніка. Колькасць членаў рады залежала ад колькасці сялян вёскі і складала ад 3 да 7 членаў, у дапамогу якім выбіраліся намеснікі (zastępcy) ў колькасці членаў рады (артыкул 18) [7, с. 22–23].

Сход удзельнікаў ссялення ініцыяваў і ўзначальваў вайт гміны альбо солтыс (стараста) вёскі. На сходзе павінна была прысутнічаць не менш як 1/2 асоб, якія мелі права голасу, рашэнні прымаўся звычайна большасцю галасоў. У выпадку сумеснага карыс-

таньня зямлёю на сход вылучалася адна асоба з ліку гаспадароў, а ў выпадку, калі згода не будзе дасягнута, з паўнамоцных уладальнікаў – старэйшы па ўзросце, з тых, хто не мае права голасу, – іх законны прадстаўнік, ад загінуўшых – вызначаны судом куратар, адсутнічаючых – іх прадстаўнік, які ўпаўнаважаны зямельным камісарам, у выпадку немагчымасці прысутнасці ўладальнікаў – асоба, спецыяльна вызначаная судом па прапанове зямельнага камісара. У выпадку спрэчак па ўладальніку зямлі за ўпаўнаважанага да галасавання належаў апошні ўладальнік зямлі (артыкул 19).

У выпадку невыканання ў тэрміне 14 дзён, вызначаным зямельным камісарам, выбары членаў рады ссялення і іх намеснікаў, акруговая зямельная ўправа вызначала іх па прапанове зямельнага камісара. Пры сцвярджэнні, што дзейнасць асобных членаў альбо ўсёй рады ссялення не адпавядае вызначаным законам аб ссяленні мэтам, акруговая зямельная ўправа магла падаць на разгляд зямельнаму камісару прапанову аб вызваленні ад абавязкаў асобных членаў рады ссялення ці аб яе поўным роспуску. У такіх умовах акруговая зямельная ўправа прызначала новыя выбары альбо вызначала з ліку ўдзельнікаў ссялення новых членаў рады (артыкул 20).

У залежнасці ад абставін рада ссялення валодала рашаючым ці дарадчым голасам. Рада ссялення мела рашаючы голас, калі справа заходзіла аб:

1) усталяванні межаў выдзяляемых зямельных надзелаў, лугоў, лесу і г.д., што раней належалі ўсёй вёсцы;

2) выбары членаў ацэнчнай камісіі (komisji szacunkowej), якая вызначала каэфіцыент ураджайнасці і грашовай вартасці камасаваных зямель;

3) удзеле хутаран у судзе і іншых камісіях, у якіх разглядалася пытанне правядзення ў вёсцы камасацыі;

4) утварэнні камісіі па меліярацыі;

5) завярэнні ўмовы на выкананне работ па меліярацыі;

6) вырашэнні розных гаспадарчых і адміністрацыйных пытанняў;

7) патрэбе замены грунтоў з мэтай ўпарадкавання зямельных межаў і скасавання «анклаваў».

Дарадчы голас рада ссялення мела пры:

1) усталяванні землямерам межаў камасаваных грунтоў;

2) вызначэнні з ліку ўдзельнікаў ссялення гаспадарак, якія маюць патрэбу ў дадатковай зямлі;

3) вызначэнні зямель, якія не падлягаюць камасацыі;

4) праектаванні накірунку дарог, якія вядуць да новых надзелаў і каля якіх будуць стаяць гаспадарчыя будынкі;

5) узгадненні з землямерам і акруговай зямельнай управай праекта ссялення;

6) усялякіх іншых справах, якія ўзнікалі падчас работы землямера.

У функцыі рады ссялення ўваходзілі дапамога і нагляд за правядзеннем землямерам работ па камасацыі і адпаведнасцю выдзяляемых сялян надзелаў, падбор рабочых з ліку мясцовых сялян для дапамогі землямеру ў выкананні неабходных работ. Ажыццяўляць сваю дзейнасць рада ссялення павінна была ў межах дзеючага заканадаўства пры выказванні ўласных пажаданняў. За ігнараванне сваіх абавязкаў ці нядбайнае іх выкананне членам рады ссялення пагражаў вялікі штраф (артыкул 21).

Для ацэнкі грашовай вартасці сялянскіх зямель пры ссяленні стваралася ацэнчная камісія (komisja szacunkowa), у склад якой уваходзілі:

а) зямельны камісар або падкамісар, спецыяльна дэлегаваны акруговаю зямельнаю ўправаю, – у якасці старшыні;

б) землямер, які праводзіў работы па ссяленні;

в) мінімум трое асабіста не зацікаўленых у выніках ссялення асоб, якія ведалі мясцовыя зямельныя адносіны.

Пры вырашэнні ацэначнаю камісіяй спрэчных пытанняў дарадчы голас мелі:

- а) члены мясцовай рады ссялення;
- б) дэлегаты іншых навакольных рад ссялення, якія знаходзіліся ў гэтай жа адміністрацыйнай адзінцы, – па два ад кожнай рады;
- в) прадстаўнік ссяляемых памешчыцкіх зямель – па адным ад кожнага надзела.

Вынікі працы ацэначнай камісіі павінны былі быць зафіксаваны ў пратаколе і на плане, змешчаным у справе ссялення (артыкулы 25, 26).

Пры правядзенні камасацыі ў выпадку неабходнасці ажыццяўляліся:

- а) ліквідацыя ўсялякіх сервітутаў (права сумеснага зямельнага карыстання);
- б) падзел зямель ці ў выпадку немагчымасці з гаспадарчых альбо тапаграфічных прычын урэгуляванне іх карыстання;
- в) усталяванне межаў адміністрацыйных адзінак альбо іх частак;
- г) выдзяленне зямель на грамадскія мэты;
- д) меліярацыя ссяляемых зямель для іх рацыянальнага выкарыстання;
- е) рэгуляцыя дарог, даездаў праз давядзенне іх да стану звычайнага карыстання;
- ж) парцэляцыя (падзел) прыватных маёнткаў у межах закона аб аграрнай рэформе, калі таго патрабавалі гаспадарчыя патрэбы ссяляемых зямель;
- з) усталяванне агульнага плана забудавання, складзенага на падставе ссялення адміністрацыйнай адзінкі (артыкул 7).

Правядзенне ссялення належала да кампетэнцыі зямельных упраў (артыкул 9). Тэхнічнае ажыццяўленне камасацыі зямельных ўправы даручалі дзяржаўным альбо прыватным землямерам, якія валодалі адпаведнаю кваліфікацыяй. Кантроль над ажыццяўленнем ссялення ажыццяўляў старшыня Галоўнай зямельнай управы II Рэчы Паспалітай (ГЗУ, Główny Urząd Ziemiański) (артыкул 10). Нагляд за ссяленнем зямельных ўправы праводзілі бясплатна, а пералічаныя ў артыкуле 7 работы – платна ў адпаведнасці з вызначанымі тарыфамі [1, с. 136].

У выпадках, калі гаспадар надзелу не мог аплаціць неабходныя работы і гэта пацвярджалі мясцовая гмінная ўправа і павятовае староства, яму мог быць выдадзены крэдыт тэрмінам на 5 гадоў у частку вую ці поўную аплату работ. Працэнтная стаўка па крэдыце складала ад 4% да 100% штогод (артыкул 11).

Сяляне, якія павінны былі ў вызначаныя зямельнымі ўправамі тэрміны перанесці свае будынкі на новыя надзелы альбо правесці меліярацыю зямель, не маглі атрымаць крэдыт, які перавышаў палову кошту ссяляемых зямель. Выдачу крэдытаў ажыццяўляў міністр фінансаў па ўзгадненні са старшынёю ГЗУ (артыкул 13) [15].

Такім чынам, закон аб камасацыі ад 31 ліпеня 1923 г. прадугледжваў стварэнне ў Заходняй Беларусі эканамічна моцных, самастойных, рынкава арыентаваных сялянскіх гаспадарак фермерскага тыпу, пераход мясцовых аграрных адносін на капіталістычную аснову і быў несумненна прагрэсіўным.

28 снежня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай прыняў новы закон аб аграрнай рэформе, паводле якога міністр сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформ у сувязі з правядзеннем ссялення атрымаў права загадаць перадаць малазямельным сялянам распарцэляваную зямлю ў памеры, неабходным для іх надзялення. Загад міністра мог быць выкананы праз продаж сялянам зямлі Дзяржаўным сельскагаспадарчым банкам у тэрмін, вызначаны ў кожным выпадку асобна ў залежнасці ад існуючых абставін, але ў цэлым не менш за 3 месяцы і не больш за 1 год (артыкул 15) [16].

Неабходна адзначыць, што першапачаткова камасацыя ажыццяўлялася ў Заходняй Беларусі даволі марудна з-за недахопу ў мясцовых сялян фінансавых сродкаў і будматэрыялаў на перасяленне [8, с. 449–450]. З мэтай паскарэння хутарызацыі 14 студзеня 1927 г. выдадзена сумеснае распараджэнне Міністэрства зямельных рэформ і Міністэр-

ства фінансаў [9] аб аказанні дапамогі сялянам, якія выходзілі на хутары. Дзяржаўная дапамога прадастаўлялася хутаранам у форме крэдытаў на:

1) перанясенне старых пабудоў ці ўзвядзенне новых жылых і гаспадарчых будынкаў на надзелах, вызначаных пры ссяленні;

2) правядзенне прынятай праз зямельныя ўправы сельскагаспадарчай меліярацыі: асушэнне, абвадненне, выраўноўванне і раскарчоўка зямлі, выкопванне калодзежаў і пракладванне дарог;

3) набыццё зямельных надзелаў ад іншых удзельнікаў ссялення (для ўладальнікаў карлікавых гаспадарак);

4) аплату тэхнічных работ па правядзенні ссялення, усталяванне права ўладання і ўрэгуляванне іпатэкі ссяляемых грунтаў (артыкул 1).

Дзяржаўную крэдытную дапамогаю маглі карыстацца грамадзяне II Рэчы Паспалітай, не абмежаваныя судовым прысудам, пераходзячыя на новыя надзелы і не маючыя на гэта дастаткова сродкаў. Акрамя таго, такая дапамога магла быць аказана тым асобам, якія ссялялі альбо ссялілі свае землі да 21 верасня 1920 г. паводле пастановаў, што дзейнічалі да прыняцця закона ад 31 ліпеня 1923 г. (артыкул 2).

Дзяржаўная крэдытная дапамога хутаранам выдзялялася з вызначаных на гэтыя мэты фондаў Міністэрства сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформ у форме дадатковых пазык пад 4% гадавых (артыкул 3). Уладальнікам наваствораных хутарскіх гаспадарак выдаваўся банкаўскі крэдыт: 1 200 (у выключных выпадках да 2 500) злотых на перанясенне будынкаў і 600 (800) злотых на меліярацыю (артыкул 4). Крэдыт выдаваўся малазямельным гаспадарам на куплю дадатковай ворнай зямлі. Высокасць пазыкі ў стасунку на 1 га новаатрыманага надзела не магла перавышаць сярэднерынкавага кошту зямлі ў дадзенай мясцовасці (артыкул 5). Агульная сума крэдыту на набыццё зямлі на 1 гаспадарку не магла быць больш за 1/2 кошту ўсёй зямлі (артыкул 6) [3, арк. 5]. Крэдыты выдаваліся пад іпатэчнае забеспячэнне нерухомасцю на тэрмін да 15 гадоў, а на тэхнічныя работы – да 4 гадоў (артыкул 9). У выпадку неўраджаю, пажару альбо іншага стыхійнага бедства, смерці альбо цяжкай хваробы хутараніна выплата крэдыту магла быць адтэрмінавана на 2 гады (артыкул 12).

Пры афармленні крэдыту на камасацыю сялянину неабходна было заплаціць першапачатковы ўнёсак, а потым кожнае паўгоддзе (1-га красавіка і 1-га кастрычніка) выплачваць суму асноўнага доўгу роўнымі долямі з працэнтамі. Гербавы збор пры гэтым звычайна складаў 7 злотых 20 грошаў, яго патрэбна было заплаціць на працягу месяца з дня пераафармлення зямлі [1, с. 137–138].

7 сакавіка 1928 г. выйшла распараджэнне прэзідэнта II Рэчы Паспалітай Ігнацы Масціцкага ў справе змен выканання рашэнняў аб ссяленні зямель, паводле якога асобы, што атрымалі пры ссяленні зямельныя надзелы меншай вартасці, мелі права на грашовую кампенсацыю. Калі ж такая розніца перавышала 3% вартасці ссяляемых зямель і паміж уладальнікамі і асобамі, якія праводзілі ссяленне, не была дасягнута згода, сума кампенсацыі павінна была вызначацца судовым рашэннем [13].

Паводле пастановы Міністэрства сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформ II Рэчы Паспалітай ад 21 красавіка 1928 г., зацікаўленыя асобы павінны ўнесці на карысць зямельных упраў па 50 грошаў за кожную абвешчаную ім старонку ў якасці кампенсацыі выдаткаў [10].

19 чэрвеня 1928 г. выдадзена сумеснае распараджэнне міністэрстваў сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформ і юстыцыі, паводле якога ў выпадку неабходнасці выканання законных рашэнняў зямельных камісій у справе грашовых даплат пры ссяленні грунтаў зацікаўлены бок альбо зямельная ўправа, кантралюючая пераход выдзеленых зямель ва ўласнасць удзельнікаў ссялення, прадстаўляла рашэнне на зацвярджэнне старшыні ваяводскага суда, у тэрытарыяльнай кампетэнцыі якога рашэнне павінна было

быць выканана праз землемера альбо войта, якія павінны былі выканаць на карысць зацікаўленага боку вышэйзначанае рашэнне ва ўмовах, вызначаных законам для выканання грамадскіх судовых рашэнняў [11].

6 чэрвеня 1935 г. выдадзена распараджэнне Міністэрства сельскай гаспадаркі і сельскагаспадарчых рэформ аб кошце работ па камасацыі. Паводле вызначаных тарыфаў, плата за хутарызацыю 1 га зямлі складала: у Навагрудскім ваяводстве, Палескім, усходняй частцы Беластоцкага (Беластоцкі, Бельскі, Гродзенскі, Сакольскі і Ваўкавыскі паветы), паўднёва-заходняй частцы Віленскага (Маладзечанскі, Ашмянскі, Свянцянскі і Віленска-Троксі паветы) з памерам старога стану зямлі – 20, без памеру – 15 злотых; у паўночна-ўсходняй частцы Віленскага ваяводства (Браслаўскі, Дзісенскі, Пастаўскі і Вілейскі паветы) з памерам – 18, без памеру – 15 злотых (артыкул 1.1).

Аплату за выкананне работ па ссяленні ажыццяўляў уладальнік зямлі на працягу не больш 5 гадоў, а калі зямлі знаходзіліся ў карыстанні грамадскасці ці Міністэрства фінансаў – улада альбо орган, пад кантролем якога знаходзілася зямля (артыкул 4). Колькасць выплат залежала ад высокасці сумы аплаты, але штогадовыя выплаты не павінны быць меншымі за 15 злотых (артыкул 19).

Ад аплаты работ за камасацыю сяляне маглі быць вызвалены ў выпадках:

1) працяглай неплацежаздольнасці і немагчымасці самастойна аплаціць неабходныя работы;

2) адмены ссялення;

3) калі выплаты па камасацыі не перавышалі 10 злотых;

4) калі такая патрэба ўзнікала ў выніку выдаткаў на матэрыялы пры выкананні меліярацыйных работ;

5) абцяжарваючых ссяленне на пэўных абшарах (артыкул 24) [12].

Паводле ацэнак тагачасных польскіх даследчыкаў, для ажыццяўлення работ па камасацыі асобнай вёскі неабходна было як мінімум 2 гады, у першую чаргу для падрыхтоўкі неабходнай нарматыўна-прававой і тэхнічнай дакументацыі па ссяленні і, пры магчымасці, па надзяленні дадатковаю ворнаю зямлёю мясцовых безземельных і малаземельных сялян [8, s. 449].

Заклучэнне

Камасацыя праводзілася польскімі ўладамі на землях Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. на падставе закона ад 31 ліпеня 1923 г., які быў потым ўдакладнены некаторымі пастановамі, перш за ўсё распараджэннямі Міністэрства фінансаў і сельскай гаспадаркі ад 14 студзеня 1927 г. аб выдачы сялянам, якія пераходзілі на хутары, ільготных крэдытаў і ад 6 чэрвеня 1935 г. аб кошце работ за ажыццяўленне хутарызацыі. Польскія ўлады меркавалі рассяліць на хутары як мага больш заходнебеларускіх вёсак, справядліва бачачы ў камасацыі сродак паспяховага развіцця сельскай гаспадаркі краю. Камасацыя праводзілася на аснове дэталёва распрацаванай заканадаўчай базы, яе задачай была ліквідацыя цэраспалосіцы, што перашкаджала вядзенню сялянамі асабістай гаспадаркі і замаруджвала станаўленне ў заходнебеларускай вёсцы капіталістычных адносін.

Дзякуючы ажыццяўленню ў Заходняй Беларусі ў 1920–1930-х гг. камасацыі, ствараліся самастойныя, рынкава арыентаваныя сялянскія гаспадаркі фермерскага тыпу, здольныя не толькі забяспечваць сябе, але і пастаўляць прадукты на рынак.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Гароды і раёны Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён / У.В. Здановіч [і інш.]; пад рэд. А.А. Гарбацкага. – Брэст : Брэсцкая друкарня, 2009. – 564 с.

2. Гольдштейн, И.И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии / И.И. Гольдштейн. – М. : Гос. социал.-эконом. изд-во, 1940. – 296 с.

3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 1439. План работы Полесского окружного земельного управления на 1927–1928 г. и сведения об аграрном положении Полесья.

4. Зялінскі, П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1919–1939 гг.) / П.І. Зялінскі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верасня 1999 года / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2000. – С. 24–30.

5. Полуян, И.В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. / И.В. Полуян. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.

6. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.

7. Dworakowski, B. Wskazówki dla scalających grunty / B. Dworakowski, E. Jasiński. – Warszawa : Drukarnia S. Sloniewskiego, 1928. – 136 s.

8. Odłanicki-Poczobutt, S. Województwo Nowogródzkie / S. Odłanicki-Poczobutt. – Wilno : Nakładem Wilenskiej Izby Rolniczej, 1936. – 498 s.

9. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. Wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP). – 1927. – № 6. – Poz. 36. – S. 45–47.

10. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 21 kwietnia 1928 r. Wydane w porozumieniu z Ministrem Spraw Wewnętrznych o określeniu wysokości kosztów sporządzenia odpisów orzeczeń urzędów ziemskich podlegających publicznemu ogłoszeniu w myśl cz. 1 art. 51 ustawy z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // DURP. – 1928. – № 54. – Poz. 519. – S. 1177.

11. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych i Ministra Sprawiedliwości z dnia 19 czerwca 1928 r. o trybie przymusowego wykonania orzeczeń Komisji Ziemskich nakładających na uczestników scalenia obowiązek dopłat pieniężnych // DURP. – 1928. – № 72. – Poz. 659. – S. 1668.

12. Rozporządzenie Ministra Rolnictwa i Reform Rolnych z dnia 6 czerwca 1935 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Sprawiedliwości o opłatach za scalenie gruntów i znieśnienie służebności oraz za odrysy dowodów pomiarowych // DURP. – 1935. – № 43. – Poz. 290. – S. 746–751.

13. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 7 marca 1928 r. w sprawie zmian wprowadzonych do wykonania na gruncie orzeczeń o scalaniu gruntów // DURP. – 1928. – № 28. – Poz. 260. – S. 534–535.

14. Staniewicz, W. Matujzy Bolondziszki: wieś powiaty Lidzkiego / W. Staniewicz. – Wilno : Gebethner i Wolff, 1923. – 160 s.

15. Ustawa z dnia 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów // DURP. – 1923. – № 92. – Poz. 718. – S. 1050–1056.

16. Ustawa z dnia 28 grudnia 1925 r. o wykonaniu reformy rolnej // DURP. – 1926. – № 1. – Poz. 1. – S. 2–19.

V.P. Harmatny Legislation of Comasation on the Lands of Western Belarus in 1919–1939

The article tells about the legislation of Polish governmental comasation policy in Western Belarus in 1919–1939 to unite the dispersed peasants' land and create here farmstead. Comasation was held on the base of laws of 31 July 1923 about comasation and 14 January 1927 about credits distribution for the peasants. It assisted the development in agriculture capitalistic references and in building wealth and economically independent peasants economies.

УДК 37.014(476)(091) "1929/1939"

М.К. Альховік

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА ЎЛАД БССР У ГАЛІНЕ АДУКАЦЫІ (1929-1939 гг.)

У артыкуле раскрываюцца асноўныя напрамкі палітыкі ўладаў БССР па задавальненні этнакультурных патрэб насельніцтва рэспублікі ў галіне адукацыі ў перыяд бальшавізацыі нацыянальнай палітыкі (1929–1939 гг.) У азначаны перыяд па змесце і накірунках мерапрыемстваў, якія праводзіліся, выразна выдзяляюцца два этапы. На першым этапе (1929–1934 гг.) палітыка кіраўніцтва рэспублікі была накіравана на забеспячэнне карэннага насельніцтва і этнічных супольнасцяў нацыянальнымі школамі. На другім этапе (1934–1939 гг.) па указанні саюзных уладаў рэспубліканскае кіраўніцтва ажыццяўляла ліквідацыю адукацыйных устаноў этнічных супольнасцяў БССР, а таксама прымала меры, накіраваныя на пашырэнне аўдыторыі рускай школы. Аднак факт захавання пераважнай колькасці беларускіх школ у 1939 г. не дае магчымасці ахарактарызаваць палітыку кіраўніцтва рэспублікі як адназначна русіфікатарскую.

Уводзіны

Нацыянальная палітыка ў галіне адукацыі пасля 1929 г. фактычна не адлюстравана ў нацыянальнай ды замежнай гістарыяграфіі. Звычайна ў нешматлікіх публікацыях адзначаецца, што ў гэты перыяд адбываўся перавод беларускіх, яўрэйскіх, польскіх і іншых школ на рускую мову навучання, часам падаюцца фрагментарныя звесткі з архіўных крыніц альбо апублікаваных статыстычных зборнікаў. З’явіліся даследаванні нацыянальна-культурнага развіцця пэўных этнічных супольнасцей (латышоў, палякаў, яўрэяў) альбо нацыянальнай палітыкі ў некаторых рэгіёнах БССР [1; 2]. Мэта дадзенага артыкула – вызначэнне асноўных накірункаў нацыянальнай палітыкі беларускіх улад у галіне народнай адукацыі. Пытанне каранізацыі навучальных устаноў у артыкуле не разглядаецца.

Нацыянальная адукацыйная палітыка ў 1929–1933 гг.

Камісія ЦКК УКП(б) на чале з У. Затонскім, якая працавала ў БССР у маі–чэрвені 1929 г., вызначыла, што тэмпы развіцця беларускай мовы з’яўляюцца дастатковымі для культурнага развіцця і саветызацыі беларускага насельніцтва. Працэсы беларусізацыі працягваліся, хоць і больш марудна. Сур’ёзныя недахопы ў беларусізацыі навучальна-выхаваўчага працэсу ВНУ і тэхнікумаў, асабліва ва ўсходніх раёнах, былі выяўленыя ў 1930 г.

У другой палове 1920-х – пачатку 1930-х гг. у Койданаўскім (з 1932 г. Дзяржынскім) раёне адкрываліся польскія школы, а беларускія пераводзіліся на польскую мову (у 1925 г. у раёне існавала ўсяго 5 польскіх школ, у 1930 г. – 7, у 1931 г. – 32, у 1932 г. – 40). У раёне працавалі два польскія прафтэхвучылішчы, рабфак, сельскагаспадарчы тэхнікум, а таксама дашкольны ды жывёлагадоўчы тэхнікумы. Польскі навуковы камбінат у маёнтку Станькава рыхтаваў настаўнікаў малодшых класаў.

У беларускіх школах, дзе вучыліся дзеці каталікоў ці пэўная колькасць палякаў, выкладалася польская мова. Улада ігнаравала факт навучання беларусаў-каталікоў і неапалячанага беларускага насельніцтва ў польскіх школах і ССНУ. Частка каталіцкага насельніцтва (напрыклад, жыхары Юркавіцкага сельсавета) выступіла супраць паланізацыі, частка, спасылаючыся на дэклараваную свабоду ў выбары мовы, свядома пасылала дзяцей у польскія навучальныя ўстановы. Бацькі-каталікі па-ранейшаму блыталі рэлігію і нацыянальнасць, надавалі носьбітам беларускай мовы нізкі сацыяльны

Навуковы кіраўнік – П.І. Зялінскі, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

статус, хацелі, каб іх дзеці разумелі рэлігійную літаратуру на польскай мове. Польскія школы ў БССР маглі працягваць справу дарэвалюцыйных нелегальных польскіх школ. У пачатку 1933–1934 навучальнага года ў БССР існавала 289 польскіх школ, у якіх навучалася 17 664 чалавек. Калегія Наркамасветы БССР 28 студзеня 1934 г. вынесла рашэнне павялічыць лік польскіх школ па I канцэнтры да 285, па II – да 60, па III – да 10, г.зн. з 289 да 363.

У 1931/32 н.г. працавалі 262 яўрэйскія школы, у якіх вучылася 36 тыс. 500 вучняў. У 1934 г. функцыянавала 17 латышскіх школ. У 1935 г. на задавальненне адукацыйных патрэб 6,8 тыс. літоўцаў працавалі 11 пачатковых (300 вучняў) і 2 сярэднія (197 вучняў) школы [3, с. 134].

Аднак у справе асветы этнічных супольнасцей БССР існавалі праблемы. Устаноўка на штучнае павелічэнне колькасці польскіх навучальных устаноў прывяла да непрапарцыйнай забяспечанасці нацыянальных меншасцей школамі. У 1932 г. доля польскіх школ (252, ці 3,6%) перавышала адсотак польскага насельніцтва па рэспубліцы (паводле перапісу 1926 г., у БССР налічвалася 2% палякаў). У канцы 1932/33 н.г. у рэспубліцы 2% палякаў мелі 337 школ, 8,2% яўрэяў – 327, а 7,3% рускіх – 194. На яўрэйскую школу прыходзілася ў сярэднім 96 вучняў, на беларускую – 94, на рускую – 119, на польскую школу – усяго 47 (былі нават польскія школы з 15–20 вучнямі). Адсотак вучняў-палякаў сярод усіх школьнікаў рэспублікі складаў 1,78 (16 158 чалавек).

У 1930-я гг. змяншаецца колькасць яўрэяў, што паступалі ў яўрэйскія школы, бо малады чалавек, скончыўшы рускую школу, мог працягнуць сваю адукацыю ў прэстыжных ВНУ СССР, уладкавацца на прэстыжную работу. У выніку змяншэння патрэбаў яўрэйскай школы ў кваліфікаваных кадрах змяншаецца колькасць студэнтаў і набор на 1 курс яўрэйскіх аддзяленняў у ВНУ. Ужо ў канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. значная колькасць выпускнікоў яўрэйскіх аддзяленняў педагагічных навучальных устаноў не змагла ўладкавацца на працу ў яўрэйскія школы і была накіравана ў агульнаадукацыйныя школы з рускай ці беларускай мовамі выкладання.

У 1927–1928 гг. у Беларусі налічвалася 136 рускіх школ, у якіх навучалася 24 500 вучняў рускай нацыянальнасці, у 1928–1929 гг. – 130 школ, 1929–1930 гг. – 106, 1930–1931 гг. – 82, 1931–1932 – 84 (колькасць вучняў 13 996). У той жа час на 1 студзеня 1932 г. у БССР налічвалася 62 тыс. дзяцей школьнага ўзросту рускай нацыянальнасці. У сакавіку 1931 г. у Гомельскай акрузе ахоп школамі рускіх дзяцей склаў 26%. Аднак былі пашыраны і адваротныя выпадкі. Напрыклад, у 1931 г. у рускіх школах Гомеля навучалася 34% рускіх дзяцей, 24% – беларускіх, 38% – яўрэйскіх і 4% дзяцей іншых нацыянальнасцей. У 1934 г. школы БССР працавалі на 10 мовах нацыянальных меншасцей: яўрэйскай, рускай, польскай, латышскай, літоўскай, нямецкай, чэшскай, татарскай, асірыйскай і цыганскай [4, с. 195].

У 1933/34 н.г. у Дзяржынскім, Бягомльскім і некаторых іншых раёнах у польскія, яўрэйскія школы адзелы нарасветы прызначалі настаўнікаў, якія не ведалі польскай мовы, і выкладанне ў гэтых школах ішло на беларускай або рускай мове. У 1934 г. у Гомелі ў сектары нацменшасцей кадры настаўнікаў і кіраўніцтва польскага аддзялення камплектаваліся толькі з беларусаў. У 1934 г. было выяўлена скарачэнне школ нацменшасцяў, асабліва рускамоўных, і адсутнасць падрыхтоўкі настаўнікаў у Мсціслаўскім, Гарадоцкім, Кармянскім, Петрыкаўскім і іншых раёнах.

Нацыянальная палітыка ў 1933-1939 гг. у адносінах да руска- і беларускамоўнай школы

Згортванне ранейшай нацыянальнай палітыкі ў нацыянальных рэспубліках было ажыццёўлена па ініцыятыве саюзных улад. Нацыянальная палітыка КП(б)Б была ахарактарызавана як нездавальняючая і гвалтоўная з нагоды напісання настаўнікам Сцяпу-

рам запіскі ў газету «Правда», дзе паведамлялася аб тым, што мясцовыя кіраўнікі цкуюць яго за напісанне ў сельсавет запіскі на рускай мове і карыстанне ёй у прыватным жыцці [5, с. 5–7]. Пасля «справы Сцяпуры» 1933 г. школьны сектар народнага камісарыята асветы абследаваў выкладанне рускай мовы ў мінскіх школах і выявіў значную вучнёўскую непаспяховасць. Праз некалькі месяцаў партыйна-дзяржаўная прапаганда абвінаваціла нацыянал-дэмакратаў у імкненні закрыць усе рускія школы на Беларусі. Снежаньскі аб'яднаны пленум ЦК і ЦК КП(б) Беларусі (1933 г.) адкрыта прызнаў наяўнасць шматлікіх фактаў невыканання партыйнымі, савецкімі і грамадскімі арганізацыямі пастаноў КП(б)Б па нацыянальным пытанні.

У 1933–1934 гг. адначасова існавалі дзве тэндэнцыі: на працяг беларусізацыі і на яе згортванне. У Старабарысаўскім тэхнікуме начальства забараніла студэнтам карыстацца ў асабістых зносінах рускай мовай і паставіла не адказваць на рускамоўныя звароты. Сетка беларускай школы ў 1933/34 н.г. дасягнула 15 294 камплектаў пачатковай і 5 011 класаў сярэдняй школы, у 1934/35 н.г. – адпаведна 15 685 і 6 732. У той жа час Барысаўскі беларускі педтэхнікум быў пераўтвораны ў рускі па прычыне недахопу выкладчыкаў, якія б валодалі беларускай мовай. У запалкавым тэхнікуме Гомеля выкладанне ўжо вялося на рускай мове.

3 лютага па снежань 1933 г. партыйна-дзяржаўныя ўлады намерваліся прывесці колькасць рускіх школ і класаў проста ў адпаведнасць з доляй рускіх у насельніцтве рэспублікі. Было зменена кіраўніцтва Наркамасветы, кандыдат у члены ЦК КП(б)Б намеснік наркама асветы Бялуга быў выключаны з партыі за недастатковую ўвагу да развіцця рускай школы. 20 чэрвеня 1933 г. калегія Наркамасветы разглядала праект пастановы аб школах, у прыватнасці, аб сетцы рускіх школ, аднак у хуткім часе ён быў згорнуты камісіяй па «чыстцы» Наркамасветы БССР праз «апалітычнасць». Снежаньскі пленум ЦК КП(б)Б 1933 г. забараніў «механічна ўкамплектоўваць» масавыя школы, г.зн. накіроўваць яўрэяў, палякаў, беларусаў і інш. у іх нацыянальныя школы ў тых выпадках, калі школьнікі ведаюць рускую мову і жадаюць вучыцца ў рускай школе. Паводле плана, прынятага ў 1934 г. пад кіраўніцтвам наркама асветы БССР Чарнушэвіча, колькасць рускіх школ падвойвалася. Раённым партарганізацыям загадвалася правяраць работу органаў асветы БССР па забеспячэнні рускіх школ памяшканнямі, настаўнікамі, матэрыяльнай базай. Рэспубліканскае кіраўніцтва чакала дзейснай падтрымкі новага курсу на мясцовым узроўні, канстатаваўшы адсутнасць рашучых захадаў раённых уладаў (напрыклад, Уздзенскага раёна) як небяспечную тэндэнцыю, а таксама спробу мясцовых работнікаў ігнараваць рашэнні партыі і Наркамасветы (загадчык Гомельскага гарана Данільчык даў указанне дырэктарам рускіх школ кіравацца пры прыёме дзяцей паводле нацыянальнай прыналежнасці, а не ўжыванай мовы) [6, с. 137]. У сувязі з палітычнай кан'юнктурай за 1934/35 і 1936/37 н.г. колькасць рускіх школ у Мінску павялічылася на 3, беларускіх – на 8. У 1937 г. у сталіцы налічвалася 47 школ: 25 беларускіх, 9 рускіх, 10 яўрэйскіх, 2 польскія, 1 нямецкая.

Руская мова, як агульнасаюзная, стала мовай міжнацыянальных зносін у рэспубліцы, адыгрываючы для нацыянальных меншасцей ролю, большую за ролю мовы народа, сярод якога яны жылі. У 1934 г. было ўзнята пытанне аб г.зв. шматмоўнасці ў нацыянальнай малодшай школе, у якой дзеці мусілі вучыць чатыры мовы і літаратуры: родную (з 1-га года навучання), беларускую, рускую і нямецкую (усе – з 2-га года навучання). Народны камісарыят асветы БССР звярнуўся ў Бюро ЦК КП(б)Б з прапановай вывучаць беларускую і замежную мовы ў нацыянальных школах толькі з 5-га класа.

Недахопы і пралікі ў рабоце рускіх школ вызначаліся «мэтанакіраваным палітычным шкодніцтвам». Загад наркама асветы БССР Дзьякава аб змяншэнні нагрузкі дырэктараў школ быў расцэнены як імкненне стварыць нездаровы настрой сярод настаўніцтва

і скараціць выкладанне рускай мовы. У выніку не ставала 400 настаўнікаў рускай мовы, падрыхтоўка кадраў выкладчыкаў таксама адсутнічала.

XVI з'езд КП(б)Б (1937 г.) раскрытыкаваў знаходжанне рускай мовы ў нярускіх школах дэ-факта на становішчы замежнай: нямецкай мове адводзілася 480 гадзін на год, рускай – 450 гадзін. Такая малая колькасць гадзін не дазваляла засвоіць яе так, як беларускую. Гэта перашкаджала рускім культурным уплывам, бо, паводле меркавання ўлады, выцякала з арыентацыі на капіталістычны Запад, а не на СССР. Колькасць гадавых вучэбных гадзін на рускую мову і літаратуру павялічвалася да 1720–1734 на год.

XVII з'езд КП(б)Б (1938 г.) запатрабаваў у адпаведнасці з указаннямі Сталіна і Молатава на нарадах па вышэйшай школе ўзмацніць вывучэнне рускай мовы ў ВНУ, ВТНУ і тэхнікумах. З 1933 па 1940 гг. выкладанне ў вышэйшых і сярэдніх навучальных установах было пераведзена на рускую мову. У лістападзе 1938 г. НКУС БССР у дакладной запісцы інфармаваў ЦК КП(б)Б аб пераводзе на рускую мову выкладання ў няпоўных сярэдніх школах працоўных калоній НКУС для непаўналетніх правапарушальнікаў.

Калі 1 верасня 1936 г. беларускія школы складалі 92% ад агульнай колькасці школ у рэспубліцы, то да 1 верасня 1939 г. іх доля знізілася да 82,5% (сярод 5 536 школ беларускіх было 4 565).

Нацыянальная палітыка ў 1934–1939 гг. у адносінах да школ этнічных супольнасцей

У сувязі з тым што пры правядзенні пашпартызацыі насельніцтва Дзяржынскага раёна колькасць палякаў аказалася значна меншай у параўнанні з ранейшымі дадзенымі, 24 ліпеня 1934 г. ЦК УКП(б)Б указаў беларускаму парткіраўніцтву на «няправільную палітыку і практыку» насаджэння ў раёнах і сёлах з большасцю беларускага насельніцтва польскіх школ і прымусявага навучання дзяцей на польскай мове і загадаў перагледзець сетку польскіх школ на карысць беларускіх [7, с. 115]. Менавіта з гэтага моманту распаўсюд курсу на асіміляцыю этнічных супольнасцей, які, у прыватнасці, прадугледжваў закрыццё іхніх адукацыйных устаноў. Аднак у 1934–1935 гг. ён яшчэ суіснаваў з папярэдняй палітыкай, накіраванай на забеспячэнне этнакультурных запатрабаванняў этнічных супольнасцей БССР. Пад асобы кантроль былі ўзяты камплектаванне нацменаўскіх школ настаўнікамі, а таксама справа будаўніцтва і рамонту школьных будынкаў. Упор пакуль рабіўся на добраахвотны выбар школьнікаў на карысць рускай мовы. У пачатку жніўня 1935 г. у Мінску быў адкрыты нацыянальны педагагічны інстытут па падрыхтоўцы высокакваліфікаваных кадраў для польскіх, яўрэйскіх, латышскіх і літоўскіх школ.

Для легітымацыі пераходу навучэнцаў польскіх школ у беларускія Дзяржынскі райкам інспіруе ў 1934 г. масавыя сходы і заявы вучняў і бацькоў пра немагчымасць і шкоднасць навучання дзяцей на польскай мове і жаданне іх вучыцца па-беларуску. Не прымаліся да ўвагі ні рэлігійныя патрэбы каталіцкага насельніцтва, ні мова продкаў.

Народны камісарыят асветы ў 1934 г. абмежаваў выкладанне польскай мовы ў польскіх і змешаных польска-беларускіх школах. 6 верасня 1934 г. пачалося закрыццё польскіх школ і перавод іх на беларускую мову навучання з выдачай вучням беларускіх падручнікаў. У 1934/35 н.г. было ліквідавана 129 польскіх школ, у 1935/36 н.г. – 82. Пашыраліся польска-беларускія школы, у якіх польскую мову вывучалі як прадмет, а выкладанне вялося на беларускай мове, альбо частка дзяцей вучылася на беларускай мове, частка – на польскай.

У 1935/36 і 1936/37 н.г. польскі нацыянальны сектар Народнага камісарыята асветы БССР не аказваў ніякай дапамогі польскай школе, кіраўніцтва камісарыята садзейнічала русіфікацыі і беларусізацыі навучальнага працэсу, у польскія навучальныя ўстановы падручнікі не завозіліся, студэнты фактычна не ведалі польскай мовы. Заняпад устаноў ігнаравалі прадстаўнікі рэдакцый рэспубліканскіх СМІ («Орка», «Звязда»), кі-

раўніцтва пачатковых школ, камісарыят асветы БССР, Мінскі гаркам партыі, Камісія партыйнага кантролю БССР.

Колькасць іншых нацыянальных школ таксама змянялася. У 1935 г. бюро Дзяржынскага раённага каміэта КП(б)Б прыняло рашэнне пра неметазгоднасць існавання польскага рабфака ў Дзяржынску. Да 1 верасня 1936 г. у Дзяржынскім раёне засталася толькі 2 польскія школы з 50 у 1934 г. У пачатку 1936 г. у БССР дзейнічала 606 (з 6 978) пачатковых і сярэдніх школ нацыянальных меншасцей, у т.л. 213 яўрэйскіх, 180 рускіх, 135 польскіх, 26 украінскіх, 22 латышскія, 13 літоўскіх, 13 нямецкіх і інш. (існавалі таксама беларуска-польскія, беларуска-рускія, беларуска-латышскія, беларуска-яўрэйскія, школы па ліквідацыі непісьменнасці і малапісьменнасці сярод дарослых). У верасні 1936/37 н.г. у БССР функцыянавалі 196 яўрэйскіх школ, 107 польскіх, 9 літоўскіх, 10 нямецкіх, 24 украінскія, 12 латышскіх, 178 рускіх і 6 323 беларускія.

24 чэрвеня 1936 г., паводле пастановы ЦК УКП(б), у мясцовасцях, «дзе пражывалі беларусы», зачыняліся 65 пачатковых і сярэдніх польскіх школ і 23 польскія дзіцячыя садкі. Ліквідаваліся польскія аддзяленні педінстытута, інстытута нацыянальных меншасцей, рабфака БДУ, педвучэльні, Мінскі і Гомельскі дзіцячыя дамы і г.д. У сакавіку 1937 г. Віцебская і Мінская яўрэйскія педвучэльні былі зліты ў адну з прычыны нястачы выкладчыцкіх кадраў.

17 снежня 1937 г. Палітбюро ЦК УКП(б) зацвердзіла пастанову «Аб нацыянальных школах». Наркаматам асветы даручалася рэарганізаваць прызнаныя неметазгоднымі нацыянальнымі школах ў рускія, ліквідаваць нацыянальныя педтэхнікумы і г.д. У пастанове Аргбюро ЦК УКП(б) «Аб рэарганізацыі нацыянальных школ» ад 28 студзеня 1938 г. рэкамендавалася з восені 1938 г. размясціць вучняў асобных нацыянальных школ і аддзяленняў у суседніх сярэдніх рускіх школах альбо перавесці на вучэбныя планы і праграмы рускіх школ. Улетку 1938 г. газета «Октобэр» атрымала шмат пратэставых лістоў супраць беларусізацыі і закрыцця яўрэйскіх школаў, аднак да 1 верасня 1938 г. усе яўрэйскія школы былі рэарганізаваныя ў беларускія ці рускія, яўрэйскія педтэхнікумы і аддзяленне педінстытута ліквідаваліся. Яго студэнты працягвалі навучацца па агульных праграмах адпаведных факультэтаў. У канцы 1938/39 н.г. навучанне вялося толькі на беларускай і рускай мовах [8, с. 123].

Заклучэнне

У нацыянальнай палітыцы вылучаюцца два этапы. З 1929 па 1933–1934 гг. партыйна-дзяржаўныя ўлады працягвалі – на фоне бальшавізацыі нацыянальнай палітыкі – ажыццяўляць беларусізацыю і задавальняць этнакультурныя патрэбы нацыянальных меншасцей, у т.л. у галіне адукацыі. Адным з цікавых і маладаследаваных феноменаў таго часу з’яўляецца палітыка паланізацыі беларускага каталіцкага насельніцтва. У 1933–1934 гг. нацыянальная палітыка КП(б)Б значна змянілася. Беларускія ўлады па ўказанні з Масквы ажыццяўлялі ліквідацыю адукацыйных устаноў этнічных супольнасцей БССР, а таксама рабілі захады, накіраваныя на максімальна магчымае, хоць і добраахвотнае, пашырэнне аўдыторыі рускай школы за кошт дзяцей-беларусаў, г.зн. дзейнічалі ў межах палітыкі дзвюхмоўя. Факт захавання дамінуючай колькасці беларускіх школ у 1939 г. не дае магчымасці вызначыць палітыку кіраўніцтва рэспублікі як адназначна русіфікатарскую.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Пичуков, В.П. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века) / В.П. Пичуков, М.И. Старовойтов ; Гомел. гос. ун-т ; управ. культуры Гомел. облисполкома. – Гомель : ГГУ, 1999. – 148 с.

2. Дзядзінкін, А.Л. Нацыянальная палітыка савецкай улады ў лістападзе 1917 – верасні 1939 гг. (на прыкладзе Віцебшчыны) : дыс. ... канд. гіст. навук : 06.07.04 / А.Л. Дзядзінкін. – Віцебск, 2004. – 125 арк.

3. Матулайтис, Е.К. Литовцы под гнетом фашистской Польши : полит.-экон. очерк / Е.К. Матулайтис ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1936. – 450 с.

4. Матэрыялы к дакладу ўрада БССР XI з'езду Советаў. Выданне кіраўніцтва спраў СНК БССР. – Менск : БДВ, 1935. – 271 с.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Спр. 6 343.

6. Зеленкова, А.И. Гомельщина многонациональная (20–30-е го ды XX века) / А.И. Зеленкова, М.И. Старовойтов ; Гомел. гос. ун-т ; управ. культуры Гомел. облисполкома. – Гомель : ГГУ, 2000. Вып. 2. – 155 с.

7. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Спр. 10 917.

8. Кісялёў, К. Трыумф ленінска-сталінскай нацыянальнай палітыкі / К. Кісялёў // Бальшавік Беларусі. – 1938. – № 11–12.

Alhovich M.K. The National Policy in the BSSR in Education in 1929–1939

The article describes the main directions of the ethnocultural policy in the BSSR in education during the Bolshevization of the national policy period from 1929 till 1939. On the basis of the research we come to the conclusion that Belarusian authorities provided indigenous population and ethnic community with the national schools in 1929–1934 years. On the instructions of federal authorities the Republican leadership carried out the liquidation of the educational institutions of ethnic communities of the Byelorussian SSR, as well as taking steps to expand the audience of the Russian school by the Belarusians. However, the fact of the domination of Belarusian schools in 1939, does not allow to determine the policy leadership of the republic as a uniquely Russification.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.04.2012

УДК 94(476)+(438)

С.В. Струнец

ОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМАТИКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В 1939–1941 гг.

В статье исследованы существующие в современной польской историографии подходы к изучению межнациональных отношений на территории западных областей БССР в 1939–1941 гг. На основе анализа ряда исторических работ сделан вывод о том, что в польской историографии оформились две точки зрения, по-разному трактующие содержание данной проблемы. Для представителей «традиционного» подхода характерно акцентирование репрессивной роли советской национальной политики и временного соучастия поляков, ставших национальным меньшинством, в советизации региона на фоне обострения взаимоотношений между различными этническими группами. Оппоненты такого понимания данных явлений фокусируют внимание на том, что в «традиционном» подходе доминирует субъективное травматическое видение ситуации сквозь призму наиболее пострадавшей от советской власти части польского населения.

Введение

Особое место события 1939–1941 гг. на территории западных областей БССР занимают в польской исторической науке. В начале 90-х гг. XX в. проблема получила официальное признание новых польских властей. В это время велась целенаправленная работа по сбору документов как в архивах Польши, так и за рубежом. Характер исследований долгое время определяли антисоветские настроения значительной части польского общества, а также фактологический материал и методические приемы, накопленные в рамках польской эмигрантской исторической школы, основанной на принципе безусловной лояльности ко II Речи Посполитой (далее – II РП) и замалчивании проблем национальных меньшинств межвоенной Польши. Эмоциональный всплеск в значительной мере объяснялся тем, что в социалистической Польше исследование событий периода 1939–1941 гг. на территории бывших восточных воеводств II РП почти не велось. Исключением был полулегальный сбор воспоминаний очевидцев отдельными историками. Последовавший крах социалистической системы в Восточной Европе вызвал повышение интереса к событиям сентября 1939 г. Целью статьи является анализ основных подходов, оформившихся в современной польской историографии, к вопросу освещения межнациональных отношений в 1939–1941 гг. на территории западных областей БССР.

Продолжительное время в современной польской историографии событий 1939–1941 гг. доминировал отрицательный образ национальных меньшинств II РП как активных пособников советской власти, стремившейся всеми способами уничтожить все польское в регионе. Полной противоположностью этому был образ поляка-патриота, переживавшего трагедию государства и свою собственную, ставшего первой жертвой советского репрессивного аппарата [1, s. 118]. Общая тональность польских исследований де-факто представляла «черно-белый» срез ситуации, где поляки выступали жертвами агрессии со стороны белорусов и евреев, а события осени–зимы 1939/40 гг. пропускались сквозь призму видения наиболее пострадавшей от советской власти части польского населения и экстраполировались на весь период 1939–1941 гг. При этом итоговые выводы зачастую имели достаточно сдержанное звучание и избегали негативных обобщений и обвинений в адрес всех белорусов или евреев.

Научный руководитель – М.Э. Чесновский, доктор исторических наук, профессор, ректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Иные оценки действий национальных меньшинств в рассматриваемый период были выработаны в рамках польско-еврейского дискурса. Еще в 1-й половине 1990-х гг. израильские историки Б.-Ц. Пинчук и Д. Левин обратили внимание на многовариантность поведения еврейского населения во взаимоотношениях с советской властью, которое далеко не сводилось к сотрудничеству. В основу их книг положена огромная масса воспоминаний евреев – очевидцев событий. В этих работах артикулируются тезисы неоправданно враждебного отношения поляков к евреям как пособникам советской власти и страданий еврейского населения региона от действий советской власти если не в большей, то никак не в меньшей степени, чем польского [2; 3]. Впоследствии данная интерпретация получила развитие в книгах американского исследователя польского происхождения Я.Т. Гросса [4, s. 61–92]. Отправной точкой нового этапа развития зарубежной историографии исследуемой проблематики стала публикация очередной его книги «Соседи. История геноцида еврейского местечка» о массовом добровольном участии поляков в уничтожении еврейского населения на территории Белостокской области в начальный период Великой Отечественной войны [5]. Данный вопрос автор тесно увязал с польско-еврейскими отношениями в 1939–1941 гг. при советской власти. Фактически к полякам в ракурсе событий лета 1941 г. и начала немецкой оккупации уже на основе еврейских воспоминаний был применен принцип, к которому часто де-факто прибегали некоторые польские исследователи относительно национальных меньшинств II РП при характеристике событий сентября 1939 г.: коллективная ответственность представителей всех национальных меньшинств за все происшедшее в этот переломный момент. Фактически польское общество оказалось в своеобразной ловушке: с одной стороны, укоренившиеся в сознании обвинения в адрес национальных меньшинств за тотальное сотрудничество с советскими «оккупантами», с другой – факт участия поляков в самом кровавом в истории человечества преступлении – холокосте – совместно с немцами как мечь за «преступления» евреев в советский период.

Часть польского общества, как и часть польских историков, восприняла это исследование как провокационное. Чистота героического нарратива, представлявшего поляков одновременно «героями» и «жертвами», своеобразными идеальными участниками войны, была поставлена под сомнение [6, s. 54]. По мнению некоторых авторов, в результате развернувшейся острой полемики выделилось несколько «теоретических» направлений, среди них «(этно) национальная школа» и «новая критическая школа» [7, s. 81, 85]. В первой по-прежнему доминируют вопросы мартирологии и жертвенности поляков относительно других национальных групп. Польско-еврейские отношения в межвоенный период в рамках данного подхода рассматриваются как относительно нормальные. Антисемитизм части польского сообщества не отрицается, в том числе в таких радикальных формах, как погромы. Но при этом артикулируется взаимная жестокость как характерный признак того времени. Более того, даже с учетом специфики польской внутренней политики 2-й половины 1930-х гг. якобы антисемитизм никогда не был государственной идеологией в Польше, а евреи во II РП имели несравнимо больше возможностей для развития относительно сородичей в нацистской Германии и в СССР. В итоге евреям удалось создать среди всех польских национальных меньшинств самый богатый по содержанию культурный и политический сегмент жизни. Представители этого направления ввязывают события 1939–1941 гг. и в контекст послевоенного развития Польши, а именно участия евреев в послевоенной советизации Польши. Выстраивается хронологическая обусловленность участия поляков в погромах летом 1941 г., в значительной мере снимающая претензии к ним. Это участие представляется маргинальным событием: несколько человек, которых заставили немцы. Вспыхнула якобы сиюминутная ответная реакция на террор против поляков во время советской оккупации. При этом параллельно гипертрофируется помощь этнических поляков прятавшимся от нацистов евреям. Проблема

низкого социального одобрения внутри местных сообществ спасательной миссии поляков, что составляет малоизученный аспект межнациональных отношений, не стала составной частью этого нарратива. В этой интерпретации вина евреев превышает вину поляков за лето 1941 г., т.к. евреи были виновны и в 1939-м, и в 1945-м годах, и позднее [7, s. 86–100]. Так, один из пионеров исследований событий 1939–1941 гг. на территории восточных земель межвоенной Польши Т. Стшембош не отрицает участия поляков в погромах, однако подчеркивает, что коллаборационизм евреев с советами в 1939 г. был несравнимо масштабнее, чем участие поляков в еврейских погромах летом 1941 г. В книге о польском подполье в районе Едвабно он уже не повторил тезиса о маргинальной роли поляков в погроме. Наоборот, привел факты о центральной роли членов польского антисоветского подполья в погромах (правда, эту проблему осветил косвенно; гораздо обширнее описана роль евреев в создании милиции и просоветских органов власти) [6, s. 56, 57].

Другой польский историк М. Вежбицкий, автор монографий о польско-белорусских и польско-еврейских отношениях в 1939–1941 гг. на территории западных областей Беларуси, признает определенную односторонность утверждений авторов некоторых польских реляций и воспоминаний, однако считает их вполне достоверным источником. Он также соглашается, что поляки и евреи по-разному воспринимали происходившие в этот период события. В то же время подчеркивает, что этносоциальное обострение осени 1939 г. сильно повлияло на польскую память и отразилось в польско-еврейских отношениях во время советской оккупации. Сравнимым с этим чувством были только депортации польских граждан в 1940–1941 гг. Тогда одновременно с падением роли поляков происходил социальный рост еврейского населения, по крайней мере, его части. Память об этих событиях осложнила отношения вплоть до конца советской оккупации и даже после начала советско-немецкой войны [8, s. 133–145]. Несмотря на то, что число евреев, принявших непосредственное участие в уничтожении поляков, было очень небольшим, не достигало процента еврейского населения в том или ином населенном пункте, доля пассивно сочувствующих евреев уже была значительно большей, особенно в начальный период. Просоветские настроения, нелояльность к Польше в тот период поляки замечали чаще, чем доброжелательность и патриотизм. Они выхватывали из событий самые негативные эпизоды, которые больше всего бросались в глаза и запоминались. Исследователь объективно отмечает, что случаи негативного отношения к Польше были тогда достаточно частыми. В этих условиях довоенный антисемитизм поляков, присущий до этого определенным кругам, например эндецким, необычайно окреп и распространился практически на все слои поляков, проживающих на территории, оккупированной советами (и не только). Евреи ассоциировались с советской системой, а ненависть к советам стала отождествляться с ненавистью к евреям. В результате под влиянием советской оккупации 1939–1941 гг. одним из элементов проявления патриотизма многих кресовых поляков в определенной степени стал антисемитизм, понимаемый как борьба с советами за независимость Польши, которую, в представлении большинства поляков, предали евреи [9, s. 104, 198, 227]. Характеризуя белорусов, исследователь отмечает их особую активность в просоветских акциях в сельской местности, частично в городах осенью 1939 г. Такое поведение определенно генерализовало среди поляков негативную оценку позиции белорусов. При этом исследователь называет определяющей причиной ухудшения отношений двух национальных групп старые социальные противоречия, заложенные в довоенный период, но не умаляет и новые, возникшие с установлением советской власти [10, s. 377].

С данными выводами солидарен один из старейших польских исследователей этого периода М. Гнатовский. Он признает, что ни евреи, ни белорусы ничего не определяли в действиях советской власти, однако участие некоторой, достаточно значительной их части в реализации советской политики, прежде всего репрессивной, самым существен-

ным образом повлияло на отношения с поляками. Историк признает определенную деградацию национальных настроений части польского населения. Вину за это автор возлагает на советскую власть, при которой «навязываемый коммунизм, как коррозия, привнося враждебность и ненависть, уничтожал здоровую ткань общественной жизни и бил в традиционные принципы морали. Это в итоге привело к ситуации войны всех против всех» [11, s. 201].

Во многом схожие оценки дает и Д. Бочковский. Он воспроизводит ставший традиционным для польской историографии тезис о «колониальном» характере советской власти в Белостокской области, где до конца 1940 г. поляки, как автохтонное население, были фактически сведены до уровня париев. Далее исследователь транслирует некоторые элементы «этнонационального» подхода, подчеркивая, что поляки не пошли на сотрудничество с советами. Их численность в различных советских органах и организациях пропорционально была меньше, чем представительство других национальностей; более того, польские выдвиженцы занимали малозначительные должности, но, равно как и все остальные, ничего не решали в советской системе. Бочковский подчеркивает, что период 1939–1941 гг. был одинаково трагичен для представителей всех национальностей. Он акцентирует в данном вопросе не проблему «вины» одних национальностей перед другими, а проблему «общей трагедии», например, отмечает факт уничтожения немногочисленной белорусской национальной интеллигенции. Практически от имени белорусов руководили направленные с востока чиновники. Значит, на фоне формально привилегированного статуса положение белорусов было едва ли не хуже, чем поляков. Итогом советского периода стали погромы евреев жителями польских местечек, которые сильно напоминали не размерами, а по смыслу то, что происходило с молчаливого согласия «освободителей» в отношении польских осадников со стороны белорусских крестьян осенью 1939 г. Белорусы при молчаливом согласии немцев так же были «наказаны» за свое поведение в период советской оккупации возвратившимися поляками [12, s. 74–84].

Оппоненты «этнонационального» подхода признают, что межвоенный период в отношениях между проживающими здесь народами сыграл весьма существенную роль. Например, ломжинский регион заметно отличался от других территорий, впоследствии оказавшихся в составе СССР. Были специфическими социальные настроения и политические взгляды местного польского населения. Здесь в сложных внутривнутриполитических условиях развития Польши, начиная с 1933 г., стали своеобразной нормой жизни антиеврейские эксцессы – от экономического бойкота до погромов [13, s. 65–73]. На ломжинщине отмечался существенный численный рост поляков с отрицательными установками в отношении национальных меньшинств. Тут сложилось не маргинальное сообщество националистов, его составляло, возможно, большинство поляков. Подтверждается тот факт, что накануне войны среди значительной части местного польского населения уже был выработан ряд шовинистических стереотипов и накоплен опыт активных действий по их реализации.

Сложно и противоречиво развивались в этот период и польско-белорусские отношения. Как отмечает Е. Миронович, судя по воспоминаниям белорусов, их оппозиционность к Польше базировалась не на стремлении создать независимое государство, а на оппозиционности государству, созданному поляками для поляков. Госаппарат II РП определил за белорусов их политические пристрастия, а также отношение к польскому государству, добавив к этому образу официально-политические оценки этой группы. Власть определила свою позицию к белорусам как чуждому элементу, отвергая какое-либо сотрудничество. Уровень контроля над этой группой, не только над активом, но и над крестьянской массой, говорит о том, что власти относились к ней с большим недоверием, рассматривая этих подопечных граждан исключительно как угрозу государству. Среди польского населения северо-восточных земель II РП бытовало мнение, что обо

всех высказываниях белорусов в отношении государства, правительства и по прочим социально-политическим вопросам необходимо информировать полицию [1, s. 117].

Для представителей «новой критической школы» характерен пересмотр причин и следствий ряда явлений, происходивших в 1939–1941 гг. в западных областях БССР. Так, польский исследователь К. Ясевич отмечает, что необходимо иное описание событий этого периода. Нужен отход от его травматического и мартирологического измерения в пользу интерпретации с точки зрения т.н. «черной дыры». Ее суть в том, что на основе используемых сегодня источников достоверно и полно реконструировать происшедшее практически невозможно, а любая интерпретация событий требует огромной осторожности. Автор отмечает, что польский нарратив данной проблематики был выстроен на нескольких тысячах оставленных депортированными бывшими польскими гражданами свидетельств, пронизанных мессианством, ксенофобией, чувством превосходства. Но одновременно на «кресах» оставалось около 5 млн поляков, которых никто не вывозил и не арестовывал и из которых лишь несколько тысяч оставили какие-то воспоминания. Еще одной особенностью названо то, что развернутые воспоминания о событиях в преимущественно сельском, малообразованном регионе оставили выходцы из образованной среды, которых здесь было сравнительно мало. Кроме того, впервые в практике исследований этого периода К. Ясевич предпринял попытку количественного анализа польских свидетельств [14, s. 51–150]. Основываясь на штатах ряда советских органов в начале 1940 г., он приблизительно очертил число представителей местного населения, которые потенциально активно участвовали в событиях переходного периода на стороне советской власти. По его оценкам, на рассматриваемой территории такой актив насчитывал от 4 до 7 тыс. человек. Принимая для расчетов максимальные данные польских очевидцев, исследователь предположил, что среди активных сторонников было от 2 до 3,5 тыс. евреев. [14, s. 162–164].

По мнению историка, в 1939 г. евреи выставили счет полякам, а также их государству. У них были на это причины. Позиция евреев, что не замечается другими польскими исследователями, не имеет ничего общего с падением или сохранением польского государства. Для народа, проживавшего в диаспоре, без собственного государства, все это не имело особого значения. Более того, для них война – всегда беспорядки и погромы, этого надо было избегать и договариваться с любой властью, чтобы позволяла жить. То же равнодушие к Польше присутствовало и ранее, когда у поляков было все даже очень хорошо, когда II РП была независимой и даже европейской сверхдержавой [14, s. 209–212]. В то же время исследователь не отрицает влияния советской политики 1939–1941 гг. на динамику польско-еврейских отношений. При этом отмечает необходимость новой методологии и нового определения антисемитизма, которое должно стать более четким и не блокировать исследований, содержащих критические замечания в отношении евреев [15, s. 105–113].

Другой польский историк А. Жбиковский также отмечает бесперспективность подхода к рассматриваемым событиям с точки зрения «предательства» нацменьшинств межвоенной Польши. По его мнению, интерес представляет следующее: что изменилось в жизни кресового еврейского сообщества, как на изменения отреагировали отдельные его сегменты и что это дало для последующих отношений с другими этническими группами [16, s. 20].

Исследователь также много внимания уделяет еврейскому видению этого периода, которое далеко не было единообразным. Он отмечает, что в еврейском дискурсе доминируют воспоминания беженцев из этнической Польши, которые, несмотря на общую судьбу с кресовыми евреями, не представляли единого целого. При этом они были в своем большинстве более полонизированы, моложе, лучше образованы. Среди них было много довоенных политических активистов, в основном среднего и низшего уровня. В их

свидетельствах большое внимание уделяется тому напряжению, которое повлекла за собой новая система социальных отношений на креслах. В рассуждениях выступают два противоположных направления: «левое» и «буржуазное». Первому присущ акцент на успехи и достижения новой власти и относительное продвижение еврейского населения. Но для бывших капиталистов жизнь в республике советов виделась цепью сплошных преследований. Немногочисленные свидетельства местных евреев, в отличие от воспоминаний беженцев, более скупы на информацию и менее критичны в отношении новых порядков. Однако они подчеркивают, что советская власть достаточно легко внесла хаос в традиционный ритм жизни еврейской общины, где главным идеологом была синагога. Еврейская отличительность, ранее сильно связанная с молитвенным домом, скрылась в частных квартирах, а суббота перестала быть днем отдыха и молитвы. Вероятно, вмешательство в сакральную сферу наиболее оттолкнуло большинство евреев от советов. Депортированные евреи отмечали в основном репрессии и экономический упадок, признавали, что приход советов встретили «радостно». Облегчение, что не попали в руки к немцам, было более чем заметно. Те же, кто прожил в регионе все два предвоенных года, отмечали развитие образования и социальной сферы, определенное экономическое улучшение, в общем, наблюдали малую стабилизацию. Такой позитивный, ностальгический образ прежде всего типичен для книг памяти. Во всем еврейском дискурсе отсутствует один элемент: какой-либо интерес к судьбе нееврейских соседей. В отличие от поляков, свидетельства которых полны информации о поведении евреев в этот период, самих евреев практически не интересовал образ мыслей и переживания поляков, не угадывалась позитивная либо отрицательная нацеленность на какие-либо действия в их отношении [16, s. 233–234].

Заключение

В последнее десятилетие наблюдается эволюция польской историографии в части критического переосмысления ряда событий и явлений периода 1939–1941 гг. Они все меньше рассматриваются как составная часть Второй мировой войны и чаще анализируются как самостоятельная тематика в рамках истории довоенного и послевоенного периода Польши. В более широком измерении дебаты ведутся о роли польских национальных групп в истории польского народа, об устойчивости национального польского исторического мифа.

Польские историки используют примерно один круг источников, но зачастую делают различные выводы. Это относится к определению категории «массовость», к вопросу об участии представителей различных национальных групп в органах советской власти либо участии поляков в еврейских погромах летом 1941 г. Согласно «традиционному» подходу, поляков в советских организациях и учреждениях было меньше, чем представителей других национальностей, и, занимая второстепенные посты, поляки в подавляющем большинстве не пошли на сотрудничество с советами. «Критики» считают эту численность достаточно внушительной, чтобы прекратить рассуждать о себе только как о патриотах, а об остальных как о коллаборационистах, невзирая на численные пропорции.

Согласно «традиционной» точке зрения, агрессивное поведение национальных меньшинств осенью 1939 г. представляло реальную угрозу полякам «крессов» и было достаточно массовым. Усиленный тяготами советской оккупации (мероприятиям которой содействовала значительная часть белорусов и евреев), этот опыт зафиксировался в массовом сознании польского населения и стал локомотивом ответной, спровоцированной нацистами мести небольшой части местных поляков в отношении представителей других национальностей, прежде всего евреев, летом 1941 г. Представители данного подхода соглашаются с тем, что многие из сформировавшихся представлений поляков того

времени были в большей степени обусловлены их травматическим восприятием факта ликвидации польской государственности, а не изменившимся статусом и действиями различных национальностей при советской власти. Участие поляков в уничтожении еврейского населения они минимизируют, в некотором плане рационализируют, не оправдывая напрямую.

Представителям «критического» подхода осень 1939 г., равно как и весь период до лета 1941 г., скорее не видится определяющим фактором трансформации межнациональных отношений в регионе. В качестве главной причины обострения межнациональных противоречий выводится не политика советской власти, а традиционные комплексы поляков относительно национальных меньшинств II РП. С их точки зрения, антисемитские стереотипы, благодаря специфике исторического развития Польши, стали частью культурного кода местных поляков. Именно это, а не суровость советской действительности, с которой местные евреи имели мало общего, обусловило жестокость поляков летом 1941 г. К тому же это не была жестокость единиц, отбросов общества. Это стало реакцией достаточно большого числа поляков.

«Соседи» Я.Т. Гросса во многом ограничили изучение проблематики межнациональных отношений рамками центральных и западных районов бывшей Белостокской области и польско-еврейских контактов. Специфичность данного региона на фоне остальной Западной Беларуси того периода достаточно очевидна. Белорусы здесь фактически не проживали. Таким образом, для исследователей представился «удобный» случай еще раз рассмотреть всю остроту польско-еврейских отношений, что называется, в чистом виде. Однако, по мнению представителей разных исследовательских направлений, давно назрела необходимость выработки интегрального подхода к этой проблеме, а именно рассмотрения межнациональных отношений с точки зрения проживавших в Западной Беларуси этнических групп: поляков, белорусов, евреев – в комплексе, а не через бинарное взаимодействие отдельных наций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mironowicz, E. Dekada oczekiwania na zmiany. Białorusini wobec zmieniających się systemów politycznych w latach 1939–1949 / E. Mironowicz // Seria wydawnicza «Wspólne dziedzictwo ziem północno-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej» / Naczelna dyrekcja Archiwów Państwowych w Warszawie i [in.]. – Białystok, 2006. – T. 5 : Wyzwolenie czy okupacja? Stosunek społeczności zamieszkujących pogranicze polsko-litewsko-białoruskie do zmieniających się w XX wieku systemów państwowych / red.: M. Kietliński [i in.]. – S. 115–119.
2. Pinchuk, B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule. Eastern Poland on the Eve of the Holocaust / B.-C. Pinchuk. – Oxford : Basil Blackwell, 1990. – 256 s.
3. Levin, D. The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941 / D. Levin. – Philadelphia-Jerusalem : Jewish Publication Society, 5755/1995. – 346 s.
4. Gross, J.T. Upiorna Dekada. Trzy eseje o stereotypach na temat Żydów, Polaków i komunistów. 1939–1948 / J.T. Gross. – Kraków : Universitas, 1998. – 118 s.
5. Gross, J.T. Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka / J.T. Gross. – Sejny : Pogranicze, 2001. – 163 s.
6. Struve, K. Eastern Experience and Western Memory – 1939–1941 as a Paradigm of European Memory Conflicts / K. Struve // Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte und Kultur / Simon – Dubnow – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. – Leipzig, 2007. – Band 5 : Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve (eds.). – S. 43–66.
7. Michlic, J.B. Anti-Polish and Pro-Soviet? 1939–1941 and the Stereotyping of the Jew in Polish Historiography / J.B. Michlic // Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte

und Kultur / Simon – Dubnow – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. – Leipzig, 2007. – Band 5 : Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve (eds.). – S. 66–101.

8. Wierzbicki, M. Western Belarus In September 1939 – Polish-Jewish Relations In the kresy / M. Wierzbicki // Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte und Kultur / Simon – Dubnow – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. – Leipzig, 2007. – Band 5 : Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve (eds.). – S. 135–146.

9. Wierzbicki, M. Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941 / M. Wierzbicki. – Warszawa : Fronda, 2001. – 360 s.

10. Wierzbicki, M. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941 / M. Wierzbicki. – Warszawa : Fronda, 2007. – 424 s.

11. Gnatowski, M. Polacy – Sowietci – Żydzi w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941 : w 2 t. / M. Gnatowski. – Łomża : Łomżyńskie towarzystwo naukowe im. Wagrów, 2005. – T. 1. – 248 s.

12. Boćkowski, D. Władza radziecka wobec Polaków, Żydów i Białorusinów na Białostocczyźnie 1939–1941 w świetle dokumentów partyjnych / D. Boćkowski // Polacy – Żydzi – Białorusini – Litwini na północno-wschodnich ziemiach Polski a władza radziecka (1939–1941). W kręgu mitów i stereotypów : praca zbiorowa / Uniwersytet w Białymstoku ; red. nauk. M. Gnatowski [i in.]. – Białystok, 2005. – S. 61–84.

13. Milewski, J.J. Polacy i Żydzi w Jedwabnym i okolicy przed 22 czerwca 1941 / J.J. Milewski // Wokół Jedwabnego : w 2 t. / red.: P. Machcewicz [i in.]. – Warszawa : IPN, 2002. – T. 1. – S. 63–81.

14. Jasiewicz, K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce. 1939–1941 (Białostocczyzna, Nowogródzczyzna, Polesie, Wileńszczyzna) / K. Jasiewicz. – Warszawa : Rytm, 2001. – 1271 s.

15. Jasiewicz, K. Rzeczywistość sowiecka 1939–1941 w świadectwach polskich Żydów / K. Jasiewicz. – Warszawa : Rytm, 2009. – 407 s.

16. Żbikowski, A. U genezy Jedwabnego. Żydzi na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzes. 1939 – lip. 1941) / A. Żbikowski. – Warszawa : ŻIH, 2006. – 416 s.

Strunets S.V. Lighting of Interethnic Relations in BSSR Western Areas in 1939–1941 in the Modern Polish Historiography Perspective

The article analyzes approaches to the study of international relations in the western areas of the Byelorussian SSR in 1939–1941 which exist in modern Polish historiography. On the basis of a number of historical works the author comes to the conclusion that two basic points of view took shape in the Polish historiography. They give different interpretations of the contents of this issue. For members of the «traditional» approach it is typical to emphasize the role of the repressive Soviet nationality policy and the temporary participation of the Poles, who became a minority in the Sovietization of the region on the background of worsening relations between different ethnic groups. Opponents of such an understanding of these phenomena focus on the fact that in «traditional» approach the subjective vision of the traumatic situation through the prism of the most affected by the Soviet government part of the Polish population is dominated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.06.2012

УДК 94 (3)

М.В. Сычѳв**ЛИЧНОСТЬ ТИРТЕЯ, ДАТИРОВКА ЕГО ЖИЗНИ
И СОЦИАЛЬНАЯ СМУТА В VIII в. до н.э.**

В статье рассматривается проблема достоверности рассказа Павсания о поэте Тиртее, в частности о лаконском или аттическом происхождении последнего. Основное внимание уделено датированию его жизни на основе данных, полученных не из более поздних источников, а из фрагментов произведений самого поэта и их сравнения с археологическим материалом.

Введение

Тиртея принято относить к числу поэтов-лириков, но его творчество по своей тематике резко отличается от оных. Он единственный из них, кто прославлял боевые подвиги, воинскую доблесть. Сегодня известно несколько фрагментов его произведений, из которых всего 5 насчитывает более 10 целиком сохранившихся строк [19]. Традиционно считается, что Тиртей жил во второй половине VII в. до н.э. Опирается эта версия на сочинение Павсания, в котором есть следующая легенда. Во время II Мессенской войны (с IV года XXIII олимпиады [Paus. IV, 15, 1] до I года XXVIII олимпиады [Paus. IV, 23, 2], то есть 685/4–668/7 гг. до н.э.) по совету Дельфийского оракула спартанцы попросили у афинян помощника. В ответ они получили Тиртея – учителя, причѳм хромого, то есть непригодного к строевой службе. Однако он своими песнями так воодушевил воинов, что они разбили врага [Paus. IV, 15, 3; 16, 1; 16, 3; 18, 2]. Давно уже было замечено [18, s. 1043], что этому противоречит Страбон, называя поэта предводителем спартанцев в Мессенской войне [Strab. Geogr. VIII, 4, 10]. Столь же давно [18, s. 1044] обратили внимание на Геродота (484 – 425 гг. до н.э.), который пишет о получении в начале V в. до н.э. спартанского гражданства выходцами из Элиды братьями Тисаменом и Гегием – сыновьями Антиоха – [Hdt. IX 33] и добавляет, что это был единственный случай принятия иностранцев в число спартиотов [Herodot. IX 35]; об аналогичном случае, якобы имевшем место с Тиртеем, он не слышал.

Версии о происхождении имени *Tyrtaios* существуют разные. По одной из них, оно происходит от слова *tetartos* (четвертый), изменившегося под воздействием дорического диалекта, тогда означает «родившийся в четвѳртый день». Также предполагается, что изначально оно писалось как *Tyrtamos*, и по аналогии с *Priamos* приписывается ему иллирийское происхождение. Видна аналогия с афинским демом *Tyrtmeidai*. Общепризнанная в науке версия отсутствует, нет и неоспоримых свидетельств о лаконских корнях данного имени [18, s. 1042–1043].

У. фон Вилламовиц-Мѳлиндорф пишет о явно прослеживающихся аттических влияниях в языке Тиртея. Ионийских влияний действительно очень много (формы *gē* (словарн. *ōga*) [Tyrt. fr. 10, 11], *ōn* (словарн. *hoyn*) [Tyrt. fr. 10, 19], *Hēraklēos* (словарн. *Hēraklēs, eoys*) [Tyrt. fr. 11, 1], *doyros* (словарн. *dory, doratos*) [Tyrt. fr. 11, 20], *Boreēn* (словарн. *Boreas*) [Tyrt. fr. 12, 4] и т.д. [6]). При этом дорических форм около 10, но все помечены как дорийско-ионийские [6]. Однако известны и другие поэты в Спарте, использовавшие аттические мотивы [18, st. 1045].

Легенда явно не согласуется с текстом самого поэта, особенно с 10-м фрагментом. Здесь он жалуется на изгнание из родного полиса, пишет, что вместо изгнания «за страну

Научный руководитель – М.С. Корзун, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета

эту я сражался бы и за детей [eē] умер бы» [12] (*gēs peri tēsde machōmetha kai peri paidōn thnēskōmen*) [Tyr. fr. 10, 13–14]. Оба глагола (и *machē*, и *thnēskō*) употреблены в первом лице, т.е. сам Тиртей хотел бы сражаться, а по легенде он не был годен к строевой службе. Полис, из которого его изгнали, он именует «родиной предков» [12] (*mētis gerōn*) [Tyr. fr. 10, 5]. Сожалеющий столь сильно об Афинах человек не стал бы посвящать творчество Спарте (которая напрямую названа в других фрагментах), а если «родина предков» и есть Спарта, то Тиртей никак не мог быть афинянином.

Замечание Страбона также подтверждается, хотя и косвенно. В 11-м фрагменте Тиртей даёт откровенные наставления кому-то, кого называет «потомок Геракла» (*Hēraklēos genos*) [Tyr. fr. 11, 1–6]; как известно, потомками Геракла считались именно базилеи Спарты. А в 19-м фрагменте есть слова «я убедил начальников» (*peisometh' hēgem(o)*) [Tyr. fr. 19, 11].

Стоит повториться: датируют жизнь Тиртея исходя из данных Павсания, т.е. синхронно II Мессенской войне. Победе именно над Мессенией посвящён весь пятый фрагмент. Причём война эта не первая, так как воинам «дух возбуждали копьеносные отцов наших отцы» [13] (*thumon echontes aichmētai paterōn hēmeterōn pateres*) [Tyr. fr. 5, 5–6].

Но здесь же написано, что «поразили с размаху» [13] (*heilomen*) [Tyr. fr. 5, 2] Мессению «нашему базилею, божественному, дорогому Теопомпу» [13] (*hēmeterōi basilēi, theoisi filōi theorompōi*) [Tyr. fr. 5, 1]. Глагол *heilō* стоит в первом лице (*impf ac 1 pl.*): Тиртей называет себя участником войска Теопомпа. Павсаний цитирует данные слова; именно он указывает на то, что *theorompōs* – это не эпитет, «ниспосланный богами», а именно имя «Теопомп» или «Феопомп» (в русскоязычной традиции встречаются оба варианта) [Paus. IV, 6, 2]. Но он относит этого базилея к I Мессенской войне [Paus. III, 3, 2; 7, 5], начавшейся во II году IX олимпиады (743/2 г. до н.э.), когда Эсимид, сын Эхила, был правителем в Афинах 5-й (из 10-летнего срока) год [Paus. IV, 5, 3] (738/7 г. до н.э.), и завершившейся в I году XIV олимпиады [Paus. IV, 13, 4] (724/3 г. до н.э.). В таком случае можно предположить, что «отцов отцы» вдохновляли подвигами вообще, не конкретно против Мессении. Геродот просто упоминает такое имя базилея [Hdt, VIII, 131]. Аристотель приписывает ему создание коллегии эфоров [Arist. Polit. V, 9, 1]. Об этом же сообщает и Плутарх [Plut. Lic. VII]. Диодор Сицилийский со ссылкой на Аполлодора Афинского даёт абсолютную датировку, но другую, нежели Павсаний. По сведениям Диодора, Теопомп/Феопомп руководил Спартой 47 лет: с 786/5 по 739/8 гг. до н.э., так как на 10-м году его правления состоялась I олимпиада [Diod. VII, fr. 8].

При опоре на имя Спартанского базилея возникает вопрос о степени достоверности таких имён вообще. В Спарте якобы были списки базилеев, так же как в Афинах – архонтов. Существование последнего подтверждено археологически: найдена часть списка, выбитого на камне [7, с. 583–585]. Геродот цитирует эти списки, перечисляя предков базилеев времён греко-персидских войн – Леонида [Hdt VII, 204] и Левтихида [Hdt VIII, 131]; имена предков обоих восходят, в соответствии с мифом, к Гераклу и совпадают от Геракла до Аристодема включительно, когда род базилеев ещё был один. Павсаний даёт свой перечень [Paus. III]. Там тоже есть Аристодем, оставивший власть двум своим сыновьям-близнецам, основавшим, таким образом, два базилеевских рода [Paus. III, 1, 5]. Потомки одного из близнецов, Эврисфена, среди которых числился Леонид, полностью повторяют имена, значащиеся у Геродота, за исключением Клеомена, который, по словам самого Павсания, умер бездетным и являлся не отцом, а братом Леонида [Paus. III, 4, 1–5]. Правда, у Геродота имена несколько видоизменены, как будто он их воспринимал на слух (в случае с именем Лабот/Леобот сам Павсаний отмечает это несоответствие [Paus. III, 2, 3]). В списках второго базилеевского рода от его основателя Прокла до Феопомпа большая часть имён совпадает, но не все, к тому же некоторые переставлены местами; более поздние имена, что странно, совсем разнятся. Ещё более странно то,

что Павсаний не возводит род басилеев Спарты к Гераклу. Аристомед, по сведениям Геродота, был праправнуком Геракла, в книге Павсания Геракл был современником тоже прапрадеда Аристодема, но не родственником ему [Paus. III, 1, 4]. И главное, в IV книге, где Павсаний, судя по всему, ведёт повествование с опорой на рассматриваемые здесь списки или на один из их вариантов, нет ни одной абсолютной датировки, даже когда речь идёт о Пелопоннесской войне и более поздних событиях. Значит, в списке источнике датировки отсутствовали. Приведенные выше годы начала и окончания Мессенских войн размещены в следующей книге, где источником о событиях именно этих войн служили сочинения поэта Риана из Бены и прозаика Мирона из Приены. «Но ни тот, ни другой не описали всего хода событий последовательно, от начала войны до её конца, но только отдельные части по своему усмотрению» [IV, 6, 1]; к тому же неизвестно, насколько далеко хронологически сами эти авторы отстояли от описываемых событий. Стоящие рядом датировки начала II Мессенской войны по олимпиадам и по архонтам не совпадают. Диодор Сицилийский со ссылкой на Аполлодора Афинского даёт список представителей обоих родов от основавших их Эврисфена и Прокла до современников I олимпиады Алкамена и Теопомпа/Феопомпа, указывая сроки их правления, с пропусками, о наличии которых говорит сам [Diod. VII, fr. 8]. Упоминаемые им, Павсанием и Геродотом имена потомков Эврисфена совпадают. Список второго рода также повторяет сведения этих двух авторов, приведены именно те имена, с которыми и у Геродота с Павсанием нет противоречий (за исключением идущих вслед за Проклом Пританида и Эвномия: у Павсания на этих местах соответственно Соон и Эврипонт, у Геродота – один Эврифонт).

Таблица – «Царский список» Спарты

Анализируемая часть царского списка Спарты					
Геродот [VII, 204; VIII, 131]		Павсаний [III, 1–4]		Диодор [VII, fr. 8]	
Аристомед		Аристомед			
Эврисфен	Прокл	Эврисфен	Прокл	Эврисфей (42)	Прокл (49)
Эгий		Агис	Соон	Агид (1)	Пританид (49)
Эхестрат	Эврифонт	Эхестрат	Эврипонт	Эхестрат (31)	Эвномий (45)
Леобот	Пританий	Лабот	Пританид	Лабот (37)	?
Дорисс	Полидект	Дорисс	Эвном	Дорисф (29)	?
Гегесилай	Евном	Агесилай	Полидект	Агесилай (44)	?
Архелай	Харилай	Архелай	Харилл	Архелай (60)	Харикл (60)
Телекл	Никандр	Телекл	Никандр	Телекл (40)	Никандр (38)
Алкамен		Алкамен			
Полидор	Феопомп	Полидор	Феопомп	Алкамен (38) (их X год – I олимпиада)	Феопомп (47)
Эврикрат	Анаксандрид	Эврикрат			
Анаксандр	Анаксила	Анаксандр	Зевксидам		
Эврикратид	Анаксилай	Эврикрат	Архидам		
Леонт	Левтихид	Лев	Агасикл		
Анаксандрид	Гиппократид	Анаксандрид	Аристон		
	Гегесилай Менар	Клеомен	Демарат		
Леонид	Левтихид	Леонид	Леотихид		

Получается, что в устойчивом виде существовал список только одного из двух родов басилеев Спарты, причём не тот, к которому относился Теопомп/Феопомп. Но это слово у Тиртея – явно имя исторической личности, а не эпитет, так как такое имя упоминается и у Геродота, и у Диодора, и у Павсания. Причём у всех троих Теопомпу/Феопомпу синхронен Алкамен из другого рода, между последним и Леонидом 6 поколений. При этом даже список, существовавший в устойчивом виде, судя по всему, не был снабжён датировками, таковые имеют более позднее происхождение.

Стоит также обратить внимание на описанные Тиртеем реалии. Например, в одном фрагменте рассказывается о гражданской распре, когда «народные мужи» [13] (*dēmotai andres*) [Tyr. fr. 4, 5] захватили власть в полисе и «правят с помощью лукавства» [13] (*boyleuō polei skolion*) [Tyr. fr. 4, 5]. Но социальные процессы не имеют ни фиксированной скорости, ни даже единого направления развития. Тиртей обещает, что для достойных «многие наслаждения без страданий начинаются в аиде» (*polla de terpna pathōn erchetai eis Aidēn*) [Tyr. fr. 12, 38]. Но здесь наблюдается скорее боковая линия развития представлений о загробном мире, так как и Ахилл в «Одиссее» Гомера говорит, что предпочёл бы быть живым подёнщиком, нежели царём мёртвых [Hom. Od. XI, 489–491], и Дарий в «Персах» Эсхила говорит, что хоть он и в почёте среди мёртвых, но «ведь после смерти счастья и в богатстве нет» [Эсхил. Персы 691; 842].

Тиртей много пишет о военном деле. У него нет упоминаний о колесницах, на которых передвигаются по полю битвы герои Гомера, вместо этого есть слова «и ногу к ноге [ты] ставил, и близ щита щит [ты] влѣк» (*kai poda par podi theis kai ep' aspidos aspid' ereisas*) [Tyr. fr. 11, 31], то есть описание гоплитской тактики: строя воинов со стеной плотно сомкнутых щитов.

У Гомера сами герои метают огромные камни. Тиртей уже упоминает легковооружённых (*gumnētes*) как особый род войск [Tyr. fr. 11, 35]. Но судя по свинцовым фигуркам из храма Артемиды Орфии, основным оружием легковооружённых является лук [1, с. 61] (рисунок 1). В то же время у Гомера лук используют герои.

Рисунок 1 – Гоплиты и лучники
(вотивные свинцовые фигурки из храма Артемиды Орфии)

Именно из лука Одиссей убивает женихов Пенелопы [Hom. Od. XXII, 1–64]. Причём тот лук был когда-то преподнесён как подарок и хранится среди сокровищ Одиссея [Hom. Od. XXI, 8–14], т.е. вещь это дорогая. У Тиртея есть отдельная категория легковооружённых, но они не стреляют из луков, как в более поздние времена, к оным обращен призыв «бросайте большие камни и тяжёлые выстроганные/полированные палки метайте от себя» (*balletē ermaidiois doyrasi te xestoisin akontidzontes es aytoys toisi panoploisin*) [Tyr. fr. 11, 36–38].

Также Тиртей описывает вооружение мужа, или человека (*anēr*). Кроме характерных для гоплита классического времени шлема (*kyneē*) с навершием (*lōphos*), щита (*aspis*), меча (*xiphos*) и тяжёлого копья (*obrimos egchos*), у гоплита времён Тиртея есть ещё дротики (*belos*) [Tyr. fr. 11, 28–33]. Сразу вспоминаются поединки героев Гомера, которые прежде чем сойтись врукопашную, метают друг в дру-

га копья или дротики; два метательных копья входят в стандартное вооружение воина [Hom. Od. XVIII, 377–378]. Подтверждает обязательное использование дротиков и вазо-

пись [14, с. 169]. Грудь гоплита в описании Тиртея покрыта пеплосом (sternon pep̄lēmenos) [Tyr̄t. fr. 11, 33], т.е. панциря на ней нет (рисунок 2). В другом фрагменте говорится о панцире (thōrax), но, похоже, лишь у командующего войском в битве [Tyr̄t fr. 12, 26].

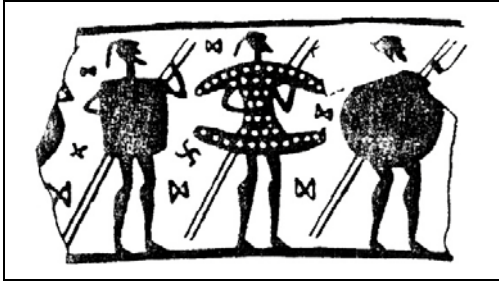

Рисунок 2 – Воины с большими щитами и дротиками
(вазопись VIII в. до н.э.)

Бронзовый панцирь и шлем найдены в Аргосе, но лишь один комплект на всю Элладу и в богатом погребении, значит, мало кто мог их себе позволить [14, с. 173]. Действительно массовым материалом железо стало в X в. до н.э. [15, с. 65; 17, с. 21]; видно это, например, в некрополе Керамика, где найдены железные наконечники, кинжалы, даже мечи. Во Врокастро (на Крите) найдены железные инструменты (топоры, тѣсла, долота). Но в то время железо было ещё мягким, его не умели должным образом обрабатывать [8, с. 195–196]. Таким оно оставалось ещё и в VIII в до н.э. Возможно, поэтому среди находок упоминается лишь наступательное вооружение, но не защитное. С другой стороны, с X в. до н.э. стало расти число бронзовых предметов, а в VIII в. до н.э. появились даже серебряные и золотые [8, с. 213–214]: налаживавшаяся торговля открыла доступ к редким металлам. Бронза, как известно, на той стадии развития металлургии

Рисунок 4 – Аргосский бронзовый доспех
(конец VIII в. до н.э.)

была прочнее железа, но много дороже. Поэтому логичным выглядит изготовление шлемов и панцирей представителей высших слоёв общества из бронзы (рисунок 4). Бронзовое оружие найдено в захоронениях VIII в. до н.э. Возможно, описанное Гомером оружие было предметом зависти современников так же, как и описанные им сокровища: в обоих случаях речь шла о вещах прекрасных, качественных, но недоступных.

Заключение

Из всего изложенного здесь можно сделать следующие выводы. Биография Тиртея традиционно пишется с опорой на рассказ Павсания [Paus. IV, 15, 3; 16, 1; 16, 3; 18, 2], но этому противоречат сообщения Страбона [Strab. Geogr. VIII, 4, 10] и, косвенно, Геродота [Herodot. IX, 35]. А главное, противоречит ему сам Тиртей, называя себя воином [Tyr̄t. fr. 10, 13–14], а Спарту – родиной своих предков [Tyr̄t. fr. 10, 5]. Версий о происхождении имени Тиртея несколько, но они не дают информации об аттическом или лакон-

Противоречие разрешает фрагмент 19-й, где упомянуты бронзовые шлемы (chalkeiai korythes) [Tyr̄t fr. 19, 20]. Головной убор из бронзы назван korys, в данном контексте его можно перевести только как шлем [6]; защита головы обычного гоплита названа kuneē – шлем чаще кожаный (есть даже значение ' меховая или кожаная шапка') [6]; в любом случае они настолько разные, что поэт не объединяет их в одно понятие. Эта ситуация характерна для гомеровского времени и даже отражена в вазописи: в массе сражающихся выделяется фигура в панцире (рисунок 3) [14, с. 168].

Рисунок 3 – Воины без защитного вооружения, среди которых воин в панцире
(вазопись VIII в. до н.э.)

ском происхождении поэта. Ионийские влияния в языке Тиртея очевидны, дорические отсутствуют, но известны и другие поэты в Спарте, использовавшие аттические мотивы, потому это тоже нельзя использовать как доказательство. Книга «Мессения» в части о Мессенских войнах, где речь идёт о Тиртее и датируется время жизни последнего, написана Павсанием с опорой на поэта и прозаика, даже не дававших связного рассказа. Больше доверия вызывает текст самого Тиртея, где он называет себя участником войска спартанского басилея Теопомпа/Феопомпа. Павсаний датирует его правление второй половиной [Paus. III, 3,2; 7,5; IV, 5,3; 13,4], а Диодор Сицилийский – первой половиной VIII в. до н.э. [Diod. VII, fr. 8]. Список басилеев Спарты, на который они оба опираются, остаётся неизменным у всех авторов только касательно одного из двух родов; не того, к которому относился Теопомп/Феопомп, но последнего упоминают все содержащие список источники. К тому же изначально правления в списке, видимо, не были датированы; на что опирался Диодор Сицилийский, вернее, его источник – Аполлодор Афинский, неизвестно. Павсаний же опирается на тех же поэта и прозаика и противоречит сам себе, давая датировку по олимпиадам и афинским архонтам. Сам Тиртей описывает ситуацию рубежа гомеровского и архаического периодов, т.е. VIII в. до н.э., когда легковооружённые воины (*gumnētes*) уже отделены от гоплитов, но ещё не пользуются луками, а гоплиты уже используют строй с плотно сомкнутыми щитами [Tyr. fr. 11, 31], но ещё несут с собой, кроме тяжёлых копий, дротики [Tyr. fr. 11, 28–33]; они не носят панциря [Tyr. fr. 11, 33], а шлем используют, скорее всего, кожаный (*kyneē*) [Tyr. fr. 11, 32]. И лишь некоторые выделяются из общей массы, как показывает вазопись, тем, что могут позволить себе бронзовый шлем (*chalkeios korys*) [Tyr. fr. 19, 20] и панцирь (*thōrax*) [Tyr. fr. 12, 26], по всей видимости, из того же металла, судя по всему, такие, какие были найдены археологами в Аргосе.

На основании прежде всего соотнесения описанных поэтом реалий военного дела и, во вторую очередь, – датировки жизни Теопомпа/Феопомпа, Тиртея можно отнести к VIII в. до н.э. Соответственно, гражданская распря, когда «народные мужи» [13] (*dēmotai andres*) [Tyr. fr. 4, 5] захватили власть в полисе и «правят с помощью лукавства» [13] (*boyleuō polei skolion*) [Tyr. fr. 4, 5], также относилась к указанному времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Ю.В. Архаическая Спарта. Искусство и политика / Ю.В. Андреев. – СПб. : Нестор-История, 2008. – 342 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель ; пер С.А. Жебелёва // Сочинения / под общ. ред. А.И. Доватур. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
3. Геродот. История/Геродот ; пер. Г.А. Стратановского. – М. : Ладомир, 1993. – 599 с.
4. Гомер. Илиада / Гомер ; пер. Н. Гнедича. – М. : Правда, 1985. – 432 с.
5. Гомер. Одиссея / Гомер ; пер. В.А. Жуковского. – М. : Правда, 1979. – 455 с.
6. Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / под ред. С.И. Соболевского. – М. : Изд-во иностран. и нац. словарей, 1958.
7. Ленцман, Я.А. Достоверность античной традиции о Солоне / Я.А. Ленцман // Древний мир : сб. ст. в честь акад. В.В. Струве. – М. : Изд-во восточ. лит., 1962. – С. 579–586.
8. Ленцман, Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции / Я.А. Ленцман. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 306 с.
9. Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. / Павсаний ; пер. С.П. Кондратьева. – М. : Ладомир, 2002.
10. Плутарх. Ликург / Плутарх ; пер. С.П. Маркиша // Избранные жизнеописания : в 3 т. / пер. С.П. Маркиша, С.И. Соболевского. – М., 1961. – Т. 1. – 504 с.

11. Страбон. География / Страбон ; пер. Г.А. Стратановского. – М. : Ладомир, 1994. – 842 с.
12. Сычѳв, М.В. Перевод фрагмента 10 лирики Тиртея / М.В. Сычѳв // *Scriptorium*. – 2010. – № 2 [Электронный ресурс]. – Электрон., текстовые дан. – Минск, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
13. Сычѳв, М.В. Переводы некоторых фрагментов лирики Тиртея / М.В. Сычѳв // *Scriptorium*. – 2010. – № 1 [Электронный ресурс]. – Электрон., текстовые дан. – Минск, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
14. Туманс, Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Х. Туманс. – СПб : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 588 с.
15. Фролов, Э.Д. Рождение греческого полиса / Э.Д. Фролов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. – 232 с.
16. Эсхил. Персы / Эсхил ; пер. С. Апта // Трагедии. – М. : Искусство. – С. 49–90.
17. Яйленко, В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток / В.П. Яйленко. – М. : Наука, 1990. – 271 с.
18. Paulus Real Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft : in 81 vol. / A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler, eds. – Stuttgart: J.B. Metzler, 1894–1980. — Band XV, Halbband 29, Mazaios-Mesyros. – Stuttgart: J.B. Metzler, 1931. – 1296 s.
19. Tyrtaeus. Fragmenta / Tyrtaeus // *Musaios : thesaurus lingva graeca* / D.J. Damont, R.M. Smith [Электронный ресурс]. – 1992–2000. – Режим доступа : <http://www.musaios.com>. – Дата доступа : 3.02.2008.

Sychyev M.V. Personality of Tyrtaeus, Dates of his Life and Social Disturbance in the VIII Century B.C.

This article is written by Sychov M., an aspirant of historical faculty of the BSU. It is devoted to the problem of reliability of Pausanias' story about the ancient poet Tyrtaeus, particularly of Tyrtaeus' the motherland. The main part of the article is devoted to dating of his life. The dating is based on the information not from later sources, but from fragments of Tyrtaeus' poems, compared with archeological evidence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.10.2012

УДК 94(476)+94(438)+94(477):304.2 «653»

Е.А. Бурик

ФЕНОМЕН ДОБРОСОСЕДСТВА: КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОМ И БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI вв.)

Провозглашение суверенной Республики Беларусь в 1991 г. дало импульс формированию новых принципов соседства. Наличие общей границы, традиции добрососедства, отсутствие территориальных претензий, взаимные объективные интересы по обеспечению трансграничного движения на линии Восток–Запад стали основой для развития широкого спектра приграничного сотрудничества Республики Беларусь с Республикой Польша и Украиной. Приграничное сотрудничество создавало обстановку доверия, взаимопонимания и формировало отношения добрососедства между населением, государственными структурами и деловыми кругами регионов, расположенными по обе стороны границы, становилось образцом для оформления и распространения конструктивности в сфере межгосударственных отношений. Культурные контакты подготавливали почву для широкого диалога стран и формировали положительный международный имидж нашей страны. В приграничье сложились культурные традиции, проходили мероприятия и внедрялись проекты, ставшие визитной карточкой добрососедства белорусов с украинцами и поляками.

Введение

Соседние народы белорусы, украинцы, поляки – связаны многовековой историей, близкими цивилизационными корнями, культурой, традициями. С начала 1990-х гг., на этапе суверенного развития, взаимоотношения между сопредельными государствами: Республикой Беларусь (РБ), Украиной и Республикой Польша (РП) – вышли на качественно новый уровень, в их основу легли принципы равноправия, взаимоуважения и взаимовыгоды. Побудительным мотивом и первичной ступенью их реализации стало приграничное сотрудничество. Приграничные регионы оказались наиболее эффективными в процессе создания и совершенствования договорно-правовой базы двусторонних культурных связей Беларуси на региональном и межведомственном уровнях. Они составили сердцевину межправительственных соглашений и межгосударственных договоров о культурном сотрудничестве. Культурное взаимодействие соседних регионов Беларуси с Польшей и Украиной, как показатель оживленности и эффективности приграничных связей, создавало благоприятную платформу для развития политических, торгово-экономических отношений между странами, обеспечивая стабильность и непрерывность межгосударственных отношений.

В отечественной исторической науке преимущественное внимание уделено изучению становления и развития межгосударственных культурных связей Республики Беларусь. Среди публикаций особую важность приобрели работы В.Г. Шадурского об основах внешней культурной политики страны и о культурных контактах Беларуси с рядом стран Центральной и Западной Европы [1]. Современное состояние двусторонних культурных взаимоотношений между Республикой Беларусь и Республикой Польша нашло отражение в диссертационном исследовании И.И. Дорняка [2], а также в статье О. Лазоркиной [3]. Основные направления и формы белорусско-украинского культурного сотрудничества в контексте развития межгосударственных отношений рассмотрены в монографии Д.В. Юрчака и статье А. Тихомирова [4]. Но культурные взаимоотношения Беларуси с Польшей и Украиной на приграничном уровне изучены лишь фрагментарно. Д.В. Кривошей в своих статьях отразил культурное сотрудничество Гродненской области с Белостокским воеводством РП [5], М. Стрелец и О. Билевич осветили отдельные мо-

Научный руководитель – М.Э. Чесновский, доктор исторических наук, профессор, ректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

менты культурного сотрудничества Брестской области с регионами Украины [6]. Приграничное культурное сотрудничество как феномен добрососедства Беларуси с Польшей и Украиной нуждается в отдельном исследовании.

Цель статьи – определить роль и способность приграничного культурного сотрудничества Беларуси с Польшей и Украиной для укрепления основ добрососедства, расширения межгосударственных отношений, охарактеризовать формы и особенности культурных взаимоотношений.

Договорно-правовые основы приграничного сотрудничества Беларуси в культурной сфере

Культурные связи Беларуси с Польшей и Украиной имеют богатое прошлое, а в постсоветское время стали неотъемлемым элементом целостной системы двусторонних отношений. Отношения в области культуры между РБ, РП и Украиной базировались на межгосударственных договорах о сотрудничестве и получили прочную межведомственную договорно-правовую основу. Однако для полноформатного развития культурных контактов в современных условиях недостаточно наличия договорной базы межгосударственного уровня. Практическая область задуманного во многом зависела от деятельности, проводимой на местном уровне. В итоге демократических преобразований нач. 1990-х гг. регионы приобрели определенную самостоятельность в решении вопросов и, стремясь возродить разорванные распадом СССР культурные связи, инициировали заключение ряда договоров с прилегающими районами Польши и Украины на паритетных основах.

Богатая договорно-правовая основа сложилась между приграничными областями Беларуси и Украины: в 1990-х гг. между облисполкомами Гомельской и Брестской областей и администрациями приграничных областей Украины (Волинская, Ровненская, Житомирская, Черниговская, Киевская) подписаны соглашения о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Но лишь одна статья в таких договорах содержала обязательства формировать и углублять связи в области культуры, искусства, спорта и туризма. Их дополнительно наполняли содержанием соглашения между управлениями и учреждениями культуры, общественными организациями сопредельных стран. Именно в них регламентировались конкретные формы сотрудничества, условия, предусматривались те или иные культурные мероприятия. К примеру, 24 января 1995 г. между управлениями культуры Брестского облисполкома и Волинской облгосадминистрации Украины подписан Договор о культурном сотрудничестве, который в последующие годы неоднократно перезаключался. Документ предусмотрел разнообразные формы сотрудничества, среди которых: обмен опытом работы работников культуры, обмен музейными выставками, художественной и краеведческой литературой, сценарно-методическими материалами, репертуаром коллективов художественной самодеятельности, проведение совместных семинаров и конференций по актуальным вопросам работы органов и учреждений культуры в современных условиях, подготовка кадров сотрудников культуры, обеспечение взаимного участия коллективов художественной самодеятельности в мероприятиях на Волини и Брестчине. Одновременно договор закреплял позиции украинцев в Брестской области и белорусов в Волинской области [7, арк. 15]. Во время визита делегации Брестской области в Ровненскую, Волинскую и Житомирскую области весной 2004 г. аналогичные договоры были подписаны с управлениями культуры Ровненской и Житомирской облгосадминистраций. Разнообразные творческие связи также были подкреплены соглашениями между рядом приграничных городов и районов Беларуси и Украины.

Культурное сотрудничество Беларуси с приграничными регионами РП осуществлялось в рамках общих договоров между административно-территориальными единицами: областями и воеводствами, районами и гминами, городами. Гродненская область

официально закрепила сотрудничество с Сувалковским воеводством 8 февраля 1995 г., с Белостокским – 5 июля 1995 г.; Брестская область традиционно сотрудничала с Бялоподляским и Люблинским воеводствами (договоры подписаны в сентябре и ноябре 1991 г.). В последующее время данные соглашения обеими сторонами неоднократно перезаключались. В первой половине 1990-х гг. основная нагрузка по развитию культурных контактов легла на плечи региональных структур, инициатива по расширению культурных контактов также исходила от них. На межгосударственном уровне культурный обмен по ряду причин, преимущественно экономического характера, заметно сократился. Во время встречи Посла РБ в Польше В. Сенько с министром иностранных дел РП А. Олеховским 20 января 1994 г. белорусский дипломат подчеркнул, что Беларусь не удовлетворяет положение дел в сотрудничестве в области культуры. Он назвал ненормальным то, что в Польше весьма слабо знают культуру соседней Беларуси, также отметил, что несмотря на любые экономические трудности, государство должно изыскать возможности для обеспечения даже самой элементарной популяризации культуры соседей. А. Олеховский согласился с такой оценкой состояния двусторонних культурных связей и признал, что для большинства поляков белорусская культура ассоциируется прежде всего с фольклором, что несомненно является явным упрощением [8, л. 28]. Стоит признать, что в первой половине 1990-х гг. в белорусско-польских, а также белорусско-украинских культурных связях доминировали контакты на поприще народной музыки. Наиболее популярными были фольклорные фестивали («Берегиня» в г. Луцке, «Полесское лето с фольклором» в г. Луцке и г. Влодава, «Галасы Палесся» в г. Иваново, «Европейские фольклорные встречи над Бугом» в г. Соколов-Подляский и др.).

Новый виток взаимоотношений в культурной области начался в конце 1990-х гг., когда культурные контакты стали функцией еврорегионов, возникших на белорусско-польском («Неман», «Беловежская пуца»), на белорусско-украинско-польском («Буг»), на белорусско-украинско-российском пограничье («Днепр»). Так, культурные связи в еврорегионе «Буг» регулировались в рамках рабочей группы «Образование, здравоохранение, культура, спорт и туризм», в состав которой вошли представители каждой стороны. Культурное сотрудничество в рамках еврорегионов заметно обогатило духовную жизнь приграничных жителей, содействовало духовному единству соседних народов, а формы культурного сотрудничества стали разнообразнее и стимулировались средствами ряда программ и проектов.

Наряду с этим белорусско-польскими приграничными территориями поддерживалась практика заключения прямых соглашений между региональными отделами и учреждениями культуры. Например, 26 марта 1996 г. документ о культурном сотрудничестве на 1996–1998 гг. подписали управление культуры Гродненского облисполкома и отдел культуры, спорта и туризма воеводской управы в Белостоке [5, с. 41]; в 1997 г. заключен договор о культурной деятельности между Брестской областью и Бялоподляским воеводством [9, л. 14]. В 2007 г. прямые договоры о сотрудничестве заключил Брестский городской Дом культуры (ГДК) с Домом культуры г. Тересполь и гминным Центром культуры д. Короцин. Культурные связи стали доминировать и в рамках партнерских отношений между городами. Так, на основе договора о сотрудничестве и партнерстве между г. Кобрин и г. Мендзыжец-Подляский от 12.12.2000, а также соглашения о сотрудничестве между городами Барановичи и Бяла Подляска от 16.05.2001 осуществлялся постоянный обмен творческими коллективами этих городов.

Важно подчеркнуть: в постсоветское время между приграничными территориями РБ, Украины и РП сложилась широкая договорно-правовая база, регламентировавшая культурные контакты в новых условиях. Региональные соглашения создали прочный фундамент для сотрудничества в культурной сфере, значительно расширяя возможности, заложенные в межправительственных соглашениях. На их основе установились обшир-

ные контакты между учреждениями культуры, творческими коллективами и отдельными исполнителями, которые сумели отойти от формализма, характерного для советского времени, и развивались на основе открытости, доброжелательности и взаимоуважения. Именно приграничные регионы, получившие возможность самостоятельно строить отношения с ближайшими соседями, в непростые 1990-е гг. сделали первые шаги по формированию атмосферы добрососедства между сопредельными странами, стимулировали в дальнейшем поддержку и продолжение на межправительственном уровне.

Приграничное культурное сотрудничество Беларуси в постсоветский период

С момента провозглашения независимости РБ первостепенная роль в создании положительного имиджа страны на европейском континенте отводилась культурным связям. После длительного пребывания в составе СССР предстояло преодолеть ряд советских стереотипов, отразившихся в некоторых чертах белорусской культуры, а также создать благоприятные условия для функционирования культур соседних государств в нашей стране. Приграничные регионы, находящиеся в непосредственной близости к заграничным соседям, взяли на себя роль проводников и популяризаторов белорусской культуры.

Наиболее оптимальной формой презентации национальных культур оставались Дни культуры, которые стали регулярно проводиться странами-соседями. Такая форма культурного взаимодействия, характерная для межгосударственного уровня, в постсоветское время стала частым явлением в приграничье. Пропаганда культуры соседей в приграничных регионах значительно облегчалась тем, что здесь сосредоточены национальные меньшинства – носители своей культуры в повседневности. В результате принятия в РБ законов, закрепивших права нацменьшинств, усилились их позиции в возрождении и распространении своей культуры и языка. Активную деятельность в этом направлении проводили польские общественные объединения: Союз поляков на Беларуси (СПБ), который имел достаточно разветвленную сеть своих отделов (по данным 2009 г., в Гродненской области – 34 отдела, в Брестской – 9 отделов), а также общественное объединение «Польская отечественная школа на Беларуси» («Polska Macierz szkolna na Białorusi») с центром в Гродно и городскими отделами в Вороново, Слониме, Бресте и Пинске. Кроме этого, в Гродненской области работали 7 Домов поляков [10]. Польскими общественными объединениями, при которых действовали многочисленные творческие коллективы, библиотеки, проводилась широкая работа по развитию и сохранению своей культуры и традиций. Характерно, что в постсоветский период стало широко приветствоваться сотрудничество поляков Беларуси с белорусским нацменьшинством Польши. Примером взаимодействия нацменьшинств, проживающих по разные стороны границы, стало проведение под патронатом СПБ и Белорусского общественно-культурного товарищества (БОКТ) с 1993 г. поочередно в Гродно и Белостоке научной конференции «Шлях да ўзаемнасці» и фестиваля «Гродна – Беласток», ставших регулярными. Каналом развития приграничного сотрудничества также стала возможность беспрепятственно поддерживать контакты польского нацменьшинства со своими соотечественниками в Польше. Например, СПБ тесно сотрудничал с организацией «Польское сообщество» («Wspólnota Polska»), при финансировании которой в Гродно были построены школа с польским языком обучения и Дом поляка.

В восточных областях РБ не сложились интенсивные контакты с польскими соседями, в большинстве случаев они осуществлялись в рамках региональных договоров и партнерских отношений, часто приурочивались к встречам официальных лиц и деловых кругов. Польские национальные организации здесь оказались представлены скромнее. Среди них активную деятельность проявляли поляки, проживающие в Витебской области. Там функционировало 6 польских национальных объединений, находящихся преимущественно в северо-западных районах области, на границе с Литвой и Латвией.

В Могилевской и Гомельской областях действовали соответственно 2 и 3 отделения СПБ. Представители польской диаспоры, проживающие в отдаленных от границы областях, тоже старались укрепить связи с родиной и пропагандировать в Беларуси свою культуру. Однако их деятельность в этом направлении была менее активной. В мае 1996 г. по инициативе Гомельского отделения СПБ в Гомеле проведены Дни польской культуры, в рамках которых отдел культуры Гомельского горисполкома совместно с Посольством РП организовали показ польских фильмов, выставки плакатов и представление спектакля с участием популярного польского актера Яна Пешека [11, л. 36]. Кроме этого, в Гомеле телекомпания «Нирея» на основе договора с АО «Польское телевидение» от 21.02.1995 ежедневно по 4 часа ретранслировала познавательную программу о культуре, искусстве и национальных традициях польского народа «Полония ТВ» [12, л. 20].

На белорусско-украинском пограничье стали ежегодными мероприятия, посвященные украинской культуре, с участием представителей дипломатических служб Украины, местных органов власти, общественных объединений украинцев в Беларуси, творческих коллективов Беларуси и Украины. Наибольшее распространение получили акции в память об украинском писателе Т. Шевченко. С начала 1990-х гг. Шевченковские дни проводились в Кобрине и Кобринском районе. В Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина стали традицией Шевченковские чтения, инициатором которых выступил украинский научно-педагогический союз «Берегиня». В Беларуси 2002 г. стал годом Т. Шевченко, в его рамках состоялись масштабные мероприятия: в Минске и Бресте были открыты памятники писателю, заложен камень под будущий памятник в Гомеле. По инициативе Генконсульства Украины в Бресте и украинских общественных объединений Беларуси в сентябре 2007 г. в Бресте состоялся праздник украинской культуры «Поющая Берестейщина» («Співуча Берестейщина»). Практика его проведения получила продолжение в последующие годы.

Регулярность проведения подобных мероприятий свидетельствовала о стремлении региональных органов власти обеспечить благоприятные условия для культурного развития национальных меньшинств, рассматривалась как ведущий фактор укрепления добрососедства между странами. На более высоком уровне поддержка национальных меньшинств активизировалась в 1994 г. с образованием Республиканского центра национальных культур, под эгидой которого один раз в два года стал проводиться Республиканский фестиваль национальных культур. Например, в рамках III фестиваля, получившего статус всебелорусского, прошли 9 фестивалей польской песни и 5 фестивалей искусства украинцев Беларуси [13].

Уже в начале 1990-х гг. при тесном взаимодействии с нацменьшинствами удалось преодолеть рубеж психологического отчуждения, чрезмерной официозности, характерных советскому периоду, и осуществлять приграничные контакты на основе взаимных интересов и уступок. Украинцы и поляки, проживающие в Беларуси, укрепляя связи с соотечественниками, способствовали развитию приграничных культурных контактов, свободному общению населения.

Установившейся практикой для приграничных территорий стало взаимное участие в мероприятиях в честь государственных, профессиональных праздников, Дней города и др. В отличие от предшествующей эпохи, подобные акции проводились без идеологического давления и осуществлялись «снизу», когда инициатива исходила как от общественных организаций, центров культуры, так и местного населения. Такая схема сотрудничества подтверждала, что взаимоотношения строились на паритетных условиях и ориентировались на общечеловеческие ценности. Из года в год празднование Дня независимости Украины в ее приграничных городах не обходилось без участия белорусских коллективов. Так, 22 августа 2003 г. своей концертной программой жителей г. Ратно Волынской области с государственным праздником поздравил народный ансамбль народ-

ной песни «Рыцкі куфэрак» Малоритского района, творческие коллективы Каменецкого района регулярно участвовали в праздновании Дня независимости Украины в г. Маневичи Волынской области. Часто практиковались выезды приграничных белорусских коллективов в польские города для поздравления соседей с профессиональными праздниками. В мае 2006 г. народный хор «Вербница» Пружанского ГДК и вокальная группа «Забава» автоклуба отдела культуры Пружанского района дали праздничный концерт, посвященный Дню пожарной службы в г. Гайновка, в августе 2007 г. ансамбль «Каларыт» Жабинковского района участвовал в праздновании Дня железнодорожника в д. Черемха Подляского воеводства. Ответным шагом коллег из г. Маневичи было выступление на празднике в Каменце 22 июля 2007 г., а творческие коллективы городов Тересполь и Люблин принимали участие в праздничных мероприятиях «Берестье-2005», «Берестье-2007».

Образование в конце 1990-х гг. на границе Беларуси с Украиной и Польшей еврорегионов способствовало не только экономическому развитию приграничных территорий, но и преследовало цели культурного обмена, упрощения взаимного общения рядовых жителей. В еврорегионе «Буг» большое значение придавалось привлечению к его работе молодого поколения, от которого в значительной мере зависела успешная деятельность этого объединения в будущем. Примером такой деятельности стал украинско-польский Форум молодежи имени В. Липинского, к которому присоединились и представители молодежи Брестской области. Форум регулярно проводил встречи, участники которых обсуждали состояние межгосударственных отношений, изучали культурное и историческое наследие, возможности применения опыта прошлых лет на современном этапе развития трех стран. 13 мая 2000 г. в г. Луцк прошла встреча представителей молодежных организаций Волынской, Брестской областей и Люблинского воеводства в рамках программы «Молодежь Еврорегиона «Буг» – на рубеже столетий» [14, арк. 115].

В рамках еврорегиона «Буг» осуществлялся ряд специальных проектов по осуществлению культурного обмена между участниками еврорегиона. Между городами Люблин, Луцк, Брест реализовывался Международный творческий проект «Близко, еще ближе», а между Тереспольским гминным Центром культуры в д. Корошин и Брестом – Международный проект «Крепость Брест – совместное историко-культурное наследие». В ходе выполнения проекта «Ближе, еще ближе» в марте 2005 г. в г. Люблин прошел трехдневный семинар-практикум работников культуры городов Брест, Люблин, Луцк по теме «Методология разработки проектов». От белорусской стороны в нем участвовали 20 работников культуры Бреста, которые ознакомились с работой учреждений культуры г. Люблин и приняли участие в дебатах «Европейское партнерство в сфере культуры». С ответным визитом в мае 2005 г. Брест посетила делегация работников культуры Люблина, целью которой стало знакомство с работой брестских учреждений культуры [15].

Тесное культурное сотрудничество сложилось в рамках еврорегиона «Беловежская пуца», возникшего на белорусско-польском пограничье в 2002 г. Пружанский район, ставший его частью, ежегодно заключал договоры с культурными центрами г. Гайновка, м. Наревка, м. Беловежа. Эти договоры предусматривали проведение обменных концертов, участие в народных праздниках, проведение творческих конференций по развитию самобытной культуры и фольклора. Белорусскими и польскими коллективами совместно проводились праздники «Ночь Купалы – легенды, традиции, обряды», «Свадебные обряды». Тесно сотрудничал с танцевальным коллективом «Перепелка» Гайновского Дома культуры народный ансамбль танца «Спадчына» Пружанского ГДК. В результате такого взаимодействия в репертуаре гайновского коллектива «Перепелка» появились «Русский перепляс», белорусские народные танцы «Крутуха» и «Весялуха», а в репертуаре «Спадчыны» – «Полонез». В 2006 г. коллективы Пружанского района приняли участие в польско-белорусском творческом проекте «Наша местность для будущих поколений» [16].

Количество творческих выездов польских коллективов к белорусским соседям было значительно меньшим [16]. Тенденция стала характерной и для межгосударственного уровня. Она объяснялась недостаточным финансированием сферы культуры, отсутствием опыта организации международных мероприятий. Но даже с учетом этого прочные культурные связи установились не только между областными центрами сопредельных государств, но и отдельными районами, городами и населенными пунктами. Во многом благодаря обменным культурным проектам еврорегионов, творческие коллективы приграничных регионов Беларуси, Польши и Украины черпали вдохновение друг у друга, обогащали культуру соседей собственными достижениями и традициями.

Особенностью белорусско-украинского пограничья стал приоритет для трехсторонних культурных контактов с братскими восточнославянскими народами. Деятельность государственных структур этого региона была нацелена на преимущественное расширение контактов с Украиной и Россией. Такие устремления активизировались в начале 1990-х гг., когда новые экономические условия после распада СССР поставили под угрозу сложившиеся десятилетиями творческие связи. Стали учреждаться республиканские и региональные премии. Фестивали, конкурсы популяризовали общность культурного пространства восточнославянских стран. Это позволяло сохранить традиционное культурное пространство, завязать новые контакты и даже расширить их географию. Таким примером стал международный фестиваль «Славянские театральные встречи» с 1989 г. Его инициаторы – драматические театры Чернигова, Брянска и Гомеля. В Гомеле он впервые прошел в 1993 г., а в 1994 г. коллегия Министерства культуры РБ, Гомельский облисполком и горисполком официально утвердили Гомель местом проведения международного фестиваля «Славянские театральные встречи» в целях укрепления творческих контактов между театральными деятелями Беларуси, России и Украины, творческого взаимообмена, поиска новых художественных форм, экспериментов, знакомства общественности с театральной культурой трех государств, пропаганды лучших примеров театрального искусства. В 1996 г. Совет руководителей приграничных областей Беларуси, России и Украины основал ежегодную премию «Баян» в области литературы и искусства, призванную развивать идею духовной общности трех славянских народов. Издавался объединенный выпуск областных газет «Живая вода», освещавший экономическую и культурную жизнь сопредельных регионов.

Особое значение в приграничных регионах Беларуси и Украины приобрело празднование освобождения этих территорий от немецко-фашистских захватчиков, Дня Победы. Эти события демонстрировали близость исторических традиций, культурных связей, интернационализм сопредельных народов. Святым для жителей соседних Ивановского и Любешовского районов стало 16 июля – день освобождения районов от фашистских захватчиков. В праздновании 50-летия, 60-летия и 65-летия освобождения РБ от немецко-фашистских войск принимали участие представители Украины (Черниговская область) и России (Брянская область). На торжествах традиционно выставляли свои работы самодеятельные художники и мастера декоративно-прикладного искусства [17]. Сохранилась традиция совместного празднования Дня Победы у Монумента Дружбы, расположенного на стыке Гомельской, Черниговской и Брянской областей.

В белорусско-украинском пограничье действительно превалировала общность белорусско-украинско-российского культурного взаимодействия. Ее обусловил ряд факторов, среди которых: исторические корни братства восточнославянских народов, их духовная близость, дисперсность в перемещении населения юга Беларуси и севера Украины, опыт проживания в едином государстве, отсутствие языкового барьера. Наибольший простор культурным контактам все же открывало отсутствие визового режима.

Прочность приграничных культурных связей в постсоветское время обусловило их складывание «снизу», когда на первое место ставились близкие обоюдные интересы

и общечеловеческие ценности. В этот процесс без навязанных сверху идеологических установок и схем широко вовлекались как отдельные лица, так и национальные меньшинства, творческие коллективы, общественные организации, учреждения культуры. Если мероприятия межгосударственного уровня приобретали резонанс, находясь в центре внимания, то местные акции были менее заметны, хотя их значение в формировании добрососедских отношений народов сопредельных стран от этого не становилось меньше.

Заклучение

Анализ приграничного сотрудничества Беларуси с Польшей и Украиной в культурной области показал, что сложившиеся в постсоветское время условия позволили Беларуси строить двусторонние взаимоотношения на паритетной основе, соответствовать новому статусу независимых стран, удовлетворять их коренные интересы в области культуры. Была сформирована широкая договорно-правовая основа культурного сотрудничества, представленная соглашениями межгосударственного, межведомственного и межрегионального уровня. Межрегиональные договоры регламентировали конкретные шаги, условия сотрудничества, учитывая специфику того или иного региона. Как правило, они содержали конкретные обязательства и содействовали прямым контактам между учреждениями культуры и творческими коллективами. Обширная база межрегиональных соглашений наиболее гибко регулировала культурные контакты. Она свидетельствовала о доброжелательности и взаимной заинтересованности местных органов власти и управления, обладающих многочисленными рычагами стимулирования культурных контактов.

Заметный вклад в развитие культурных связей вносили национальные меньшинства – неотъемлемый субъект приграничных территорий. При их участии создавались объединения, действовали творческие коллективы, которые поддерживали тесную связь с родиной и развивали местную культуру.

На характере приграничных культурных контактов сказывались особенности геополитической обстановки, когда граница РБ стала линией раздела двух межгосударственных объединений: СНГ и ЕС. С учетом данной реальности в приграничье формировалось понимание разных подходов для поддержания высокого уровня отношений. Поддерживая государственную политику приоритетного развития интеграционных связей с государствами – участниками СНГ, белорусские власти больше поощряли сотрудничество с сопредельными областями Украины. Отношения с польскими соседями приобрели интенсивность в конце 1990-х гг., когда на общем участке границы возникли еврорегионы. Тогда культурные контакты приграничных территорий вышли на новый виток развития, хотя на межгосударственном уровне в 1998–2004 гг. наблюдался сложный, даже застойный период в культурном взаимодействии. Не стал преградой в развитии культурных приграничных контактов и белорусско-польский политический кризис с конца 1999 г. Линия геополитического раздела в целом несущественно отразилась на характере и состоянии приграничного культурного сотрудничества, не повлияла на взаимное стремление населения приграничных регионов к добрососедству. По-прежнему отношения строились на доверии и взаимных уступках. Колоссальную работу по развитию культурных связей проводили дипломатические службы Украины и Польши в Беларуси. Фактически ни одно культурное мероприятие, в котором участвовали заграничные гости и представители нацменьшинств, не обходилось без поддержки генерального консульства Украины в Бресте и генеральных консульств РП в Бресте и Гродно. Кроме организации культурных мероприятий, дипломатические службы РП заботились о быстром оформлении виз, как правило, на бесплатной основе. В итоге выезд белорусских коллективов к соседям стал более частым явлением, чем приезд зарубежных делегаций в Беларусь.

Таким образом, в исследуемый период приграничное сотрудничество Республики Беларусь с Республикой Польша и Украиной переживало эволюцию. На смену идеологи-

зорованным формам демонстрации дружбы, политическим кампаниям, социалистической солидарности, характерным прежней эпохе, приходили иные ценности, в основе которых лежали пограничное взаимодействие, хозяйственно-экономические, экологические, творческие связи. Новые ценности формировали уникальный феномен жизни сопредельных стран и народов – добрососедство.

Ускорителем процесса «перезагрузки» приграничного сотрудничества на этапе постсоциалистических преобразований выступали контакты в духовной сфере. Отличаясь близостью истоков, регулярностью, разнообразием, они придавали приграничному сотрудничеству белорусов с поляками и украинцами необходимые качества взаимопонимания, консолидированности, устойчивости, помогали преодолевать сложный для всех соседей этап постсоциалистической трансформации. Становясь своеобразной творческой лабораторией приграничья, они способствовали созданию новых форм духовных связей, высокохудожественных произведений, научных разработок, взаимообогащению народов-соседей и распространению этих ценностей на остальные регионы своих стран.

На протяжении 1990–2000-х гг. в приграничье складывались культурные традиции, проходили мероприятия и внедрялись проекты, недостаточно масштабные для межгосударственного уровня, но ставшие визитной карточкой добрососедства белорусов с украинцами и поляками. Интенсивность культурных контактов этого уровня наглядно свидетельствовала об общем стремлении сопредельных государств укреплять как культурные, так и политические, торгово-экономические связи, расширять взаимодействие в решении общих проблем. Атмосфера доверительных и дружеских отношений в приграничье создавала прочную платформу для развития добрососедских отношений межгосударственного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шадурский, В.Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.) / В.Г. Шадурский. – Минск : БГУ, 2000. – 285 с.; Шадурский, В.Г. Внешняя культурная политика Респ. Беларусь: состояние и проблемы / В.Г. Шадурский // Беларус. журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 4. – С. 52–60.
2. Дорняк, И.И. Белорусско-польское экономическое и культурное сотрудничество в 1991–2004 гг. : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / И.И. Дорняк. – Гродно, 2010. – 160 л.
3. Лазоркина, О. Белорусско-польские культурные связи в 2000-е гг. / О. Лазоркина // Беларусь – Польшча: два дзесяцігоддзі міждзяржаўных зносін : матэрыялы беларус.-пол. круглага стала / рэдкал.: В.Г. Шадурскі (наук. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. – С. 119–127.
4. Юрчак, Д.В. Беларусь – Украина : 20 лет межгосударственных отношений : монография / Д.В. Юрчак. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – 280 с.; Ціхаміраў, А. Беларуска-ўкраінскія адносіны ў 1991–2006 гг. / А. Ціхаміраў // Беларус. гістар. часопіс. – 2007. – № 2. – С. 3–10.
5. Крывашэй, Д.В. Гродзеншчына і Беласточчына. Да пытання рэгіянальных культурных кантактаў / Д.В. Крывашэй // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва : навуц.-інфарм. зб. / Нац. б-ка Беларусі. – Мінск : Нац. б-ка Беларусі., 1998. – С. 40–44.
6. Билевич, О.И. Участие Брестской области в осуществлении внешней политики Респ. Беларусь на украинском направлении / О.И. Билевич, М.В. Стрелец // Вестник Брест. гос. тех. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 3–7.

7. Інформації Міністерству культуры Украіны про стан та развіток культурна-асвітных устаноў абласці // Дзяржавны архіў Волінскай абласці (ДАВО). – Фонд Р-592. – Оп. 1. – Спр. 2204. – Арк. 15.

8. Документы о выполнении договора о сотрудничестве в области кинематографии Респ. Беларусь и Респ. Польша, установлении связей между филиалом Варшавского университета в Белостоке и Белорусским государственным университетом культуры, 144-й сессии Исполнительного Совета ЮНЕСКО и др. вопросам (договор, информация, переписка и др.) // Архив Мин-ва культуры Респ. Беларусь (АМКРБ). – Фонд 974. – Оп. 4. – Д. 81. – Л. 28.

9. Переписка с Министерством иностранных дел Республики Беларусь, Союзом поляков Беларуси и др. по вопросам международного сотрудничества // АМКРБ. – Фонд 974. – Оп. 2. – Д. 332. – Л. 14.

10. Об этнокультурных общностях и работе облисполкомов и Минского горисполкома с национальными объединениями в 2009 г. // Приветствует Беларусь! О национальных объединениях, конфессиях в Беларуси и белорусских соотечественниках за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belarus21.by/ru/main_menu/nat/opyt_raboty/new_url_32391480. – Дата доступа : 10.05.2012.

11. Отчет о работе отдела за 1996 г. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 3418. – Оп. 2. – Д. 130. – Л. 36.

12. Переписка с Министерствами РБ о внешнеэкономической деятельности, о наведении порядка в использовании и охране земель, по вопросам культуры // ГАГО. – Фонд 1174. – Оп. 8. – Д. 3845. – Л. 20.

13. Республиканский фестиваль национальных культур // Республиканский центр национальных культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://centrkult.iatp.by/?m=6>. – Дата доступа : 29.01.2012.

14. Документы про діяльність транскордоннага аб'яднання Єврорегион «Буг» (листи, інфармацыі, огляды і інше) за 1997–2000 рік // ДАВО. – Фонд Р-3505. – Оп. 1. – Спр. 73. – Арк. 115.

15. Информация о культурных связях Брестской области с Люблинским воеводством в 2005 г. // Текущий архив Управления культуры Брестского облисполкома. – Папка «Культурное сотрудничество Брестской области с Республикой Польша».

16. Информация о международных культурных связях коллективов Пружанского района за период 2005–2007 г. // Текущий архив Управления культуры Брестского облисполкома. – Папка «Культурное сотрудничество Брестской области с Респ. Польша».

17. Переписка с Министерством культуры Респ. Беларусь по основным вопросам деятельности // ГАГО. – Фонд 3617. – Оп. 2. – Д. 1157. – Л. 65.

Burik E. Neighborhood Phenomenon: Cultural Contacts in Belarusian-Ukrainian and Belarusian-Polish Border Area (the End of XX th – Beginning of XXI th Century)

Proclamation of sovereignty of the Republic of Belarus in 1991 led to development of new neighborhood principles. Common borders, absence of territorial claims, common interests connected with trans border traffic West-East became a solid foundation for development of border cooperation between the Republic of Belarus with the Republic of Poland and the Ukraine in different spheres. Border cooperation created the atmosphere of trust, understanding between nations, government agencies and business areas located on both sides of the border. It became a model for the design and distribution of constructiveness in the sphere of international relations. Cultural contacts created the foundation for dialogue between countries and formed a positive international image of our country. Cultural traditions, mutual actions and projects, which took place in the border area, became the hallmark of good neighboring relations between the Belarusians and Ukrainians and Poles.

УДК 94 (476) «1921/1939»

Г.С. Вайцешчык

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЕ РАЗВІЦЦЁ МЯСТЭЧКАЎ ВІЛЕНСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 ГГ.

У артыкуле даецца аналіз сацыяльна-эканамічнага развіцця мястэчкаў Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг. Уключэнне Заходняй Беларусі ў склад Польшчы ў 1921 г. прадвызначыла новы этап гістарычнага развіцця для заходнебеларускіх мястэчак, колькасць якіх у значнай ступені перавышала колькасць гарадоў, і з-за нешматлікасці апошніх іх сацыяльна-эканамічныя функцыі бралі на сябе мястэчкі. Спецыфіка развіцця Заходняй Беларусі пад уладай Польшчы прадвызначыла пэўныя рэгіянальныя асаблівасці і кірункі сацыяльна-эканамічнага развіцця мястэчкаў Віленскага ваяводства. На аснове аналізу архіўных крыніц і літаратуры аўтарам даследуецца роля, якую выконвалі мястэчкі ў эканамічным развіцці Віленскага ваяводства, даецца аналіз месца мястэчкаў у сістэме населеных пунктаў Віленшчыны, вызначаюцца асноўныя кірункі і формы развіцця местачковай прамысловасці, сельскай гаспадаркі і гандлю.

Уводзіны

Даследаванне сацыяльна-эканамічнага развіцця мястэчак Віленскага ваяводства, якія значна пераўзыходзілі па сваёй колькасці гарады, з'яўляецца вельмі важным для аб'ектыўнай рэканструкцыі гістарычных фактаў і падзей такога складанага перыяду ў беларускай гісторыі, як 20–30 гг. ХХ ст., тым больш што большасць сучасных і савецкіх даследчыкаў у сваіх працах падкрэсліваюць выключна застойны і дэпрэсіўны характар эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Менавіта таму мэта дадзенага артыкула – паказаць на прыкладзе мястэчкаў Віленскага ваяводства, што сацыяльна-эканамічнае развіццё Заходняй Беларусі не спынялася і мела шмат прагрэсіўных з'яў і працэсаў нават ва ўмовах абмежаванай і стрыманай палітыкі польскіх улад. Для дасягнення пастаўленай мэты былі вызначаны наступныя задачы: выявіць галоўныя асаблівасці і тэндэнцыі ў развіцці местачковай прамысловасці, сельскай гаспадаркі і гандлю, вызначыць ролю мястэчак у сацыяльным развіцці Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг.

Месца мястэчкаў у структуры паселішчаў

З 1921 г. мястэчкі Заходняй Беларусі былі ўключаны ў новую тэрытарыяльна-адміністрацыйную сістэму Польшчы, якая пераўтварыла гэтыя населеныя пункты ў цэнтры гмін і паветаў. Паводле статыстычных дадзеных «Спіса мясцовасцей» за 1927 г. у Віленскім ваяводстве налічвалася 15 гарадоў і 77 мястэчак, якія ўваходзілі ў склад 8 паветаў: Браслаўскага, Дзісенскага, Маладзечанскага, Ашмянскага, Пастаўскага, Вілейскага, Свянцянскага, Віленска-Трокскага [1, с. 1919].

Адной з адметных рысаў мястэчкаў, што адрознівала іх ад сельскіх паселішчаў і набліжала да гарадоў, была сацыяльная і этнаканфесійная стратэгія насельніцтва. У мястэчках пражывалі і гарадскія (мяшчане, купцы, рамеснікі, ганаровыя грамадзяне, чыноўнікі), і сельскія саслоўі. На працягу 1921–1939 гг. адбываліся змены і ў этнаканфесійным складзе насельніцтва мястэчак: павялічвалася колькасць палякаў за кошт ваенных асаднікаў, якія масава атрымлівалі землі ў мястэчках. У 1931 г. у Віленскім ваяводстве зямлю атрымала найбольшая колькасць асаднікаў – 2830 чалавек [2, с. 162]. Была значнай колькасць і ўдзельная вага яўрэяў, якія пераважалі над прадстаўнікамі іншых нацыянальнасцей. Гэта было выклікана ляяльнымі адносінамі польскага ўрада да яўрэйскай нацыянальнай меншасці. Яўрэйскія абшчыны ў мястэчках Віленскага ваяводства пераўтварыліся ў самастойныя адміністрацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі.

Навуковы кіраўнік – І.П. Крэнь, кандыдыт гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Уявіць карціну нацыянальнай і канфесійнай структуры насельніцтва мястэчак Віленскага ваяводства можна з дапамогай апублікаваных матэрыялаў перапісаў насельніцтва 1921 г. і 1931 г. па Віленскім ваяводстве. Да дадзеных польскіх перапісаў насельніцтва трэба адносіцца вельмі крытычна па прычыне свядомага завышэння колькасці палякаў і змяншэння літоўскага і беларускага насельніцтва, аднак гэтыя крыніцы з'яўляюцца найбольш поўнымі і амаль што адзінымі, па якіх можна характарызаваць сацыяльную структуру насельніцтва мястэчак Віленскага ваяводства.

Згодна з перапісам 1921 г., найбольшую колькасць насельніцтва ў мястэчках Віленскага ваяводства складалі палякі (да 50%), на другім месцы – яўрэі (да 40%), беларусаў назіралася да 20%, літоўцаў – да 10%, іншых нацыянальнасцей (немцы, рускія, татары і інш.) – да 5% [3]. Па праву яўрэйскімі можна назваць такія мястэчкі, як Браслаў, Опса, Друя, Даўгінава, Гарадок, Кужанец, Гальшаны, у якіх яўрэі складалі 40–50% насельніцтва [3]. У Браславе ў 1921 г. пражывалі 902 габрэі, што складала 57% ад усяго насельніцтва, у Даўгінаве – 1 395 габрэяў, што складала 39% ад агульнай колькасці насельніцтва, у Опсе – 334 габрэі (47%) [3, с. 3, 9, 79]. Колькасць літоўскага местачковага насельніцтва ў Віленскім ваяводстве складала толькі 12 296 чалавек, большасць якіх пражывала ў Свянцянскім павеце і Аранскай і Алькенінскай гмінах Віленска-Троцкага павета [4, с. 25]. Найбольшая колькасць беларусаў па перапісе 1931 г., пражывала ў мястэчках Дзісенскага, Маладзечанскага, Пастаўскага і Віленскага паветаў [5, с. 132].

Канфесійны склад насельніцтва мястэчак амаль поўнасцю адпавядаў нацыянальнаму. Найбольшую колькасць складалі рыма-католікі і іўдзеі. Мястэчкі Дунілавічы, Мядзёл, Ваўкалата, Іказнь, Касцяневічы выдзяляліся значнай колькасцю рыма-каталіцкага насельніцтва (ад 40 да 80% ад агульнай колькасці насельніцтва) [3, с. 22, 29, 38, 71, 85]. Праваслаўнае насельніцтва складала адносную большасць у такіх мястэчках: Маладзечна (65%), Лебедзева (35%), Краснае (53%), Ілля (44%), Пераброддзе (71%), Пліса (59%), Козяны (75%) і інш. [3, с. 40, 67, 72, 83, 85, 89, 90].

У пачатку 30-х гг. XX ст. у Польшчы дзейнічала 19 мусульманскіх абшчын, пераважная большасць якіх знаходзілася на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Мястэчкі Відзы і Мядзёл былі буйнымі цэнтрамі мусульманства на Віленшчыне [6, с. 447].

З 48 стараверскіх абшчын, зафіксаваных у 1930 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі, 42 знаходзіліся ў Віленскім ваяводстве, у тым ліку ў мястэчках Відзы, Германавічы, Друя, Дзісна, Дукшты, Лучаі, Свір [7].

Роля сельскай гаспадаркі

Асноўнай, але не адзінай сферай эканамічнай дзейнасці жыхароў мястэчак Віленскага ваяводства была сельская гаспадарка, вядучай галіной якой было земляробства. Большасць местачковых сялянскіх гаспадарак мелі ў сярэднім ад 1 да 7 га зямлі, што было вельмі нязначным паказчыкам у параўнанні з існуючым зямельным фондам, большасць зямлі якога належала памешчыкам і буйным магнатам [8]. Мястэчка Варапаева Пастаўскага павета належала графу Канстанціну Пжэдзецкаму, які валодаў 4 132 га зямлі і быў уладальнікам амаль усіх прамысловых прадпрыемстваў у мястэчку. Ён уваходзіў у кола найбольш заможных асоб не толькі Заходняй Беларусі, але і Польшчы [9, с. 65]. Уладальніцай большасці зямельных надзелаў Вязынскай гміны, у тым ліку і маёнтка ў мястэчку Вязынь, была Зоф'я Гарадзінская, якой належала 12 432 га зямлі [10, л. 9зв.].

Гаспадаркі местачкоўцаў спецыялізаваліся пераважна на вырошчванні лёну і збожжавых культур. Па колькасці зямельнай плошчы, занятай пад пасевы лёну, Віленскае ваяводства займала першае месца сярод іншых ваяводстваў Заходняй Беларусі. У 1928 г. агульная плошча пасаваў ільну займала 37,1 тыс. га, у 1929 г. – 38,8 тыс. га, у 1930 г. – 35,8 тыс. га [11, с. 5]. Конегатоўля была найбольш распаўсюджаным заняткам у мястэчках-фальварках. Найбольш вядомыя пароды коней, якія славіліся на местачко-

вых рынках і за межамі ваяводства, вырошчвалі ў Паставах і Браславе [12, с. 8–9]. Газета «Dziennik Wileński» адзначала, што ў 1929 г. у Свіры і Красным адбыліся арганізаваныя Міністэрствам сельскай гаспадаркі 2 буйныя дэманстрацыйныя выставы парод хатняй жывёлы, на якіх узнагароджвалі грашовымі прэміямі найбольш адмысловых каняводаў [13; 14]. Практыка правядзення такіх выстаў была ў Віленскім ваяводстве паўсюднай.

Высокі праэнт земляробчага насельніцтва ў мястэчках Віленскага ваяводства выклікаў значнае павелічэнне колькасці земляробчых кааператываў у 1921–1927 гг., якія належалі Саюзу кааператываў у Варшаве, Саюзу гаспадарчых кааператываў Польскай рэспублікі ў Варшаве, Саюзу спажыўцоў Польскай рэспублікі ў Варшаве, Саюзу земляробчых кааператываў у Вільне. Найбольш буйнымі па колькасці членаў местачковымі кааператывамі былі «Rolnik» (Друя, Дунілавічы, Міёры, Браслаў), «Zjednoczenie» (Гальшаны, Кабыльнік, Падброддзе), «Zgoda» (Будслаў, Касцяневічы). «Nadzieja» (Празарокі, Ігналіна, Кужанец), кааператывы спажыўцоў «Зерне», «Плуг», «Адзінства» (Баруны, Дукшты, Яшуны, Козяны і інш.) [1]. Кааператывы «Згода» ў Будславе, які дзейнічаў з 1921 г., налічваў у 1933 г. 510 членаў [15, л. 2].

У цэлым прадукцыйныя сілы сялянскай гаспадаркі зрабілі пэўны крок наперад. Развіццё капіталістычных адносін у сельскай гаспадарцы мястэчкаў праяўлялася ў павелічэнні колькасці спецыялізаваных гаспадарак: збожжавых, ільнаводчых, жывёлагадоўчых, рыбных, – якія паступова набывалі таварны характар, а таксама частковай механізацыі сельскай гаспадаркі і выкарыстанні наёмнай рабочай сілы.

Рамяство і прамысловасць

Неабходна адзначыць, што ў 20–30 гг. ХХ ст. местачковае рамяство было цесна звязана з рамяством сельскім, так званымі народнымі промысламі. Мястэчкі Свянцяны, Радашковічы былі буйнымі цэнтрамі ганчарства, Варняны, Лебедзева, Гальшаны – ткацкага промыслу [16, с. 302]. У адрозненне ад вясковых народных умельцаў местачковыя рамеснікі паступова станавіліся манапалістамі ў сферы рамесніцкай вытворчасці гмін, а мястэчкі – цэнтрамі рамёстваў па колькасці вырабляемай прадукцыі і рынках яе збыту.

Колькасць рамесніцкіх спецыяльнасцей у мястэчках Віленскага ваяводства была невялікай (ад 10 да 25), што тлумачылася нізкім тэхнічным узроўнем рамяства, адсутнасцю прафесійных рамесных школ, а таксама досыць складаным працэсам атрымання рамесных карт для легалізацыі занятку. Напрыклад, у Кабыльніках у 1931 г. было толькі 9 рамеснікаў: 4 шаўцы, 2 кавалі, 2 краўцы, 1 бляхар [17, л. 33–34зв.]. У мястэчку Ілля ў 1927 г. налічвалася 60 рамеснікаў 13 рамесных спецыяльнасцей: 25 шаўцоў, 8 кавалёў, 6 краўцоў, 4 рэзнікі, 4 сталяры, 4 цесляры, 2 чапнікі, 2 муляры, 1 бондар, 1 бляхар, 1 цырульнік, 1 рымар, 1 гадзіннікавы майстар [1, с. 1926]. Найбольш запатрабаванымі рамеснымі спецыяльнасцямі ў мястэчках Віленскага ваяводства былі спецыяльнасці, звязаныя з апрацоўкай скуры, металу, вырабам адзення, абутку і спажывецкім промыслам.

Местачковае рамяство было цесна звязана з прамысловасцю. Найбольшае развіццё ў мястэчках Віленскага ваяводства атрымала харчовая, мінеральная і гарбарныя галіны прамысловасці, у меншай ступені – лясная. Увогуле харчовая прамысловасць, як адзначае В. Фрышман, па колькасці прадпрыемстваў займала першае месца ў Заходняй Беларусі. У 1930 г. колькасць прадпрыемстваў харчовай прамысловасці складала 3 590, у 1931 г. – 3 557, у 1932 г. – 3 403 [18, с. 83]. На долю Віленскага ваяводства ў 1930-я гг. прыпадала 1 206 прадпрыемстваў харчовай прамысловасці, на якіх працавалі 3 692 рабочыя [19, л. 2].

Вытворчасць спіртных напояў адносілася да найбольш прыбытковых галін прамысловасці. Местачковыя бровары, спіртзаводы і вінна-гарэлачныя заводы былі дробнымі і належалі памешчыкам ці яўрэям. Абслугоўвалі такія прадпрыемствы толькі свойнутраны рынак. Згодна з дадзенымі «Спіса мясцовасцей» за 1927 г., у мястэчках Вілен-

скага ваяводства налічвалася 78 вінакурных заводаў, бровараў і спіртзаводаў [1]. Сапраўднымі цэнтрамі па вытворчасці спіртных напояў выступалі такія мястэчкі, як Браслаў, Даўгелішкі, Дунілавічы, Друя, Слабодка, Параф'янава, Паставы, Новы Пагост, Лынтупы, Маладзечна, Нямецын, Новы Мядзёл, у якіх дзейнічалі па 2–5 прадпрыемстваў гэтай галіны прамысловасці [1, с. 1919, 1921–1923, 1933, 1935, 1943, 1938–1940]. У мястэчку Мейшагола ў 1927 г. дзейнічала 5 бровараў і 1 вінакурны завод [1, с. 1933].

Мястэчкі Віленскага ваяводства былі цэнтрамі па вытворчасці кандытарскіх і хлебных вырабаў. Местачковыя пякарні з'яўляліся дробнымі немеханізаванымі рамеснымі прадпрыемствамі (у большасці сваёй 8-й прамысловай катэгорыі), на якіх працавала ад 1 да 3 рабочых. Уладальнікамі пякарняў былі пераважна яўрэі. У Браслаўлі ў 1927 г. працавалі 7 дробных яўрэйскіх пякарняў [1, с. 1919].

Малочная галіна прамысловасці ў мястэчках Віленскага ваяводства мела ў большасці кааператыўную форму дзейнасці. У мястэчках Хаценчыцы, Крывічы, Сола дзейнічалі невялікія малочныя кааператыўныя заводы [1, с. 1944; 20, л. 5; 21, л. 6]. Усяго ў 1937 г. налічвалася ў Віленскім ваяводстве 154 малочныя прадпрыемствы [22, л. 118].

Асобае месца ў прамысловым развіцці Віленскага ваяводства займала мінеральная прамысловасць, а менавіта шкляная, цэментная, бетонная, цагляная вытворчасць. Доля мястэчак у развіцці гэтай галіны прамысловасці была дастаткова значнай. Местачковыя цагельні былі дробнымі прыватнымі прадпрыемствамі з колькасцю рабочых ад 5 да 15 чалавек. Па тры цагельні дзейнічалі ў Рымшанах, па дзве – у Відзах, Козянах, па адной – у большасці мястэчак ваяводства [1, с. 1943, 1948; 23, л. 293]. На цагельні В. Смольскага ў Крывічах працавала ў 1938 г. 8 рабочых, на бетанярні ў Браславе – 14 рабочых [21, л. 6; 24, л. 161]. Невялікае шкляное прадпрыемства В. Вайштэйна дзейнічала ў Браславе да 1937 г. [1, с. 1919]. На шклозаводзе «Гута» у Варапаева Пастаўскага павета працавалі спецыялісты з Бельгіі, якія выраблялі прыгожыя вазы з рознакаляровага шкла [10, с. 63].

Да тэкстыльнай прамысловасці належала вытворчасць і пераапрацоўка лёну. Усяго на тэрыторыі Віленскага ваяводства ў 1920-х гг. налічвалася 86 тэкстыльных прамысловых прадпрыемстваў [19, л. 2]. Местачковыя льнамяльні, трапальні і часальні Віленскага ваяводства ў большасці сваёй належалі сельскагаспадарчым і гандлёвым кааператывам. Мястэчка Дунілавічы было сапраўдным цэнтрам тэкстыльнай прамысловасці ў Дунілавіцкім павеце: працавала прыватная фабрыка па вытворчасці дываноў, кааператыўны ткацкі цэх, фарбавальня [10, с. 36]. Часальня бавоўны ў мястэчку Гальшаны, якая належала Х. Берману, вырабляла ў 1923–1924 гг. 25 пудоў бавоўны [25, л. 206]. У мястэчку Варапаева дзейнічала адна з пяці буйнейшых механізаваных фабрык па вытворчасці льнянога семені ў Віленскім ваяводстве, прадукцыя якой ішла на экспарт у Германію, Аўстрыю, Чэхаславакію [26, с. 20].

Нельга не адзначыць ролю асобных мястэчак у развіцці гарбарнай прамысловасці. У 1931 г. у Віленскім ваяводстве працавала 148 гарбарняў з 2 612 рабочымі, большасць з якіх знаходзілася ў мястэчках [19, л. 2]. Мястэчкі Дунілавічы, Мядзёл, Паставы, Кабыльнік, Крэва, Кужанец, Новы Пагост, Слабодка, Мейшагола, Лынгмяны з'яўляліся буйнейшымі цэнтрамі гарбарства; тут дзейнічалі ад 2 да 5 прыватных гарбарняў, на якіх працавала да 10 рабочых [1, с. 1923, 1940; 27, л. 210, 231; 17, л. 17].

Дрэваапрацоўчая прамысловасць у мястэчках Віленскага ваяводства не атрымала такога развіцця, як у мястэчках Палескага і Беластоцкага. Найбольш значнымі цэнтрамі дрэваапрацоўчай прамысловасці Віленскага ваяводства былі мястэчкі Вішнева, Варапаева, Дунілавічы, Рудзішкі, Міёры, Мядзёл, Паставы, Лынтупы, Празарокі, Козяны, Яшуны. Згодна са справаздачай інспектара працы за 1926 г., на лесанарыхтоўцы ў мястэчку Вішнева працавала каля 1 000 сезонных рабочых [18, с. 14]. Да 1931 г. у мястэчку Міёры Дзісенскага павета працавала буйнейшая ў Заходняй Беларусі фабрыка запалкавай саломкі [28, с. 77].

Папяровая прамысловасць Віленскага ваяводства была прадстаўлена вытворчасцю паперы, розных сартоў кардону і драўлянай масы. Чатыры прыватныя кардонныя фабрыкі працавалі ў мястэчках Рачкі (уладальнік В. Швац), Новы Мядзел (В. Кав), Яшунны (А. Салтанавы), Козяны [1, с. 1928; 23, л. 294; 24, л. 161]. У Алькеніках з 1922 г. працавала дзяржаўная фабрыка паперы [1, с. 1936].

Гандлёвыя функцыі мястэчкаў

Гандлёвая функцыя мястэчак з'яўлялася вядучай, менавіта яна фарміравала іх аблічча як спецыфічных паселішчаў, нятоесных вёсцы і блізкіх да гарадоў. Унутраны гандаль мястэчак Віленскага ваяводства ажыццяўляўся ў трох формах: перыядычнай (кірмашовай, базарнай), непэрыядычнай (развозна-разноснай), стацыянарнай (крамнай, магазіннай, лавачнай). Дамінуючае значэнне меў стацыянарны гандаль, які паступова выцесніў перыядычныя і непэрыядычныя формы гандлёвай дзейнасці. Аднак усе тры формы ўнутранага гандлю развіваліся паралельна, дапаўняючы адна адну і выконваючы пэўную функцыю: перыядычная і развозна-разносная абслугоўвала ў асноўным вёску, стацыянарная – мястэчка.

Каб акрэсліць значэнне кірмашовага гандлю, яго інтэнсіўнасць, шырыню ахопу насельніцтва, разгледзім працягласць местачковых кірмашоў. У 20–30 гг. XX ст. у ваяводстве местачковыя кірмашы доўжыліся толькі 1-2 дні, гарадскія – ад 2 да 5 дзён. Скарачэнне працягласці кірмашоў садзейнічала паскоранаму абароту капіталу, паколькі гандляр за той жа час паспяваў наведаць большую колькасць кірмашоў, чым раней. Местачковыя кірмашы абслугоўвалі толькі пэўны мясцовы рынак, у той час як гарадскія – агульнапольскі рынак. Гандлёвыя таваразвароты местачковых кірмашоў былі невялікімі.

Па часе правядзення местачковыя кірмашы ўмоўна можна падзяліць на звычайныя і святочныя. Звычайныя (паўсядзённыя) кірмаш праводзіўся па пэўных датах штогод (калі на гэту дату прыпадала каталіцкае свята, то кірмаш пераносіўся на наступны дзень). Святочныя кірмашы былі прыўрочаны да пэўнага рэлігійнага свята (звычайна каталіцкага) і праходзілі ў дзень свята ці ў наступныя дні. Буйныя рэлігійныя свята (Раство, Пасха, дзень Св. Тройцы, Тры каралі, Вялікі пост, Зялёныя свята і інш.) выступалі пунктам адліку часу на правядзенне кірмашоў. Так, у мястэчку Кужанец Вілейскага павета звычайныя кірмашы праходзілі 6 жніўня, 8 верасня, 9 снежня, а святочныя – у першы аўторак пасля Раства, апошні аўторак перад Вялікім пастом, у другі аўторак пасля Вялікай ночы (Wiełkanoc) [29, л. 151]. Штогадовыя святочныя кірмашы ў Міёрах адбываліся ў чацвер, пятніцу, аўторак пасля свята «Тры каралі», 24 чэрвеня (на Св. Яна), 1 лістапада (у дзень Усіх Святых) [30, л. 63].

Немалаважную ролю ў структуры ўнутранага размеркавання прадуктаў адыгрываў базарны гандаль, які паступова выцясняяў кірмашы. «Слова «базар» здаўна перайшло ў рускую мову ў сэнсе ‘таржышча, рынак’ [31, с. 685]. У такіх мястэчках, як Свянцянны і Дуکشты, таргі збіраліся тры разы на тыдзень, у Лынтупах, Друі, Міёрах, Дзісне, Відзах, Новым Пагосце – па два, а ў астатніх мястэчках – адзін раз на тыдзень [30, л. 63–78]. Штотыднёвыя таргі ў мястэчках Віленскага ваяводства былі аднадзённымі. Гандлёвым днём мог быць любы дзень тыдня, за выключэннем суботы. Магчыма, гэта было звязана з тым, што вялікі працэнт насельніцтва мястэчкаў складалі яўрэі, роля якіх у рамястве і гандлі была дамінуючай. У суботу яўрэі звычайна не займаліся ніякай дзейнасцю, у тым ліку гандлем.

З удасканаленнем сферы таварна-грашовага абарачэння, паступовым пашырэннем унутранага рынку побач з кірмашовым і базарным гандлем набіраў сілу стацыянарны гандаль – крамны, лавачны. Значэнне гэтай формы гандлёвых адносінаў паступова ўзрастала, і была яна дамінуючай для многіх мястэчак Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг.

Асаблівае развіццё ў мястэчках атрымаў крамны гандаль. Колькасць магазінаў, дробных і сярэдніх лавак у асобных мястэчках дасягала 100, а то і больш. Пераважалі прадуктовыя магазіны, бакалеі, магазіны галантарэйных і каланіяльных тавараў, карысталіся попытам лаўкі рамесных вырабаў, крамы адзення, абутку, кандытарскія і мясныя лаўкі. Уладальнікамі крам і дробных лавак былі пераважна яўрэі. Як сведчаць архіўныя крыніцы, у мястэчку Кужанец у 1938 г. дзейнічала 138 кропак сталага гандлю, большасць з якіх належала яўрэям [15, л. 18]. У мястэчку Свір у 1927 г. дзейнічала 50 магазінаў: 35 каланіяльных, 10 бакалейных, 2 галантарэй, 2 абутковыя [1, с. 1947]. У 1923 г. 38 крам было ў мястэчку Шаркоўшчына, 37 – у Новым Пагосце, 25 – у Козянах, 23 – у Міёрах, 20 – у Празароках, 16 – у Плісе [23, л. 246, 259, 270, 280зв, 283, 294, 297]. Канцэнтрацыя месцаў сталага гандлю была вельмі шчыльнай вакол рыначнай плошчы і цэнтральных вуліц мястэчка. Найбольш пакупнікоў у магазінах і лаўках збіралася ў канцы восені, калі быў скончаны збор ураджаю. Тавары ў крэдыт звычайна не выдаваліся (акрамя некаторых яўрэйскіх лавак і магазінаў).

Асаблівы даход уладальнікам і мястэчку прыносілі піцейныя ўстановы: рэстараны, кафэ, сталовыя, сталовыя-тракціры, корчмы, піваварні, бары, буфеты. Амаль у кожным мястэчку былі гасцініцы і заезныя дамы, колькасць якіх залежала ад гандлёва-прамысловай інфраструктуры мястэчка. Заезныя дамы былі самым танным месцам часовага прыпынку, і іх было значна больш у параўнанні з колькасцю гасцініц. У мястэчках Пастаўскага павета Дунілавічы і Паставы было па 4 заезныя дамы і па адной гасцініцы [32, л. 22].

Развозна-разносным гандлем у мястэчках займаліся пераважна яўрэі, якія ў архіўных дакументах сустракаліся пад назвай вулічных гандляры. Яны на таргах і кірмашах скуплялі розную дробязь, а потым перапрадавалі свой тавар у вёсках, мястэчках, гарадах. Працэнт вулічных гандляроў у мястэчках быў невысокім, на вядзенне такога гандлю неабходна было атрымаць ліцэнзію. Крыніцы дазваляюць прасачыць, што ў 1927 г. у мястэчку Беніца было 5 вулічных гандляроў, Гарадок – 2, Лебедзева – 1, Баруны – 1, Маньковічы – 1, Падабрэзе – 1, Рудоміна – 1, Відзы – 1, Жабкі – 1 [1, с. 1919, 1925, 1931, 1933, 1939, 1942, 1948, 1980]. Вулічныя гандляры не стваралі амаль ніякай канкурэнцыі стацыянарнаму гандлю, бо цэны на тавары ў вулічных гандляроў былі вышэйшымі.

Узрастала колькасць фінансава-крэдытных устаноў у мястэчках. Згодна з дадзенымі «Спіса мясцовасцей» за 1927 г., у 42 мястэчках Віленскага ваяводства дзейнічалі 3 касы Стэфчыка, 22 яўрэйскія кааператыўныя банкі, 9 хрысціянскіх кааператыўных банкаў, 18 ашчадных кас [1].

Сацыяльны дабрабыт насельніцтва мястэчак

Ад развіцця гандлёва-прамысловай інфраструктуры ў значнай ступені залежаў сацыяльны дабрабыт насельніцтва мястэчак. Як цэнтры гмін, некаторыя мястэчкі выконвалі адміністрацыйныя функцыі. Будынкі пошты, тэлеграфа, чыгуначнага вакзала, гміннай управы, паліцэйскага пастарунка сталі атрыбутамі местачковага жыцця ў 20–30 гг. ХХ ст. У такіх мястэчках, як Браслаў, Даўгінава, Друя, Ілля, Краснае, Крывічы, Маладзечна, Паставы, Смолвы, Шаркоўшчына, Свір, Відзы, дзейнічалі адвакацкія і натарыяльныя канторы [1]. У 1937–1938 гг. Віленскі ваявода ў справаздачы адзначаў, што жылы і гандлёва-прамысловы сектар мястэчак Дунілавічы, Паставы, Маладзечна, Дукшты, Солаўкі паўнасьцю забяспечаны электрычным святлом [22, л. 79]. У 1937 г. на тэрыторыі Віленскага ваяводства было зарэгістравана 4 532 тэлефонныя апараты [22, л. 79].

Ахова здароўя насельніцтва мястэчак Віленскага ваяводства ў 1921–1939 гг. была арганізавана цэнтральнай і мясцовай адміністрацыяй па некалькіх накірунках, але колькасць медыцынскіх устаноў была нязначнай, каб вырашыць такія значныя праблемы, як барацьба з эпідэміямі і заразнымі хваробамі. Аналіз архіўных дадзеных дазваляе сцвярджаць, што ў 1925 г. на тэрыторыі ваяводства налічвалася 25 бальніц (на 1 815 лож-

каў), з якіх 8 – у мястэчках Крывічы, Гайдуцішкі, Шумск, Лужкі, Маладзечна, Краснае, Гарадок, Лебедзева [33; 34]. З 19 амбулаторый па Віленскім ваяводстве ў мястэчках дзейнічалі 8 (у Варнянах, Новым Пагосце, Празароках, Свіры, Свянцянах, Дунілавічах, Алькеніках) [1, с. 1980; 35, л. 163в.; 36, л. 36; 37, с. 23]. У мястэчках Кабыльнікі, Даўгінава, Вайстомль, Жодзішкі, Крывічы працавалі гмінныя паліклінікі, якія ўтрымліваліся мясцовай адміністрацыяй [9, л. 7; 15, л. 63в.; 21, л. 53в.; 38, л. 7; 39, л. 14; 40, л. 4]. Менавіта ў такіх паліклініках ствараліся санітарныя камісіі, якія накіроўваліся на прамысловыя прадпрыемствы і гандлёвыя пункты для кантролю за іх санітарна-гігіенічным станам. Адміністрацыя паліклінік наладжвала і кантралявала працу гмінных урачоў і фельчараў. Фельчарскіх пунктаў у мястэчках было няшмат, аднак фельдчараў магло быць некалькі ў адным населеным пункце. Па стане на 1935 г. з 12 427 урачоў Польшчы ў Віленскім ваяводстве працавалі 630. З іх 480 працавалі ў Вільні і толькі 108 у павятовых гарадах і 42 у мястэчках [1; 41, с. 147]. Спецыялізаваная медыцынская дапамога аказвалася толькі ў вялікіх гарадах. У 77 мястэчках у 1927 г. працавалі 24 акушэркі і 12 урачоў-дантыстаў [1; 15, л. 23в., 63в., 173в.]. Местачковае насельніцтва ў 1930-я гг. абслугоўвалі 43 аптэкі і 28 аптэчных складоў [1].

Заклучэнне

Мястэчкі ў 1921–1939 гг. неабходна разглядаць як важнае структурнае звяно ў сістэме населеных пунктаў Віленскага ваяводства. У сувязі з невялікай колькасцю гарадоў Віленшчыны мястэчкі выконвалі сацыяльна-эканамічныя функцыі ў гміне і нават у паветах Віленскага ваяводства. Польская ўлада бачыла ў мястэчках своеасабліваю зону абмену (у першую чаргу эканамічную) паміж вёскай і горадам і не перашкаджала іх эканамічнаму развіццю, але і асабліва не падтрымлівала развіццё местачковай прамысловасці, рамяства і гандлю. Наяўнасць у многіх мястэчках развітой дробнатаварнай вытворчасці ў форме рамяства і дробнакапіталістычных прамысловых прадпрыемстваў, поўнага спектру вядомых на той час усіх форм арганізацыі гандлю з'яўлялася сведчаннем шырокага распаўсюджвання прадпрыемальніцкай ініцыятывы местачкоўцаў, гібкасці і прыстасаванасці мясцовай эканомікі да ўсіх цяжкасцей эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы.

Галоўную ролю ў станаўленні мястэчка як гандлёва-прамысловага цэнтра гміны і павета адыгрывалі яўрэі, якія этнічна дамінавалі ў сацыяльным складзе насельніцтва мястэчак. Гандаль быў сканцэнтраваны пераважна і нават амаль выключна ў іх руках, аб чым сведчыла прыналежнасць ім амаль усіх местачковых гандлёвых устаноў. Гандлёвая інфраструктура мястэчкаў Віленскага ваяводства, прадстаўленая значнай колькасцю магазінаў і крам, а таксама гасцініц, заезных дамоў і разнастайных піцейных устаноў, дае магчымасць сцвярджаць, што гэты населены пункт паступова набліжаўся да гарадоў, страчваючы пры гэтым сваю местачковую асаблівасць як паселішча пераходнага стану паміж вёскай і горадам.

Сацыяльны дабрабыт местачковых жыхароў быў значна лепшым ад вясковага насельніцтва. Мястэчкі выступалі асяродкамі медыцыны і эпідэміялогіі для цэлай гміны, што было надзвычай важным для насельніцтва вёсак, аддаленага ад гарадскіх цэнтраў аховы здароўя.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Spis miejscowości. Do części adresowej. – Warszawa : KSRP, 1927. – 2479 s.
2. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Беларуси (1920–1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.

3. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. 8., cz. 2: Ziemia Wileńska. Powiaty Brasław, Duninowicze, Dzisna i Wilejka. – Warszawa : KSRP, 1923. – 117 s.

4. Матулайтис, Е.К. Литовцы под гнетом Польши / Е.К. Матулайтис. – Минск : Изд-во АН БССР, 1936. – 79 с.

5. Srebrakowski, A. Struktura narodowościowa Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1931–1939 / A. Srebrakowski // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. – Białystok : Prymat, 2007. – S. 127–148.

6. Вабішэвіч, А. Заходняя Беларусь пад уладай Польшчы / А. Вабішэвіч, У. Палуян // Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – С. 352–458.

7. Спіс стараверскіх абшчын Польшчы ў 1930 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://samstar-arhiv.ucoz.ru/publ/49-1-0-64>. – Дата доступу : 26.02.2011.

8. Списки имений по поветам Виленского воеводства с указанием их владельцев (1923–1933 гг.) // Занальны дзяржаўны архіў у Маладзечне (ЗДАУМ). – Фонд 439. – Воп. 1. – Спр. 1927, 1929, 1930, 1931.

9. Зямчонак, І.П. Мясцічка пры гасцінцы / І.П. Землячок. – Мінск : Беларусь-Інфарм-Сервіс, 1995. – 129 с.

10. Политико-экономическое описание района постерунка Вязын // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 372.

11. Jasmin, J. Skróty wiadomości o lnie i konopiach / J. Jasmin. – Wilno : PAX, 1933. – 133 s.

12. Korybutiak, Z.J. Hodowlia zwierząt domowych i pasterstwo w Wileńskim i Nowogródzkim województwach / Z.J. Korybutiak. – Wilno: Nakładem Dziennika Urzędowego Kuratorjum Okr. Szk. Wileńskiego, 1936. – 32 s.

13. Dziennik Wileński. – 1929. – 19 lip. – S. 4.

14. Dziennik Wileński. – 1929. – 10 sierp. – S. 4.

15. Политико-экономическое описание района постерунка Будславль (1933 г.) // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 235.

16. Вайцешчык, Г.С. Традыцыйныя промыслы мясцічак Заходняй Беларусі ў 20–30 гг. XX ст. / Г.С. Вайцешчык // Содружество наук. Барановічы–2009 : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых исслед., 21–22 мая 2009 г. – Барановічы : РИО БарГУ, 2009 – С. 302–303.

17. Списки ремесленников и переписка с поветовыми старостами об организации курсов рабочих, о выдаче разрешения на открытие мастерских (1931 г.) // ЗДАУМ. – Фонд 57. – Воп. 1. – Спр. 6.

18. Фришман, В. Промышленность Западной Беларуси / В. Фришман. – Минск : Изд-во Бел. акад. наук, 1939. – 129 с.

19. Состояние промышленности в Виленском воеводстве (1929–1933 гг.) // Цэнтральны дзяржаўны архіў Літвы (ЦДАЛ). – Фонд 51. – Воп. 6. – Спр. 73.

20. Политико-экономическое описание района постерунка Хотенчицы // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 565.

21. Политико-экономическое описание района постерунка в Кривичах // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 474.

22. Отчет Виленского воеводы об общем состоянии воеводства (1937–1938 гг.) // ЦДАЛ. – Фонд 51. – Воп. 2а. – Спр. 620.

23. Списки владельцев промышленных и торговых предприятий (1923 г.) // ЗДАУМ. – Фонд 437. – Воп. 1. – Спр. 1402.

24. Статистика предприятий промышленных, занятых в них рабочих и количество выпускаемой продукции за 1932 г. // ЦДАЛ. – Фонд 51. – Воп. 6. – Спр. 380.

25. Заявление граждан на право открытия торговых и промышленных предприятий (мастерские, парикмахерские и т.д.) (1923–1924 гг.) // ЗДАУМ. – Фонд 4. – Воп. 1. – Спр. 448.
26. Nagurski, T. Przemysł i handel w województwach Wileńskim i Nowogródzkim / T. Nagurski. – Wilno : PAХ, 1934. – 60 s.
27. Статистические сведения гминных управлений о количестве мельниц и промышленных предприятий (1921–1922 гг.) // ЗДАУМ. – Фонд 2. – Воп. 1. – Спр. 11.
28. Князева, В. Падарожжа па Беларусі: гарады і гарадскія пасёлкі / В. Князева. – Мінск : Беларусь, 2005. – 303 с.
29. Торги и ярмарки в Виленском воеводстве (1926 г.) // ЦДАЛ. – Фонд 51. – Воп. 5. – Спр. 63.
30. Торги и ярмарки в Виленском воеводстве (1929 г.) // ЦДАЛ. – Фонд 51. – Воп. 6. – Спр. 238.
31. Базар // Энциклопедический словарь. Т. I^а. Ауто – Банки / изд. Брокгауз – Ефрон. – СПб.: Тип. акц. об-ва Брокгауз – Ефрон, 1891. – С. 685.
32. Списки гостиниц и постоялых домов по Виленскому воеводству // ЦДАЛ. – Фонд 51. – Воп. 15. – Спр. 605.
33. Месячные отчеты о деятельности больниц по поветам Виленского воеводства (1923–1925 гг.) // ЦДАЛ. – Фонд 51. – Воп. 15. – Спр. 1517, 1519, 1536–1539, 1544, 1547.
34. Политико-экономическое описание постерунков Виленского воеводства (1933–1937 гг.) // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 7. – Л. 330; Спр. 52. – Л. 1–2; Спр. 152. – Л. 19; Спр. 235. – Л. 42; Спр. 238. – Л. 46–48.
35. Циркуляр Министерства общественного обеспечения о мерах борьбы с венерическими заболеваниями и копии удостоверения врачей (1926–1934 гг.). // ЗДАУМ. – Фонд 436. – Воп. 4. – Спр. 1.
36. Географическое описание полицейского постерунка Прозороки // ЗДАУМ. – Фонд 509. – Воп. 1. – Спр. 637.
37. Dobaczewska, W. Wileńszczyzna i Nowogródzczyzna w latach 1920–1937. Sprawy polityczne i społeczne / W. Dobaczewska. – Wilno : Nakładem dziennika urzędowego kuratorium okr. szk, 1938. – 40 s.
38. Политико-экономическое описание района постерунка Войстомль (1935 г.) // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 334.
39. Политико-экономическое описание района постерунка в Долгинове (1937 г.) // ЗДАУМ. Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 378.
40. Политико-экономическое описание района постерунка в Жодишках // ЗДАУМ. – Фонд 10. – Воп. 1. – Спр. 393.
41. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Маладзечна і Маладзечанскага раёна / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002. – 792 с.

Vaitseshchyk H.S. Socio-Economic Development of Townships of Vilnius Province in 1921–1939 years

In a scientific article considers the socio-economic development of small towns in Vilnius province in 1921–1939 years. The townships of western Belarus in 20–30 years of XX century that are quantitatively superior to the city were economic and administrative center not only of communes, but povets, province. Specificity of the Western Belarus under Polish rule predetermined regional features and trends of socio-economic development of townships of Vilnius province in the years 1921–1939. This article was written by native and foreign literature and archival sources, many of whom first appeared in the scientific. The results can be used as teaching materials disciplines of specialization in higher education of Belarus and to explore the economic history of Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.02.2012

УДК 334.021

П.В. Солодуха

КОНТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ФИРМЫ

В статье рассматривается сущность и формы контрактов в системе трудовых отношений России. Выясняются отличия российской системы трудовых контрактов от механизма контрактации в странах Восточной Европы.

В условиях становления в России социально-рыночной экономики усиливается влияние формальных институтов на формирование благоприятных условий воспроизводства человеческого капитала фирмы. К этим институтам прежде всего можно отнести правила контрактации, совокупность которых лежит в основе формирования такого *институционального устройства, как контракт*. Согласно определению А. Олейника, «контракт (договор) – соглашение об обмене правомочиями и их защите, являющееся результатом сознательного и свободного выбора индивидов в заданных институциональных рамках» [1, с. 229]. Экономическая наука выделяет несколько форм этих инструментов, так называемые классические, неоклассические и отношенческие контракты. В рамках классических контрактов происходит обмен благами, имеющими одинаковую ценность как на рынке, так и в рамках отдельной фирмы. В. Тамбовцев называет классические контракты всеобъемлющими, «предполагающими, что их стороны в состоянии предусмотреть и отразить в документе все возможные обстоятельства, при которых будет происходить реальный обмен (выполнение контракта), и все возможные реакции сторон на каждое из этих обстоятельств» [2, с. 34–35]. Примером такого контракта может служить однократная сделка по купле-продаже потребительских товаров.

Если в ходе обмена реализуются блага, ценность которых зависит от ценности других благ, то они представляют уже «специфические активы». При этом обмен приобретает форму неоклассического контракта. Так как при заключении этих контрактов невозможно точно оговорить все условия их реализации, эти контракты всегда являются неполными. Реализация таких контрактов предполагает наличие третьей стороны. В качестве таковой могут выступать государство, общественные и коммерческие организации, криминальные структуры. В соответствии с третьим типом контрактов, именуемых отношенческими, люди обмениваются взаимодополняемыми активами, которые не имеют ценности вне сочетания с определенными другими активами. Они носят название «интерспецифические активы». Так как данные контракты основаны на неявных, неформальных отношениях, их часто называют имплицитными.

Исходя из данной классификации, следует отметить, что особую роль в обеспечении воспроизводства человеческого капитала фирмы играют неоклассические контракты. На базе этих контрактов регулируются трудовые отношения между работодателями в лице владельцев фирмы или их представителей и носителями ее человеческого капитала. Особенность этих отношений проявляется в их исключительной сложности и многообразии, что не дает возможности учесть все обстоятельства их реализации. Основное содержание этих договоров составляют правила формирования и динамики роста заработной платы, которая является важнейшим источником обеспечения процесса воспроизводства человеческого капитала. В странах с развитой рыночной экономикой сложились две основные модели регулирования условий труда и заработной платы. *Первая – англосаксонская модель*. В ней основные правила формирования заработной платы

и другие вопросы взаимодействия работодателей и наемных работников устанавливаются на основе рыночных сигналов и мер макроэкономической политики государства. *Вторая модель* присуща континентальным странам Западной Европы с координируемой экономикой. Здесь институциональные условия формирования заработной платы и других факторов воспроизводства человеческого капитала создаются на основе механизма иерархического взаимодействия институциональных инструментов контрактации как внешней, так и внутренней среды предприятий. Ведущим институциональным инструментом в этой системе являются общенациональные соглашения между национальными объединениями профсоюзов, работодателей и органов государственной власти. Затем центр тяжести переговорных процессов смещается на отраслевой и межотраслевой уровень, где во многом и определяются основные параметры будущих соглашений. И наконец, условия отраслевого соглашения получают дальнейшее развитие в коллективных договорах, заключаемых на уровне отдельной компании.

В России механизм контрактации трудовых отношений, включая и вопросы формирования заработной платы, по своим формальным характеристикам напоминает институциональный механизм, действующий в странах Восточной Европы. Здесь договор между наемным работником и работодателем выступает как форма реализации четырехуровневой системы соглашений между субъектами трудового права: государством, профсоюзами, ассоциациями работодателей, фирмой и коллективом работников, а также отдельным работодателем и конкретным работником.

Вершиной иерархии в системе договорных обязательств работников и работодателей российских предприятий является общенациональное Генеральное соглашение, устанавливающее общие принципы регулирования социально-трудовых отношений. На этом уровне договоренности вырабатываются Российской трехсторонней комиссией, в состав которой входят Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР), Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и Правительство Российской Федерации. Следующую ступень занимают отраслевые (межотраслевые) тарифные соглашения, определяющие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли. Здесь в разработке и заключении соглашения принимают участие отраслевой профсоюз и отраслевое объединение работодателей. На уровне отдельной компании заключается коллективный договор между работниками в лице первичной профсоюзной организации и работодателем в лице его полномочных представителей – как правило, менеджмента компании. И наконец, на основе фирменных коллективных соглашений каждый работник заключает с работодателем индивидуальный трудовой договор. Несмотря на формальную схожесть сложившейся в России системы формирования трудовых соглашений с механизмом контрактации европейских государств, она имеет принципиальные особенности.

Во-первых, значительная часть трудовых отношений в экономике России регулируется не формальными неоклассическими контрактами, а неформальными имплицитными соглашениями. Особенно это относится к процессу формирования заработной платы. Значительная часть заработной платы работников российских предприятий является результатом устных договоренностей между работодателем и работником и поэтому приобретает скрытую форму. В 2000 г. эта величина достигла небывалых размеров – почти 1/3 общего фонда оплаты труда. И хотя величина скрываемой заработной платы начиная с 2006 г. стала сокращаться, однако и сегодня ее доля в общем фонде заработной платы достаточно велика. По оценке Б. Замараева, доля скрытой оплаты труда в заработной плате в 2007 г. составила 30,5% [3, с. 84].

Такой высокий уровень неформальной заработной платы (и посредством этого уход от налогообложения) происходит вследствие *низких транзакционных издержек нарушения закона*. Они явно ниже, чем выгоды, получаемые вследствие ухода от налогов.

Росту этих издержек способствуют социально-экономические институты, создаваемые с этой целью. Примерами таких институтов могут служить созданные в 2006 г. при налоговых органах и администрациях субъектов Федерации комиссии по легализации «теневой» заработной платы. И хотя вызов руководителя фирмы на комиссию не приводил к юридическим санкциям, их деятельность дала положительный результат. По всей вероятности, следует наделить подобного рода институты механизмами санкционирования, которые более значительно смогли бы поднять издержки, связанные с выплатой «теневой» заработной платы.

Кроме формирования заработной платы, неформальные контракты занимают значительное место в регулировании отношений между руководителями и работниками, которые являются носителями особо значимых компонентов корпоративного человеческого капитала. На их основе ценным специалистам создаются благоприятные условия. Основным элементом политики «особых отношений» с директором является система «личных контрактов». По оценке С.Ю. Барсуковой, такие контракты заключаются с 20–30% специалистов [4, с. 54]. Директор вносит в контракт обязательства по выполнению требований специалиста, например бесплатное медицинское обслуживание и удобный режим труда. С другой стороны, специалист берет на себя обязательства, в которых заинтересован директор: например, не увольняться в течение оговоренного срока, выполнять функции наставника по отношению к определенному числу молодых специалистов и др. Условия контракта накладывают жесткие ограничения как на директора, так и на работника, но они позволяют сохранять ценных сотрудников и максимально использовать их опыт и знания в подготовке нового поколения специалистов. Как правило, такие договоренности поддерживаются неформальной системой санкций и поощрений. Наконец, неформальными контрактами охвачена значительная часть трудовых отношений в сфере нестандартной занятости. Это чаще всего относится к работникам, выполняющим сверхурочную, временную или вторичную работу. По оценкам В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова, если в качестве критерия оценки нестандартной занятости *взять стандартность условий* трудового договора, то доля нестандартных работников в современной России составляет около 20% занятых [5, с. 23].

О значительной величине этих неформальных соглашений в России свидетельствует и тот факт, что в 2008 г. в ходе надзорно-контрольной деятельности по требованию госинспекторов труда с работниками было оформлено в письменном виде более 61,9 тыс. трудовых договоров, что на 9,3% больше, чем в 2007 г. [6, с. 57].

Во-вторых, незначительная роль коллективных договоров в системе регулирования отношений по поводу воспроизводства человеческого капитала на российских предприятиях. Следует иметь в виду, что, согласно статье 41 Трудового кодекса (ТК) РФ, объектами регулирования коллективных договоров, заключаемых работодателями и работниками, являются такие базовые условия воспроизводства человеческого капитала, как формы, системы и размеры оплаты труда; занятость и переобучение; условия высвобождения работников; рабочее время и отдых; улучшение условий и охраны труда; экологическая безопасность и охрана здоровья; частичная или полная оплата питания работников на производстве и другие вопросы. Во многом на основе этих соглашений создаются условия, обеспечивающие формирование и дальнейшее развитие уникальной комбинации специфических способностей трудовой деятельности компании.

Несмотря на всю важность этой формы контрактации, коллективные договора заключаются только на 5% предприятий РФ. В результате этого коллективными договорами в 2007 г. было охвачено всего 31% занятых работников (таблица 1).

Таблица 1 – Объем коллективных договоров в 2007 г. [7; 8]

Хозяйствующие субъекты		Охват предприятий коллективными договорами, %	Общая численность занятых работников, тыс. чел.	Охват работников коллективными договорами,	
Количество, тыс.	Прошли регистрацию коллективных договоров, тыс.			тыс. чел.	%
3 480,2	179	5	70 814	22 395	31

В большей степени коллективными договорами регулируются трудовые отношения на крупных российских предприятиях, а также на тех предприятиях, где установление уровня оплаты труда существенно зависит от позиции государства, в частности, его тарифной политики. Иная ситуация складывается в отраслях с большим числом средних и малых предприятий, например, в легкой промышленности или в секторе бытовых услуг. В своем большинстве на предприятиях малого бизнеса коллективные договоры не заключаются. Такое положение дел обусловлено слабостью механизма реализации данного института. Одним из важных компонентов этого механизма могла бы стать норма об обязательности заключения коллективных договоров на предприятиях всех форм собственности, как одного из условий осуществления хозяйственной деятельности. Данная норма могла быть также включена в статью 22 ТК РФ в части расширения обязанностей работодателя.

В-третьих, низкий уровень обеспечения реализации формальных соглашений. Как отмечалось выше, гарантом выполнения неоклассических контрактов, к которым относятся формальные трудовые соглашения, является государство. Государство разрабатывает трудовое законодательство и обеспечивает его исполнение через органы контроля и судебную систему. Однако далеко не всегда деятельность судебной системы и органов контроля является эффективной. Достаточно часто судебные разбирательства трудовых споров требуют большой продолжительности времени. Кроме того, нередки случаи «захвата института правосудия», то есть коррупционного влияния бизнеса на решения судей в свою пользу при рассмотрении трудовых споров с наемными работниками. И наконец, изначально разные возможности в отстаивании своих прав сторонами трудовых конфликтов. Как правило, работникам с их слабой правовой грамотностью противостоят представители бизнеса в лице хорошо подготовленных специалистов-правоведов. Все это приводит к тому, что работники чаще склонны обращаться к неформальным связям при защите своих трудовых прав, чем к органам судебной системы. Свидетельством такого положения являются данные опроса 1 600 человек в 140 населенных пунктах России, который был проведен в 2009 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [9]. Результаты опроса приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Способы защиты работниками своих трудовых прав, %

Способы отстаивания работником своих прав	Год				
	2004	2005	2007	2008	2009
1. Обращался к начальству по месту работы	21	16	17	22	19
2. Использовал личные связи (помощь друзей, знакомых, родственников)	5	4	5	6	5
3. Обращался в суд	5	1	4	5	5
4. Обращался в профсоюз, совет трудового коллектива	4	2	3	4	5

Продолжение таблицы 2

5. Стал меньше работать (не платят по справедливости – нечего и стараться)	5	4	2	3	2
6. Участвовал в митингах, забастовках, других акциях протеста	2	3	1	2	1
7. Отстаивал свои права силой или угрозой силы	1	1	1	1	1
8. Вынужден был давать деньги, подарки	1	1	1	2	1
9. Сменил место работы	7	2	7	12	6
10. Другие	3	3	2	2	2
11. Ни к каким способам не прибегал	53	67	60	45	56
12. Затрудняюсь ответить	5	7	7	8	8

Как видно из таблицы, большинство работников не имеют доступа к судам как основному институту защиты их трудовых прав. Вместо этого большинство из них или не прибегают ни к каким способам защиты, или в крайнем случае вступают в неформальные отношения с руководством фирмы. Под воздействием вышеназванных институциональных условий трансакционные издержки нарушения трудовых соглашений на российских предприятиях становятся значительно более низкими, чем выгоды, получаемые работодателями от их нарушения. Это и приводит к большому числу нарушений трудовых договоров. Так, ежегодно работниками территориальных органов Федеральной службы по труду и занятости России выявляется более 150 000 тысяч различных нарушений в области выполнения индивидуальных трудовых договоров. Высокий уровень нарушений договоренностей характерен не только для индивидуальных, но и для коллективных трудовых договоров. Результаты социологического исследования, проведенного в 2006 г. на крупных предприятиях Челябинской области, показали, что только на 43% охваченных исследованием предприятий коллективные договоры выполнялись полностью. На остальных допускались как незначительные (44%), так и грубые (13%) нарушения. Эти обстоятельства лежат в основе низкого уровня доверия работников к коллективным договорам как институту, способствующему обеспечить социальное партнерство между участниками трудовых отношений. Так, из 1100 человек, опрошенных в ходе исследования, примерно половина не склонна переоценивать эффективность и авторитет коллективных договоров. При этом 43,1% респондентов уверены, что даже если коллективный договор будет выполнен полностью, это все равно ничего не изменит в их положении [10, с. 137–139].

В-четвертых, слабое влияние профсоюзных организаций предприятий на процессы разработки, принятия и реализации договоров между участниками трудовых отношений. На основании статьи 29 ТК РФ интересы работников при проведении коллективных переговоров, заключении или изменении коллективного договора, осуществлении контроля за его выполнением, а также при реализации права на участие в управлении организацией, рассмотрении трудовых споров работников с работодателем представляет первичная профсоюзная организация. Профсоюзные организации представляют собой институциональное устройство, структура которого позволяет осуществлять контроль над соблюдением законодательства в области труда, его условий и оплаты, организовывать согласованные действия, направленные на защиту трудовых прав работников. Одновременно профсоюзные организации, при условии их эффективной деятельности, способствуют выработке духа коллективизма и взаимной поддержки. Все это свидетельствует о том, что профсоюзы являются одним из существенных институциональных устройств в системе воспроизводства человеческого капитала предприятий.

Российский рынок труда остается высоко юнионизированным. Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) объединяет 47 общероссийских отраслевых профсоюзов, из которых 41 имеет статус членских организаций и еще 6 выстраивают свои отношения с ФНПР на основе договоров. Эти организации объединяют около 28 млн человек, или около 40% общей численности занятых [11]. В то же время, несмотря на достаточно высокое присутствие профсоюзов в экономике, роль этого институционального устройства в обеспечении процесса воспроизводства человеческого капитала пока еще незначительна. Это обусловлено, по крайней мере, двумя причинами. Первая причина заключается в том, что профсоюзные организации представлены в субъектах экономической деятельности крайне неравномерно. Так, в секторе крупных и средних предприятий, в котором трудятся около 38 млн человек, уровень охвата профсоюзами превышает 70% [12, с. 94–95]. Как правило, профсоюзы имеются на предприятиях бюджетного сектора и промышленных отраслей, в то время как на большинстве коммерческих предприятий (торговля, сфера услуг, образование, банковский сектор) первичные профсоюзные организации отсутствуют. Собственники данных предприятий всячески препятствуют созданию первичных профсоюзных организаций, опасаясь получить коллективного представителя, отстаивающего интересы работников, права которых они часто нарушают. Исходя из этого, было бы целесообразно дополнить статью 22 ТК РФ в части расширения обязанностей работодателя нормой, обязывающей последнего обеспечивать благоприятные условия для создания на предприятии первичных профсоюзных организаций, и главу 9 нормой об ответственности работодателей за чинимые препятствия к созданию такой организации. Вторая причина низкой эффективности влияния профсоюзов организации на формирование человеческого капитала состоит в том, что даже на предприятиях, где имеются первичные профсоюзные организации, доверие к ним со стороны работников невысоко. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного Центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 16–17 мая 2009 г. Ответы на вопрос, «Как вы думаете, какую роль играют сейчас профсоюзы в России?», приведены в таблице 3 [13].

Таблица 3 – Мнение россиян о роли профсоюзов в защите их прав, %

Роль профсоюзов в защите прав работников	Год	
	1994	2010
1. Положительная: успокаивают общество, уменьшают социальную напряженность, защищают интересы трудящихся	11	16
2. Отрицательная: создают и провоцируют конфликты, враждуют между собой	7	4
3. Практически никакой роли не играют, реально людям не помогают	62	60
4. Затрудняюсь ответить	20	20

Пассивность в деятельности профсоюзов во многом объясняется тем, что содержание институтов данного институционального устройства не соответствует новым условиям рыночных отношений в сфере труда и занятости. Будучи равноправным субъектом этих отношений, располагая достаточно весомыми правами по заключению трудовых соглашений и их реализации, профсоюзные организации не несут должной рыночной ответственности за результаты своей деятельности ни перед работодателями, ни перед работниками. В связи с этим продуктивной может считаться идея о переходе в деятельности профсоюзов на договорные условия путем заключения личных договоров

с каждым работником, а затем, исходя из их поручений, – с работодателями [14, с. 38–44]. Совершенствование на такой основе деятельности профсоюзов приведет к формированию новых институциональных условий воспроизводства человеческого капитала организации. Во-первых, профсоюзы полнее будут учитывать мнения и конкретные интересы работников данного предприятия, отстаивая их в переговорном процессе с работодателями. Во-вторых, работая по договорам с трудящимися, профсоюзы могли бы получать от них доверенности на управление акциями предприятия, собственниками которых работники являются, а следовательно, и право на голосование от их имени в ходе общего собрания акционеров. Таким образом, профсоюзы могли бы получить реальные юридические права на активное участие в управлении предприятием. В соответствии с федеральным законом, владение 1% акций предоставляет профсоюзам, как доверенному лицу миноритарных акционеров, право требовать от Совета директоров акционерного общества реестр всех акционеров. Владение 2% акций – вносить в повестку дня общего собрания акционеров интересующие доверителей вопросы и свои кандидатуры в члены Совета директоров, а 30% – объявлять и проводить общее собрание самостоятельно. В результате профсоюзы по закону из просителей стали бы во многом равноправными партнерами с работодателями при решении трудовых вопросов. В-третьих, более значительные денежные поступления за выполненную профсоюзами работу могли бы создать серьезную экономическую базу для привлечения высококвалифицированных юристов, экономистов и других специалистов с целью отстаивания интересов трудящихся в переговорах с работодателями. Как известно, реализация любого договора как институционального устройства предполагает определенную систему санкций. В связи с этим в Трудовом кодексе должны быть предусмотрены меры материальной ответственности профсоюзов перед работниками в случае невыполнения предпринимателями условий коллективных договоров. Одновременно материальную ответственность профсоюзы должны нести и перед работодателями в случае невыполнения работниками норм труда, несоблюдения правил трудовой дисциплины, возникновения стихийных забастовок и др.

Такой подход будет стимулировать первичные профсоюзные организации к активной деятельности по защите прав и интересов работников, устранив из их работы элементы формализма и в целом обеспечит более высокое качество воспроизводства человеческого капитала фирмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олейник, А.Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / А.Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2002. – С. 229.
2. Тамбовцев, В.Л. Введение в экономическую теорию контрактов : учеб. пособие / В.Л. Тамбовцев. – М. : ИНФРА-М, 2004. – С. 34–35.
3. Замараев, Б. Особенности образования первичных доходов в Российской экономике / Б. Замараев // Вопросы экономики. – 2009. – № 4. – С. 84.
4. Барсукова, С.Ю. Неформальные способы регулирования трудовых отношений / С.Ю. Барсукова // ЭКО. – 2006. – № 5. – С. 54.
5. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 23.
6. Доклад «О результатах работы в 2008 году по осуществлению государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных и правовых актов, содержащих нормы трудового права». – М., 2009. – С. 57.
7. Российский статистический ежегодник. – М., 2009. – С. 31.
8. «О результатах работы в 2007 г. по осуществлению государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых

актов, содержащих нормы трудового права» // Доклад федеральной службы по труду и занятости. – М., 2008. – С. 67–68.

9. Режим доступа : <http://wciom.ru>.

10. Ахмадинуров, Р.М. Социальное партнерство на промышленных предприятиях / Р.М. Ахмадинуров, С.Н. Испулова // Социолог. исследования. – 2008. – № 3. – С. 137–139.

11. Режим доступа : <http://fnpr.org.ru>.

12. Вишневская, Н. Формирование заработной платы в России: роль отраслевых тарифных соглашений / Н. Вишневская, О. Куликов // Вопросы экономики. – 2009. – № 4. – С. 91–103.

13. Режим доступа : <http://wciom.ru>.

14. Ракоти, В. Перестройка профсоюзной работы на основе заключения личных договоров с трудящимися / В. Ракоти // Человек и труд. – 2009. – № 1. – С. 38–44.

Solodyha P.V. Contract Relations in the System of Reproduction of Human Capital of Company

In this article the idea and forms of contracts in system of employment relationship in Russia are shown. We clarify differences between Russian and East Europe system of contract in employment relationship.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.02.2012

УДК 334.021: 005.332.4

Михал Лесневски

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Проблема формирования конкурентоспособности является важнейшим вопросом для любой функционирующей в рыночной экономике организации. Конкурентоспособность касается не только предприятий, но также административного региона (воеводства), повята, гмины, национальных экономик и т.п. Цель статьи – презентация теоретического анализа проблемы конкурентоспособности административно-территориальной единицы в рыночной экономике, а также представление концепции пирамидальных отношений развития региона.

Введение

Проблема формирования конкурентоспособности является важным вопросом для любой функционирующей в рыночной экономике организации. Конкурентоспособность касается не только предприятий, но и административных регионов (воеводства), повята, гмины, национальных экономик и т.п. Эти образования участвуют в процессе привлечения инвесторов, формировании потенциала развития и проч., следовательно, им необходимо создавать условия для развития инновационности, предприимчивости и конкурентности. Рыночная экономика создаёт условия для гибкости организации к происходящим изменениям в окружающей хозяйственной среде. Конкурентоспособность, инновационность и предприимчивость образуют единую систему и создают для организации эффект синергии, а рыночная экономика способствует их развитию. Цель статьи – презентация проведенного автором теоретического анализа проблемы конкурентоспособности административно-территориальных образований, а также представление оригинальной концепции пирамидальных отношений в развитии региона.

Сущность конкурентности

Конкуренция – это понятие, присутствующее во многих науках и рассматриваемое в широком контексте; примером являются социальные науки (экономика, социология, психология и т.д.) [1]. С конкуренцией тесно связана конкурентоспособность. Конкуренция в экономике – это соперничество между поставщиками товаров и услуг на рынке. Конкуренция означает также соперничество между субъектами, основанное на том, что каждый из участников рынка старается предоставить покупателям лучшее предложение при условии, что одновременно во внимание принимается качество, цена и информация о продукте [2, с. 155]. Конкуренцию следует рассматривать как процесс, происходящий в экономике, в которой существуют: свобода предпринимательской деятельности, частная собственность и рыночная система формирования цен. Далее можно рассматривать понятие конкурентоспособности как возможность участия в процессе конкуренции, который может быть поддержан (но не обязательно) прочими участниками несмотря на возможные последствия. Кроме того, конкурентоспособность – это умение данного субъекта справиться с требованиями, продиктованными конкуренцией (другими конкурентами), например, обладание исключительным продуктом, ценой, промоушеном, дистрибуцией. В данном случае предметом рассмотрения является конкурентоспособность регионов, которая, конечно же, может быть перенесена и на любую другую общественно-экономическую область деятельности человека [3, с. 39].

Сущность конкурентоспособности региона

Первоначально понятие конкурентоспособности применялось только к экономическим субъектам, затем его использование было перенесено на уровень государства, а в последние годы его все чаще используют в контексте административно-территориальных

единиц: воеводств, повятов, гмин или городов. Несмотря на существующие в научной среде разногласия по этой тематике, все-таки формирование конкурентной силы в рамках конкурентоспособности было взято за основу принятой властями политики регионального развития [4, с. 18]. В области регионального развития конкурентоспособность понимается как характеристика региона, основанная на приспособляемости административно-территориальной единицы к изменяющимся условиям окружающей среды, т.е. на удержании или улучшении своих позиций в соперничестве с другими регионами на государственном и международном уровнях. Конкурентоспособность имеет многоаспектный характер.

Конкурентоспособность региона – это понятие, применяемое в двояком значении: во-первых, это группа признаков, характеризующих привлекательность региона и возможности вкладывать капитал в его развитие; во-вторых, это выражение конкурентоспособности изготавливаемых в регионе продуктов и услуг по сравнению с аналогичными продуктами и услугами, производящимися в других регионах. Кроме того, конкурентоспособность регионов можно рассматривать в статическом и динамическом аспектах. *Статический аспект* предполагает, что конкурентная позиция относится к оценке уровня конкурентоспособности региона в данный момент времени и выражается посредством установления определенного места в рейтинге [5, с. 60]. *Динамический аспект* конкурентоспособности означает долговременную способность данного региона создавать современные экономические структуры, эффективно использующие инновационные возможности развития региона, в результате чего обеспечивается рост благосостояния региональной экономики и социальной среды.

Конкурентоспособность – это динамические изменения, источником которых является непреодолимое желание занять лучшую позицию среди прочих регионов страны в экономической и общественной жизни [6, с. 13]. Можно сказать, что конкурентоспособный регион – это регион, в котором уровень развития человеческого капитала понимается как способность к опережению структуры потребностей, открытию их новых комбинаций, эффективному применению уже существующих или новых материалов и технологий, что в конечном итоге позволяет создавать структурные преимущества развития.

Гмины (в Республике Польша это единица административного деления. – *Ред.*) часто стремятся к укреплению своей конкурентной позиции посредством использования достоинств естественной и культурной среды, хозяйственной деятельности жителей, уровня предприимчивости, высокого уровня образованности, а также благоприятного географического расположения. Это безусловные козыри, которые в условиях соперничества позволяют усилить существующую конкурентную позицию. Однако соперничество может касаться и многих других направлений, таких как привлечение национальных и зарубежных инвесторов; доступ к различным финансовым ресурсам, в том числе публичным фондам и зарубежным банкам; размещение административных, финансовых и научных учреждений; организация культурных, торговых и туристических мероприятий; сохранение существующих материальных активов; привлечение туристов, студентов, потенциальных жителей и т.п. [7, с. 58].

Деятельность местных властей может касаться одного или нескольких из перечисленных направлений соперничества. В настоящее время значение проблемы конкурентоспособности как способности достижения высокой позиции среди прочих административно-территориальных единиц увеличивается. Итак, можно определить следующие разновидности конкурентоспособности гмин:

1) местная (проявляется как способность управлять и продавать красоту деревенских пейзажей, организовывать развлечения в естественной природной и культурной среде);

2) экономическая (связана со стоимостью и качеством произведенных на территории гмины благ и услуг, а также с экономической привлекательностью региона, основанной на имеющихся природных ресурсах и их размещении);

3) социальная (показывает условия, обеспечивающие занятость жителям гмины);
4) инвестиционная (означает создание привлекательных условий для внутренних и внешних инвесторов) [8, с. 149].

Конкурентоспособность регионов означает также наличие преимуществ или первенства по отношению к другим регионам, которые с точки зрения стратегии управления составляют одноименную стратегическую группу [9, с. 47]. Конкурентоспособность региона проявляется также и посредством формирования стратегического альянса, т.е. сотрудничества и партнёрства с другими регионами в пределах осуществления общих инвестиций, предоставляющих возможность достижения определенного конкурентного преимущества. По мнению А. Класика, конкурентоспособность региона – это такое преимущество перед другими регионами, которое обеспечивает привлекательность предложения услуг для настоящих и потенциальных пользователей в данном регионе, т.е. жителей, фирм, посетителям; его источником является действующая финансовая, организационная и интеллектуальная система региона.

Конкурентоспособность вытекает также из таких факторов, которые определяют наиболее сильные стороны региона; их источником, кроме прочего, являются образовательная и экономическая системы, а также инфраструктура [10, с. 99–100].

Механизмы конкуренции работают не только среди хозяйствующих коммерческих субъектов, но также охватывают и территориальные образования. Целесообразно и обоснованно поэтому определять свою позицию в конкуренции на фоне сопоставимых друг с другом регионов, но среди тех, которые сознательно соперничают между собой. Конкуренция должна охватывать группы регионов, сопоставимых по размерам и хозяйственному значению, профилю и географической позиции, расстоянию от столиц и крупных городов, непосредственного соседства. Конкурентные преимущества, установленные и оцененные в данной стратегической группе среди непосредственно или опосредованно конкурирующих регионов, требуют дополнительного анализа и оценки в аспекте применения для прочих совокупностей продуктов и ресурсов любого другого региона страны.

Факторы конкурентоспособности регионов

Высокий или низкий по отношению к прочим уровень конкурентоспособности данного региона, рассматриваемый в аспекте его продуктов, является основанием для установления их стоимости и цен. Регионы, конкурирующие друг с другом на отечественном и международном рынках, продукт или продукты которых в высшей степени оправдывают ожидания клиентов и удовлетворяют потребителей (по сравнению с регионами-конкурентами), получают специфические конкурентные преимущества. Итак, факторами, формирующими конкурентоспособность региона, являются: ресурсы, признаки, потенциал, компетенции. Эти факторы можно разделить на следующие группы: материальные и нематериальные ресурсы региона, а также техническая, интеллектуальная и организационная системы. К ресурсам региона относится эндогенный потенциал развития. Ресурсы региона, приравненные к ресурсам регионов-конкурентов, позволяют определить и оценить сильные и слабые стороны региона, его преимущества и слабости [10, с. 58].

Высокий уровень конкурентоспособности региона определяют уникальные признаки и условия, которыми располагает данный регион, но которыми не обладают (или обладают в меньшей степени) прочие регионы, создающие конкурентную среду. Низкий уровень конкурентоспособности устанавливаются те признаки и факторы, а также условия изучаемого региона, которые в сравнении с главными регионами-конкурентами формируются для него невыгодно. Тем самым последние становятся его недостатками и барьерами в развитии. На этой основе можно говорить о разных профилях и конкурентных позициях регионов, входящих в состав определённой стратегической группы.

Целью стратегического анализа ресурсов региона (регионов), являющихся главными конкурентами, является извлечение таких способностей и потенциала, или возможностей, которые позволяют обеспечить устойчивую конкурентную позицию на рынке товаров-субститутов. Описание конкурентной стратегии региона означает определение конкретных направлений и шагов, которые позволят решить проблемы, вытекающие из конкурентной борьбы между регионами. Преобразование проблемы конкурентоспособности регионов в стратегическую цель позволяет обнаружить, что укрепление конкурентоспособности следует считать одной из важнейших целей политики регионального развития [10, с. 60]. Таким образом, конкурентные стратегии позволяют перевести регионы из настоящей конкурентной позиции в будущую, определенную как перспективная.

Анализ конкурентоспособности регионов

Региональный аспект конкурентоспособности состоит из двух элементов: межрегиональной дифференциации и размера рынка. Различия в производительности и инновационности определяют региональные неравенства, существование которых можно рассматривать как признак конкурентоспособности отдельных территориальных единиц. Объективно предопределённые различные тенденции в развитии регионов исчезают в процессе спланированного выравнивания таких различий. Наличие же различий ускоряет создание «плюсов развития», которые усиливают конкуренцию на территории всей страны. В регионах, требующих реструктуризации, необходимым условием достижения высшей конкурентоспособности является развитие инфраструктуры, науки и образовательной системы, а также другие действия, увеличивающие шансы эффективной интервенции в хозяйственную среду [11, с. 52].

Усиливающееся соперничество экономических субъектов за участие в разделе мирового рынка вызывает изменение их ориентации с местного и/или отечественного рынка на глобальный рынок. Стремясь к безусловному развитию, они ищут «шансы для получения успеха и их умелого использования против накапливающихся трудностей». Объём регионального рынка (его ёмкость), а также требования локальной хозяйственной среды способствуют приспособлению субъектов к глобальному рынку: «локальные покупатели могут помочь государственным компаниям завоевать преимущества, если их нужды опережают или даже формируют нужды в других государствах, если они подают постоянные сигналы, предупреждающие о мировых рыночных трендах» [12, с. 218].

Конкурентоспособность регионов в большой степени зависит от конкурентоспособности предприятий, находящихся на их территории. Международный характер деятельности предприятий, а также достигаемые ими результаты определяют направление и темпы развития экономики региона, а также уровень благосостояния населения. Регион, в котором образуется успешная фирма, влияет на её хозяйственную среду, характер, ментальность управленческого персонала, отношение к окружению и стратегии, а также на доступ к определённым видам ресурсов; таким образом, конкурентное преимущество предприятия создаётся и поддерживается в неразрывной связи с местом его локализации.

Основой развития регионов является специализация в определённых областях экономической деятельности. Специализация в областях экономики усиливает необходимость приспособления внутренних структур к исполняемым внутренним и внешним функциям, что влияет на специализацию в других регионах (т.е. определяет конкурентный спрос). В результате формируется система внутренних и внешних связей, основанная на движении товаров, услуг, капитала, людей и информации. Эта система зависит как от изменений в области научно-технического прогресса, так и от изменений в общественно-территориальном разделении труда.

Различия в технической оснащённости регионов, а также интенсивность существующих связей обеспечивают их относительную обособленность. Эта обособленность

может иметь двоякий характер, результатом которого являются самостоятельность по сравнению с другими регионами и взаимозависимость по определённым функциям [13, с. 57]. Конкурентоспособный регион характеризуется относительно высокой степенью удовлетворения спроса на труд, ростом производительности труда, интенсивным развитием, не зависящим от количества рабочих мест. Конкурентоспособный регион получает также высокие доходы от максимального использования собственного потенциала, в главной мере – человеческого. Общая эффективность региона зависит от его экономической структуры: чем больше людей работает в наиболее эффективных секторах экономики, тем большую эффективность и более высокий уровень конкурентоспособности имеет регион.

В условиях открытого рынка регион должен иметь способность привлекать инвесторов к наиболее технологичным секторам и создавать в них новые рабочие места. По мнению М.Э. Портера, в формировании местных и региональных конкурентных преимуществ доминирующее значение имеет фактор географической концентрации, а также качество местной хозяйственной и институциональной среды. Классические факторы производства вследствие глобализационных процессов становятся всё более доступными. Преимущества в промышленных отраслях все более связаны с детерминированными различиями на уровне знания и инновационности и проявляются в способностях людей и организационной культуре. Д. Страхл и Э. Собчик, рассматривая вопрос конкурентоспособности региона, приводят понятие главного регионального *мегапродукта*. Стоимость произведённого в регионе мегапродукта является существенным элементом при определении его позиции среди других образований того же типа, что в свою очередь предоставляет возможность оценивать его конкурентоспособность. *Мегапродукт* определяется как совокупная сумма непосредственной конкурентоспособности региона, которая является результатом отдельных параметров конкурентоспособности фирм, расположенных на данной территории, а также посредственно понимаемой как синергетический эффект конкурентной деятельности всех локальных факторов [14, с. 27–29].

Конкурентную силу региона можно определить, анализируя структуру его ресурсов, а также функционально-пространственные отношения с другими регионами. Дифференциация этой силы отражает конкурентные способности региона, особенно с точки зрения тех элементов, которые напрямую не зависят от него: например, интенсивность конкуренции, уровень общественных и частных инвестиций, инновационность и технологический прогресс, развитие человеческого капитала, предприимчивость, а также расходы капитала и работы [15, с. 6–8].

Проблема анализа конкурентоспособности региона и других административно-территориальных единиц верно вписывается в концепцию *пирамидальных отношений развития региона*, которая является соединением понятий конкурентоспособности, инновационности и предприимчивости [16]. Между этими элементами нельзя установить определенные границы, так как эти элементы взаимно дополняют друг друга, т.е. являются комплиментарными. Все эти элементы определяют стоимость данной организации. Пирамидальность отношений развития региона может быть адаптирована к любой организации подвергнутой правилам конкуренции. Любая организация, в том числе и регион, в условиях рыночной экономики требует формирования конкурентоспособности, инновационности и предприимчивости.

Заключение

Конкурентоспособность можно определить как неотъемлемый элемент развития организации (в том числе административно-территориальных единиц), который развивается посредством инновационности и предприимчивости. Формирование потенциала организации может осуществляться на основе одного или нескольких элементов [3]. Потенциалом организации является интеграция трёх элементов, т.е. конкурентоспособно-

сти, инновационности и предприимчивости, где последние формируют концепцию пирамидальных отношений в развитии региона. Конкурентоспособность должна быть постоянно наблюдаемым (проверяемым) параметром. Проведённый теоретический анализ конкурентоспособности административно-территориальных единиц показал, что конкурентоспособность относится к характеристикам стратегического управления, которое предоставляет возможность занять соответствующее региону место на рынке, который создают административно-территориальные единицы. Современные вызовы рынка приносят организации к выработке способности объединения в единое целое и конкурентоспособности, и инновационности, и предприимчивости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leśniewski, M.A. Konkurencyjność przedsiębiorstw. Wybrane problemy / M.A. Leśniewski. – Toruń, 2011.
2. Świtalski, W. Innowacje i konkurencyjność / W. Świtalski. – Warszawa, 2005.
3. Leśniewski, M.A. Konkurencyjność jako czynnik aktywizujący rozwój gmin Województwa Świętokrzyskiego / M.A. Leśniewski // Przedsiębiorczość a konkurencja w regionie Świętokrzyskim / Z. Olesiński (red.) – Kielce, Akad. Świętokrzyska im. J. Kochanowskiego, 2007. – T. I.
4. Podstawowe problemy polityki rozwoju regionalnego i lokalnego / Z. Mikołajewicz (red.). – Opole, Polskie Tow-wo Ekon.; Wyższa Szkoła Zarządz. i Administracji w Opolu, 1997.
5. Konkurencyjność regionów / M. Klamut (red.). – Wrocław, 1999.
6. Wysocka, E. Teoretyczne podstawy konkurencyjności w planowaniu przestrzennym / E. Wysocka [i in.]. – Warszawa, 2001.
7. Wojciechowski, E. Zarządzanie w samorządzie terytorialnym / E. Wojciechowski. – Warszawa, 2003.
8. Szymła, Z. Konkurencyjność miast i regionów / Z. Szymła. – Kraków, 2001.
9. Hausner, J. Identyfikacja nowych problemów rozwoju regionalnego / J. Hausner, T. Kudłacz, J. Szlachta. – Warszawa, 2004.
10. Klasik, A. Konkurencyjność województwa śląskiego na tle innych regionów. Ujęcie syntetyczne / A. Klasik // Województwo Śląskie. Integracja, konkurencyjność, nowe inicjatywy; II Śląskie Forum Rozwoju Lokalnego i Regionalnego. – Katowice, 2001.
11. Kołodziejcki, J. Strategia równoważenia rozwoju podstawą koncepcją polityki przestrzennego zagospodarowania kraju / J. Kołodziejcki. – Warszawa, 2004.
12. Porter, M.E. Porter o konkurencji / M.E. Porter. – Warszawa, 2001.
13. Kołodziejczyk, J. Model planowania regionalnego / J. Kołodziejczyk. – Warszawa, 2003.
14. Strahl, D. Konkurencyjność regionu Dolnego Śląska / D. Strahl, E. Sobczak. – Wrocław, 1999.
15. Kuciński, K. Konkurencyjność jako zagadnienie regionalne / K. Kuciński. – Warszawa : Instytut Funkcjonowania Gospodarki Narodowej, 1998.
16. Leśniewski, M. Zrównoważony rozwój a konkurencyjność gmin / M. Leśniewski. – Kielce : Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego, 2010.

Lesnevski M. The Competitiveness of the Units of Local Self-government in a Market Economy

The problem of forming competitiveness poses a serious challenge for any organization of a functioning market economy. Competitiveness concerns not only enterprises, but also administrative region (State), district, commune, economies, etc. The objective of the article is to present a theoretical analysis of the problem of competitiveness of a local self-government unit in a market economy and to give an idea of the concept of pyramid relations of the development of the region.

Рукапіс паспуіў у рэдкалегію 22.02.2012

УДК 330.117

Ю.А. Власюк, М.Т. Козинец

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В статье рассмотрены методологические подходы к категории «предпринимательство», генезис данного понятия в науке. Выявлены причины отсутствия единства мнений по данному вопросу. Показаны возможные трактовки категории «предпринимательство» с социальной общенаучной позиции. Рассмотрена декомпозиция данного явления как социально-экономической системы. Представлены атрибутивные свойства и категориальные признаки предпринимательства. Показана социальная роль предпринимательства в экономике знаний и его инновационная направленность. Обосновано положение об основном результате предпринимательской деятельности в ноосферной экономике – социально ориентированных сложных инновационных интеллектуальных продуктах. Показана трансформация институциональной матрицы предпринимательства под воздействием политических, экономических и социальных мотиваций. Доказана необходимость изменения принципов и моделей успешной предпринимательской деятельности.

Введение

В научной литературе предпринимаются многочисленные попытки осмысления предпринимательства как важнейшего явления социально-экономической жизни общества и определения его сущности. Существуют различные подходы к выявлению сути и содержания понятия «предпринимательство», проявляющиеся в том, что данный феномен рассматривается и как экономическая категория, и как метод хозяйствования, и как тип экономического мышления, и как специфический сектор экономики. Предпринимательство представляет собой особую форму экономической активности, основанную на инновационном, самостоятельном подходе к производству и поставке на рынок товаров и услуг, приносящих субъекту предпринимательской активности доход и осознание своей значимости. Развитие предпринимательства необходимо рассматривать в динамике происходящих социально-экономических процессов, его состояние может быть понято лишь после анализа закономерностей и тенденций в генезисе его развития. Наблюдаемая трансформация института предпринимательства связана с происходящими в обществе изменениями, характерными для ноосферной экономики. В отличие от индустриальной экономики, основанной на материальных активах и финансовом капитале, основу экономики знаний составляют нематериальные активы и интеллектуальный капитал. Происходит интеллектуализация всего общества и предпринимательства как основного проводника инноваций. Следует отметить важность поиска эффективных моделей, механизмов и инструментов интеллектуального обеспечения инновационного развития.

Феномен предпринимательства в науке

Предпринимательство – один из самых сложных и многогранных экономических и социокультурных феноменов истории человечества. Для преодоления сложности изучения предпринимательства как социально-экономической системы в науке были приняты попытки ее декомпозиции. Предпринимательство как социально-экономическое явление находится в поле зрения экономистов, социологов, историков, культурологов и других ученых. Тем не менее в современной науке отсутствует единство в понимании сущности этого явления, его отличительных признаков и общепринятого определения самого термина «предприниматель». Основные причины этого следующие:

1. Многоаспектность явления, которая определяется плюрализмом методологических подходов к его исследованию. Категорию предпринимательства невозможно рассматривать только с позиции экономической теории. Сложность явления требует изучения его с позиции социологии, психологии, философии, синергетики.

2. Это развивающееся явление. С изменением макроэкономических задач, стоящих перед обществом, меняется и оценка роли и места предпринимательства в экономике. Предпринимательство имеет глубокую специфику в различных исторических, экономических и социокультурных условиях.

3. Предпринимательство – сравнительно новый в масштабах исторического развития общества феномен.

4. Слово «предпринимательство» является одновременно и общеупотребительным термином, и научным понятием.

Теория предпринимательства

В развитии теории предпринимательства, как и любой другой теории, можно выделить такие этапы, как возникновение теоретических предпосылок, формирование теоретических рамок исследований и накопление эмпирической базы. Но с течением времени накопленные эмпирические данные вступали в противоречие с теоретическими постулатами и приводили к переосмыслению теоретических предпосылок и возникновению новых ступеней развития.

В экономических учениях возникновение предпринимательства принято связывать с рождением капиталистического общества с его институтом частной собственности, рыночной экономикой и свободной конкуренцией. Товарное производство исторически и генетически является исходным пунктом предпринимательства. Однако если рассматривать категорию предпринимательства более широко, то возникновение первых попыток предпринимательской деятельности следует отнести к первобытнообщинному строю, когда у человека появляется излишек материальных благ, в связи с чем возникает потребность этот излишек обменять, получив тем самым дополнительные материальные блага. Такой тип предпринимательства впоследствии был назван Вебером «авантюристическим». Между тем сам по себе обмен еще не является источником предпринимательства. Он становится таковым, когда превращается в составное звено единого хозяйственного оборота, а производство для обмена становится определяющей функцией хозяйствующих субъектов.

Понятие «предпринимательство» получает свое развитие в XVII в., когда предпринимателем стали называть человека, заключавшего с государством контракт на выполнение работ или поставку определенной продукции. В экономической литературе понятие «предприниматель» впервые появилось во Всеобщем словаре коммерции, изданном в Париже в 1723 г. Под предпринимателем понимался человек, берущий на себя обязательство по производству или строительству объекта. Экономисты были первыми, кто заинтересовался феноменом предпринимательства (Кантильон, Бодо, Смит, Сэй, Шумпетер и др.). Однако они так и не пришли к единому определению предпринимательской сущности. Как отмечал П.Ф. Друкер, «прошло уже много лет с тех пор, когда Сей ввел в оборот этот термин, а мы еще все продолжаем путаться в определениях “предприниматель” и “предпринимательство”» [1, с. 31].

Экономисты рассматривали предпринимательство как социально-экономическое явление. Они стремились определить роль предпринимателя в экономической системе и влияние его деятельности на экономику. Такой подход называют функциональным, и он подвергается критике со стороны социологов и психологов, т.к. не учитывает поведенческую составляющую данного феномена. Первыми социологами, обратившими внимание на предпринимательство и на поведенческие стереотипы предпринимателя, были представители австро-немецкой школы М. Вебер и В. Зомбарт. Предприниматель стал объектом научного исследования психологов («школа черт характера» и типологическая школа). Еще одно направление исследований феномена предпринимательства связано с поиском особых генетических и национальных предрасположенностей к этой деятельности. Хофстед установил зависимость активности предпринимательства от культурных норм и психо-

логических переменных. Таким образом, в изучении феномена предпринимательства можно выделить несколько подходов: функциональный (Смит, Шумпетер, Хайек, Друкер), индивидуалистический (Вебер, Зомбарт, Макклелланд), «школа черт характера» (Гасс, Блэ, Тулуз), типологический (Смит, Лоррэн, Лауфер), «школа предпринимательского действия» (Гартнер). В последние десятилетия появились работы, делающие попытки рассматривать это явление комплексно (Шаперо, Ле Маруа и др.). В их трудах предпринимательство выступает не только как важнейший элемент экономической жизни общества, но и как системообразующий фактор социальных и культурных отношений.

Методологический подход к содержанию категории «предпринимательство»

В свете рассмотренных расхождений предпринимательство раскрывается как многозначное понятие, которое выражает даже не только и не столько многогранность этого феномена, сколько особенности различных школ в современной науке. Междисциплинарный характер данной отрасли знания и существование различных подходов к определению сущности повлияли на тот факт, что сегодня категория «предпринимательство» представляет собой широкий спектр неоднозначных и специфических характеристик.

С точки зрения методологического подхода, трактовку категории «предпринимательство» с социальной общенаучной позиции можно рассматривать следующим образом:

1. Предпринимательство как социально-экономическая система. К системообразующим признакам предпринимательства относятся:

1.1. Предпринимательство – сложноорганизованное, упорядоченное, четко расчлененное целое.

1.2. Предпринимательство включает в себя отдельных индивидов, объединенных общностью целей.

1.3. Предпринимательство, как и всякая система, образует новое качество, не сводимое к сумме качеств ее элементов.

1.4. Предпринимательство – гетерогенная социальная система, включающая такие элементы, как человек, предприятие, географическая местность и т.п.

1.5. Предпринимательство как социально-экономическая система отличается максимальной сложностью, т.к., во-первых, основной ее элемент – человек, который обладает субъектностью и наибольшим диапазоном выбора поведения; во-вторых, оно состоит из множества элементов, уровней и подсистем, связанных между собой.

1.6. Предпринимательство как система связано с системой более широкого масштаба и с обществом в целом.

1.7. Предпринимательство – открытая система, способная обмениваться информацией с внешней средой.

2. Предпринимательство как интегральный социально-экономический субъект. В современной экономической теории не выработано единого подхода к категории «социально-экономический субъект». П.Г. Никитенко и С.Ю. Солодовниковым предложена следующая дефиниция социально-экономического субъекта: «Индивид (или группа индивидов), персонифицирующий определенные социальные и экономические функции, обладающий специфическими потребностями и активностью по отношению к иным субъектам... Социально-экономические субъекты – ...определенным образом организованная совокупность социально-экономических связей и отношений» [2, с. 33].

3. Предпринимательство как социальный класс (кумулятивная группа), объединенный по роли и месту в системе экономических отношений. Социальный класс – «солидарная совокупность индивидов, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессионально-имущественно-правовые интересы». Согласно разграничению социальных классов на произ-

водительные и непроизводительные, предпринимательство занимает ведущее место по степени производительности.

4. Предпринимательство как страта. Страта включает в себя множество людей с каким-то общим статусным признаком своего положения, чувствующих себя связанными друг с другом этой общностью. В качестве этого признака могут выступать производственные, экономические, политические, социально-демографические, культурные и др. отношения. Принято считать, что страты в отличие от класса формируются не по чисто экономическим или производственно-профессиональным признакам, а по признакам, связанным с культурно-психологической оценкой (нормы, ценности, представления, образцы поведения и навыки), которые реализуются в индивидуальном поведении и сознании. Предприниматели операционализируются по критериям социальной стратификации: политический потенциал группы (объем властных и управленческих функций), экономический потенциал (масштаб собственности), а также социокультурный потенциал (уровень образования, квалификации и т.д.). Попытки выделения предпринимателей как особой социальной группы в рамках социальной стратификации были сделаны российским социологом Т.И. Заславской.

5. Предпринимательство как социальная общность. Социальная общность – это относительно устойчивая совокупность индивидов, отличающаяся сходными условиями и образом жизни, сходными интересами, объединенная исторически сложившимися устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков.

6. Предпринимательство как социальный институт. Несмотря на более чем столетнюю историю институционально-эволюционной теории, в отечественной и зарубежной научной литературе не сложилось однозначного понимания категории института. Институты возникают в ходе развития человеческого общества, дифференциации видов деятельности, разделения труда, формирования специфических видов общественных отношений. К числу общих признаков социального института можно отнести: определенную организацию, наличие норм и предписаний, наличие социально значимых функций.

7. Предпринимательство как структура. Если рассматривать предпринимательство с позиции структуралистского подхода, то его можно обозначить как структуру.

Многогранность категории «предпринимательство» позволяет рассматривать его с позиции нескольких различных уровней:

1. Предпринимательство как экономическая категория (субъектно-объектные отношения). Субъект – предприниматель; объект – сама хозяйственная единица, где комбинируются факторы производства и посредством изготовления и реализации товаров/услуг достигаются цели данной хозяйственной единицы и ее собственника-предпринимателя.

2. Предпринимательство как метод хозяйствования и элемент бизнеса. Основные характеристики: самостоятельность и независимость, наличие у предпринимателей определенной совокупности свобод и прав, экономическая заинтересованность, ответственность, рискованность и т.п. Антипод предпринимательскому способу хозяйствования – бюрократическая командная экономика.

3. Предпринимательство как тип экономического мышления. Это особый тип поведения, образ мыслей, неотъемлемыми составляющими которого являются инициатива, поиск нетрадиционных решений, масштабность и риск, деловая хватка, инновационность, нацеленность на результат, оригинальность.

4. Предпринимательство как особый сектор экономики. В странах с рыночной системой хозяйствования основными субъектами экономической деятельности являются сектор частного предпринимательства, сектор государственных организаций и предприятий и т.н. «третий сектор». Предпринимательство выступает как системообразующий элемент процесса становления рыночной экономики.

5. Предпринимательство как фактор производства. А. Маршалл считал предпринимательство четвертым фактором производства и доказал, что при относительном равенстве остальных трех нация будет тем богаче, чем значительнее развитие предпринимательства в экономике страны.

Атрибутивные свойства и категориальные признаки предпринимательства

Рассматривая категорию предпринимательства, необходимо выделить ее атрибутивные свойства. Анализ критериев, которые позволяют отнести тот или иной вид деятельности к предпринимательству, а конкретное лицо – к предпринимателям, позволяет выделить следующие:

1. Управление капиталом с целью получения прибыли (к предпринимательству не может быть отнесена деятельность, не связанная с управлением экономическим, культурным, символическим и другим капиталом, общественная, благотворительная и т.п. деятельность, не имеющая целей извлечения прибыли).

2. Активность субъекта (данный критерий исключает пассивные формы получения дохода от собственности на капитал, землю, средства производства).

3. Систематичность деятельности (критерий позволяет исключить из рассмотрения в качестве предпринимательства случайные, эпизодические акты, приносящие прибыль их субъекту).

4. Самостоятельность и ответственность субъекта (любая предпринимательская деятельность ограничена определенными социальными, правовыми, культурными и прочими нормами и в этом смысле свободна лишь отчасти).

Для преодоления сложности изучения предпринимательства как социально-экономической системы в науке были предприняты попытки ее декомпозиции. Объектом исследований стал предприниматель как элемент системы. И здесь наблюдается не меньше многообразия и расхождения в определении сущности этого понятия. Конституирующими признаками предпринимательства, согласно различным научным школам, можно назвать следующие:

1. Предприниматель – собственник. Он, как обладатель частной собственности, располагает всеми прерогативами и функциями, необходимыми для использования объекта собственности (А. Смит, Ж. Бодо).

2. Предприниматель – новатор (Й. Шумпетер, П. Друкер, И.Г. фон Тюнен, Ф. фон Хайек, К. Веспер, Р. Хизрич, М. Питерс).

3. Предприниматель – реформатор (Й. Шумпетер).

4. Предприниматель – индивид, готовый на риск (Р. Кантильон, Ж.Б. Сэй, И.Г. фон Тюнен, Ф.Х. Найт, Д. Макклеланд).

5. Предприниматель – менеджер (Ж.Б. Сэй, М. Кассон, Ж. Бодо, Ф.А. Уокер, В. Зомбарт).

6. Предприниматель – продавец (М. Вебер, В. Зомбарт).

7. Предприниматель – соединитель факторов производства с целью увеличения суммарной стоимости. (Ж.Б. Сэй, К. Веспер).

8. Предприниматель – капиталист (Ж. Бодо, Д. Рикардо).

9. Предприниматель – инвестор (М. Вебер).

10. Предприниматель – работодатель.

Социальная роль предпринимательства в инновационной экономике

Предпринимательство в экономике знаний все больше ориентировано на максимизацию рыночной стоимости компаний, в которой удельный вес начинают занимать нематериальные активы: технологические, маркетинговые, клиентские и т.п. Основным экономическим продуктом предпринимательской деятельности все чаще выступают интеллектуальные и высокотехнологичные продукты, а предприниматели становятся интеллектуалами, знаменуя развитие нового типа предпринимательства – интеллектуального.

Инновационная направленность в условиях экономики знаний является одним из главных атрибутивных признаков предпринимательства, а новаторский характер деятельности – одним из главных конституирующих признаков предпринимателя как элемента системы. Таким образом, предпринимательство можно определить как инициативную инновационную деятельность, направленную на поиск нестереотипных подходов к постановке задач и их решению.

Предпринимательство все больше социализируется в связи с его интеллектуализацией. Интеллектуальное предпринимательство осуществляется людьми с высшим образованием, развитым интеллектом и высокой степенью креативности. Основным результатом их предпринимательской деятельности – социально ориентированные сложные инновационные интеллектуальные продукты. Представители интеллектуального предпринимательства предвосхищают потребности, которые еще не сложились на рынке, формируют спрос.

Как и всякая система, экономическая система стремится к стабильности и в определенной мере инерционна. Специфическая роль предпринимателей состоит в преодолении инерционности экономической системы и стремлений хозяйственных субъектов действовать согласно установившимся практикам. Любая инновация в хозяйственной сфере сопряжена с определенным риском, которого традиционные экономические субъекты пытаются избежать. Предприниматель постоянно нарушает стабильность системы, находя новые модели хозяйствования и новые стратегии поведения.

Предприниматель исчисляет пригодность идеи (инновации) и опирается на интуицию. Рыночная стихия – та область, где нет кристальной ясности и стабильности. Поэтому ключевым фактором успеха предпринимателя выступают интуиция и другие нерационализируемые факторы. Для предпринимателя поиск рискованных ситуаций и умение их разрешать обладают самостоятельной ценностью. Только на ранней стадии деньги и прибыль – адекватное вознаграждение за риск. В дальнейшем же все больший вес приобретает индивидуальное, «я». Вместе с тем предпринимателя никак нельзя уподобить безрассудному игроку. Вопреки распространенному мнению, отождествляющему предпринимательство и риск, удачливые предприниматели рискуют умеренно, за смелым решением у них скрывается трезвый учет объективных возможностей и собственных сил.

По мнению Дж. Ронена, Д. Канемана, А. Тверски, П. Фишбуерна и некоторых других ученых, предприниматели обладают избирательной эвристикой. Они умеют нестандартно решать обычные задачи и активнее других людей сопротивляются давлению внешних обстоятельств. Кроме этого, они отбрасывают второстепенные задачи и останавливаются на главных. Проекты, благоприятствующие успеху, задумываются и осуществляются ими куда быстрее, чем нейтральные или содержащие опасность.

Таким образом, для предпринимателя свойственно умение моментально найти подходящее для данной ситуации действие и определить его темп, реализовать гибкую модель поведения при достижении цели, отыскать плодотворные идеи и выбрать нужную информацию. Действия инновационного предпринимателя напоминают поведение ученого: он умеет обнаружить в информации скрытый смысл. Постоянный возврат с новых позиций к прежней цели, поиск альтернативных путей к ее достижению – важные аспекты менталитета предпринимателя. Предпринимателю-инноватору свойственна структура ценностей с нацеленностью на постоянное обновление.

Инновационный потенциал как интеллектуальная и деловая подготовленность к участию в инновационных процессах проявляет тенденцию к концентрации в узком сегменте общества. Ни высшие, ни низшие слои общества не обладают достаточным инновационным потенциалом. Высшие слои в силу своей самостоятельности инертны и не располагают мотивацией для инновационной активности. Они не заинтересованы в изменении сложившейся системы. Исторический опыт показывает, что высшие слои характеризуются скорее консервативными, нежели инновационно-реформаторскими позициями. Низшие

слои общества не обладают ни мотивацией, ни культурным капиталом. Предпринимателем становится тот, кто обладает решимостью бросить вызов существующим обычаям и порядкам. С социальной точки зрения, роль предпринимателя в инновационном развитии общества чрезвычайно важна. Предприниматель как основатель нового дела больше озабочен перспективами развития бизнеса, чем быстрой прибылью. Он отличается сочетанием высокого уровня мотивации достижения и высокого уровня социальной ответственности.

Заклучение

Несмотря на обилие научных работ, посвященных предпринимательству, не существует консенсуса в категоризации предпринимательства, не создано цельной теории современного предпринимательства. Отсутствует общепринятое определение предпринимательства. Малоизученными остаются такие проблемы предпринимательства, как его роль в социально ориентированной экономике и воздействие на результирующую социальную динамику, механизмы саморазвития, институциональные особенности формирования и поддержки предпринимательства. В современных условиях институциональная матрица предпринимательства постоянно трансформируется под воздействием политических, экономических и социальных мотиваций. Для эффективного функционирования в ноосферной экономике необходимо изменение принципов и моделей успешной предпринимательской деятельности. Если государственные взгляды на методы решения экономических проблем совместимы с предпринимательскими интересами, это обеспечивает качественный и количественный подъем инновационного развития предпринимательства и общества в целом. Несмотря на ряд проблем, нельзя не заметить все большую социализацию предпринимательства. Предпринимательство обретает статус движущей силы позитивных социально-экономических преобразований и инструмента обеспечения инновационного развития экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Друкер, П.Ф. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы / П.Ф. Друкер. – М. : Бук Чембэр Интернэшнл, 1992. – 351 с.
2. Никитенко, П.Г. Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 557 с.
3. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 307 с.
4. Кислин, Д.В. Основные подходы в исследовании феномена предпринимательства (на основе обзора зарубежной литературы) / Д.В. Кислин // Вестник Нижегород. ун-та: Экономика и финансы. – 2008. – № 6. – С. 208–216.
5. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 478 с.

Ulasziuk Y., Kazinets M. Evolution of the Concept of «Entrepreneurship» in Modern Science

The article deals with the methodological approaches to the category of «Entrepreneurship» and the genesis of the concept in science. The reasons for the lack of consensus on this issue. Shows the possible interpretations of the category of «Entrepreneurship» with the general social scientific position. The decomposition of this phenomenon considered as a social and economic system. Represented by attribute properties and categorical attributes of entrepreneurship. It is shown the social role of entrepreneurship in the knowledge economy and its innovative nature. Justified by the position of the main result of entrepreneurial activity in the economy of the noosphere – socially-oriented complex of innovative intellectual products. The necessity of changing the principles and models of successful entrepreneurship is argued.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11. 04. 2012

УДК 330.341.1:332.1

Э.Э. Ермакова

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В статье рассмотрены терминологические основы инновационного потенциала и его составляющих. Проведён анализ инновационного развития Брестской области, на базе которого предложена методика комплексной оценки инновационного потенциала региона. Методика позволяет рассмотреть во взаимосвязи все показатели, характеризующие уровень инновационной активности региона. Оценка, полученная при сравнении исследуемого объекта с базовым, даёт возможность определения совокупности мероприятий и направлений в управлении инновационным развитием региона.

Введение

Формирование и использование инновационного потенциала имеет особое значение для хозяйственной системы любого уровня (предприятия, региона, республики). Эффективное управление потенциалом определяет конкурентоспособность страны в мировом сообществе, экономическое благосостояние предприятий и качество жизни населения. На современном этапе результативность инновационного развития является одним из основных факторов роста экономики и повышения её конкурентоспособности.

Исследование инновационного потенциала региона необходимо для определения эффективности использования имеющихся ресурсов в инновационной деятельности, для установления возможности реализации поставленных целей в инновационной сфере, для определения восприимчивости к инновациям данной социально-экономической системы и готовности региона к созданию и освоению инновационной продукции.

Понятие инновационного потенциала

Одним из подходов к анализу сущности инновационного потенциала является его представление в виде трех составляющих – ресурсной, инфраструктурной и результативной, которые взаимодополняют друг друга и выступают как единое целое.

Ресурсная составляющая является основой функционирования и развития инновационного потенциала, определяется как совокупность ресурсов, которые система может использовать для осуществления инновационной деятельности. Она включает в себя следующие основные компоненты, имеющие различное функциональное назначение: материально-технические, информационные, финансовые, интеллектуальные, человеческие и другие виды ресурсов.

Ресурсный потенциал целесообразно определять не как совокупность ресурсов, находящихся в распоряжении социально-экономической системы, а как способность системы использовать их для достижения желаемого результата и прежде всего, применительно к сути рассматриваемой категории, способность системы осуществлять нововведения для того, чтобы получить этот результат [1].

Инфраструктурная составляющая представляет собой совокупность организаций, ресурсов и средств, обеспечивающих обслуживание инновационной деятельности. Она включает оценку ресурсов государственной поддержки для создания благоприятного инновационного климата, а также инфраструктурные ресурсы инновационной сферы (наличие научно-производственных центров, организаций, выполняющих исследования и разработки, технопарков, бизнес-инкубаторов, инновационных центров, центров трансфера технологий, информационных и маркетинговых центров, научно-технических библиотек, венчурных фондов).

Результативная составляющая отражает результат реализации ресурсных возможностей, является характеристикой достигнутого уровня использования инновацион-

ного потенціала. Другімі словамі, рэзультируючы кампанент – гэта здольнасць сістэмы выкарыстоўваць існуючыя рэсурсы для дасягнення жаданага рэзультата. Выражаецца рэзультат у выглядзе ўвядзеных новых тэхналогій, у тэмпах росту новай прадукцыі, у паказатэлях колькасці занятых у інавацыйнай сфэры, у дынаміцы росту інавацыйна-актыўных прадпрыемстваў, т.е. у колькасных і якасных паказатэлях змянення сістэмы. Асноўным паказатэлем, характэрызуючым рэзультатывуючую частку інавацыйнага потенціала, з'яўляецца здольнасць сістэмы эфектыўна выкарыстоўваць атрыманыя новшэствы ў практыцы для павышэння якасця жыцця насельніцтва, для развіцця навукі, прамысловасці, абароннага потенціала краіны.

Такім чынам, *інавацыйны патэнцыял* можна ахарактэрызаваць як дынамічную сістэму, якая прадстаўляе сабой рэсурсную частку, назапашаную за прадыходны перыяд ажыццяўлення інавацыйнай дзейнасці, інфраструктурную частку, ствараючую ўмовы для развіцця інавацый, і рэзультаты бягучых перыядаў, якія, узаемадзейнічаючы паміж сабой і дапаўняючы адзін аднаго, могуць выкарыстоўвацца для непрыпытнага прырачэння новага ведаў, для з'яўлення новых изобретений і адкрыццяў.

Аналіз інавацыйнага развіцця Брэсцкай вобласці

Інавацыйны патэнцыял рэгіёна характэрызуецца сістэмай паказатэляў, якія ў сукупнасці даюць прадстаўленне аб развіцці інавацыйных працэсаў, аб конкурентаспабнасці рэгіёна. *Рэсурсная частку інавацыйнага патэнціала* з'яўляецца асновай для яго фарміравання.

Аб'ём інвестыцый у асноўны капітал з'яўляецца адным з паказатэляў, характэрызуючых выдаткі на стварэнне, пашырэнне, рэканструкцыю і тэхнічнае перааоруэнне асноўнага капітала. Тэхналагічнае абнаўленне прамысловасці рэгіёна ілюструюць паказатэлі выдаткаў на тэхналагічныя інавацыі (рысунак 1).

млрд руб.

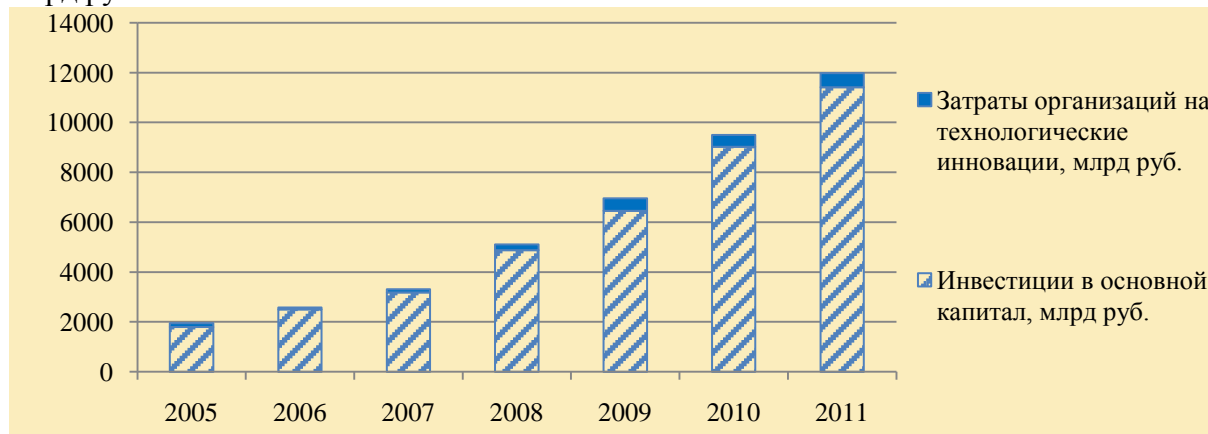

Рисунок 1 – Аб'ём інвестыцый у асноўны капітал і выдаткі на тэхналагічныя інавацыі Брэсцкай вобласці

Выдаткі на тэхналагічныя інавацыі ў Брэсцкай вобласці складалі ў апошнія гады 5% ад аб'ёму інвестыцый у асноўны капітал, чаго явна недастаткова для тэхналагічнага абнаўлення і пашырэння вытворчасці прынцыпальна новай прадукцыі. Пры гэтым адзначаецца тэндэнцыя зніжэння гэтага паказатэля. Сопастаўляючы рэгіянальныя паказатэлі з агуларэспубліканскімі, можна адзначыць, што негатыўная тэндэнцыя проследжваецца і ў цэлым па рэспубліцы (табліца 1).

Таблица 1 – Индекс технологического обновления основного капитала

Объект исследования	Год						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Республика Беларусь	0,16	0,13	0,11	0,07	0,06	0,05	0,09
Брестская область	0,09	0,03	0,04	0,05	0,08	0,05	0,05

Преобладание в структуре инновационных затрат расходов на приобретение машин и оборудования объясняется более быстрыми сроками окупаемости и меньшими затратами в сравнении с расходами на инновационные проекты, включающие в том числе разработку инноваций, что приводит в конечном счёте к ограниченным возможностям выпуска принципиально новой продукции вследствие отказа от проведения собственных исследований и разработок.

В 2010 г. в Брестской области ни одна организация не участвовала в процессе обмена высокими технологиями, т.е. не было приобретено и передано ни одного объекта, относящегося к высоким технологиям.

Источниками финансовых ресурсов, используемых промышленностью Брестской области для осуществления инновационной деятельности, являются в первую очередь заёмные средства, которые в 2010 г. составили 59% от общего объёма финансирования затрат на инновации. Собственные средства предприятий в структуре источников финансирования составили 19,3%. Средства венчурных фондов не участвуют в финансировании инноваций в целом по республике.

В разрезе отдельных отраслей промышленности наибольший удельный вес затрат на технологические инновации в 2010 г. наблюдается в пищевой промышленности (34%), машиностроении и металлообработке (27%), промышленности строительных материалов (19%), электроэнергетике (11%). Остальные отрасли явно отстают от лидирующих по этому показателю (рисунок 2).

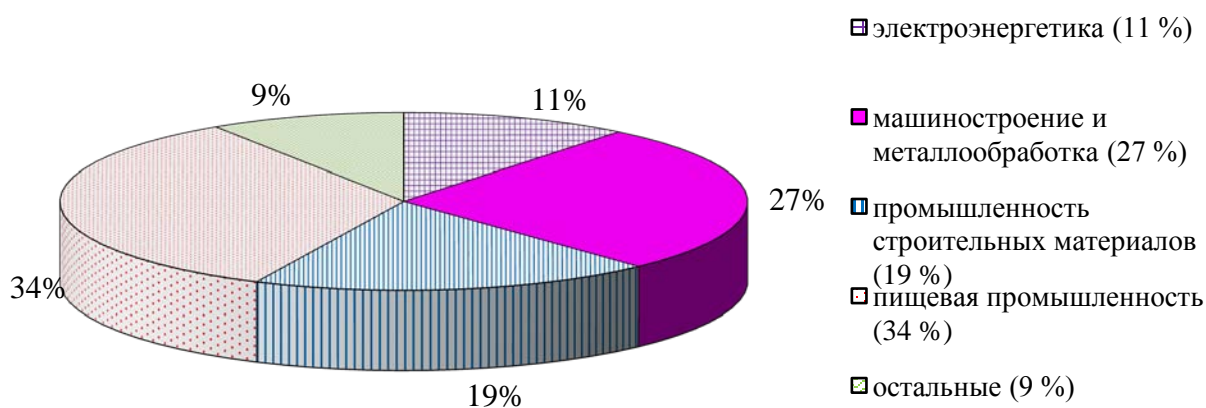

Рисунок 2 – Затраты организаций промышленного производства на технологические инновации Брестской области

В Брестской области научные исследования и разработки в 2010 году выполняли 29 организаций. Оценивая интеллектуальные ресурсы Брестской области, необходимо отметить, что численность исследователей, занятых в инновационной сфере, является одним из основных показателей, характеризующих уровень развития научного сектора в регионе, состояния и развития научной деятельности. Общая численность исследовате-

лей по областям наук за последние годы увеличилась, несущественно изменилось количество исследователей, имеющих ученую степень доктора, и наблюдается некоторое снижение исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук (таблица 2). Наибольший удельный вес исследователей приходится на технические науки (67%).

Таблица 2 – Число организаций и ученых в сфере научных исследований и разработок в Брестской области

Показатели	Год					
	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ед.	18	18	21	22	26	29
Численность исследователей, всего чел.	305	352	354	364	397	405
Доктора наук, чел.	1	1	3	4	3	4
Кандидаты наук, чел.	32	26	29	29	26	30

Удельный вес докторов наук в числе исследователей составляет 1%, кандидатов наук – 7,4%. Республиканские показатели имеют более весомую долю – 3,8% и 15,8% соответственно.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, включая технический, вспомогательный и прочий персонал, составляла в 2010 г. 621 человек, показатель численности занятых исследованиями и разработками на 1 тыс. человек, занятых в экономике, составляет 1 человек. Этот показатель в целом по республике составляет 6,7 человек, т.е. превышает региональный почти в 7 раз.

Численность аспирантов в Брестской области изменяется незначительно, относительный показатель численности аспирантов на 10 тыс. населения составляет 0,6, что почти в 8 раз меньше аналогичного показателя республиканского уровня (рисунок 3).

Число аспирантов
(на 10 тыс. населения)

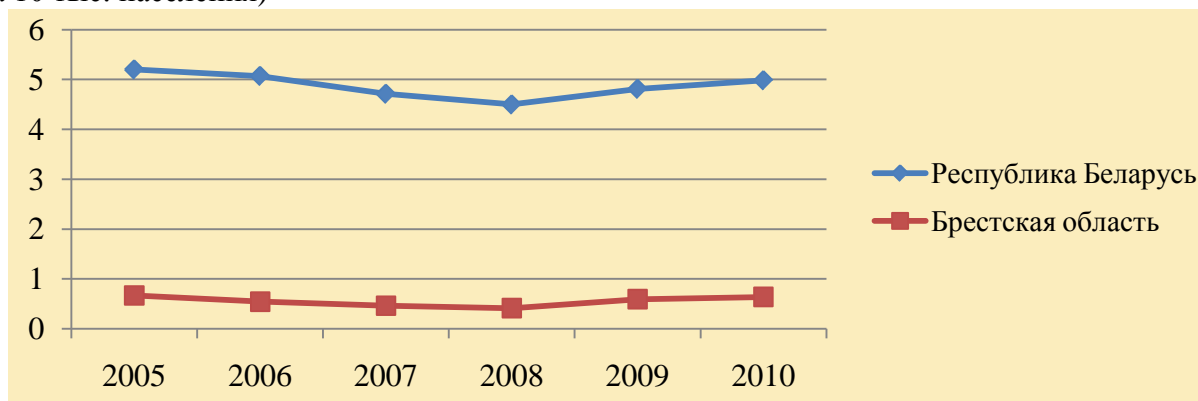

Рисунок 3 – Число аспирантов на 10 тыс. чел. населения в Республике Беларусь и Брестской области

Оценка ресурсов инновационной инфраструктуры

Зарубежный опыт показывает, что инфраструктура поддержки инновационного бизнеса является реальным инструментом позитивного влияния власти на региональное экономическое развитие [2]. Региональная инфраструктура создаётся для обеспече-

ния и поддержания благоприятного инновационного климата и сбалансированного развития экономики региона.

В Брестской области формируется инновационная инфраструктура, координатором которой является БОКУП «Центр внедрения научно-технических разработок». В июле 2008 г. Государственным комитетом по науке и технологиям Центру присвоен официальный статус научно-технологического парка. Основными направлениями деятельности технопарка являются бизнес-планирование и маркетинговые исследования. Целью технопарка является обеспечение интеграции науки, образования и промышленности, управление процессом превращения новых научных знаний и изобретений в технологии, а технологии – в коммерческий продукт, передаваемый в промышленность [3].

Научно-технологический парк объединяет и координирует работу ряда подразделений, таких как инновационный центр и центр трансфера технологий. Концепция технопарка определяет роль и место инновационной инфраструктуры региона в развитии экономики, в том числе и малого предпринимательства [4]. Центр трансфера технологий создан также в Брестском государственном техническом университете, направлением деятельности которого является содействие при движении инновационных разработок от разработчика к потребителям.

В 2000 г. в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина создан региональный маркетинговый центр научно-технических разработок, задачами которого являются информационное обеспечение научных разработок университета и внедрение их в производство; выполнение анализа регионального рынка научно-технической продукции с целью разработки эффективного механизма продвижения на рынок научных разработок, выполняемых в университете; поиск партнеров и оказание услуг по внедрению разработок в производство, разработка инновационных проектов.

В 2005 г. в Бресте в рамках совместного проекта Правительства Республики Беларусь и Программы развития ООН создано информационное ООО «Брестский инновационный бизнес-центр». Его основные функции: оказание консалтинговых услуг, предоставление в аренду помещений и оргтехники на льготных условиях, помощь инновационным предприятиям в регистрации. Однако на практике масштабы его деятельности незначительны.

К числу наиболее значимых созданных технопарков относится научно-технологический парк «Полесье», основным направлением деятельности которого является развитие биотехнологий. В настоящее время парк активизирует свою деятельность по привлечению инвесторов и резидентов.

Продолжается совершенствование и развитие инновационной инфраструктуры региона. Программой инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. планируется развитие и создание новых технопарков во всех областных центрах.

Развитие инновационной инфраструктуры должно обеспечить создание механизмов партнёрства государства и бизнеса, разработку системы стимулов и мотиваций для участников инновационного процесса.

Оценка результативной составляющей инновационного потенциала

Удельный вес инновационно-активных предприятий в общем числе предприятий, а также доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции представляют собой основные показатели, характеризующие интенсивность инновационной деятельности исследуемого объекта.

Анализ инновационной деятельности Брестской области показывает, что с 2006 г. по 2010 г. количество инновационно-активных предприятий в промышленности изменилось в абсолютных величинах с 73 до 47; в 2011 г. число инновационно-активных предприятий достигло 58. Доля их в общем числе предприятий также снизилась. Наибольший

удельный вес инновационно-активных предприятий сконцентрирован в машиностроении и металлообработке – 40%, в пищевой промышленности – 26%, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – 13%, в промышленности строительных материалов – 11%, в лёгкой промышленности – 10% (рисунок 4).

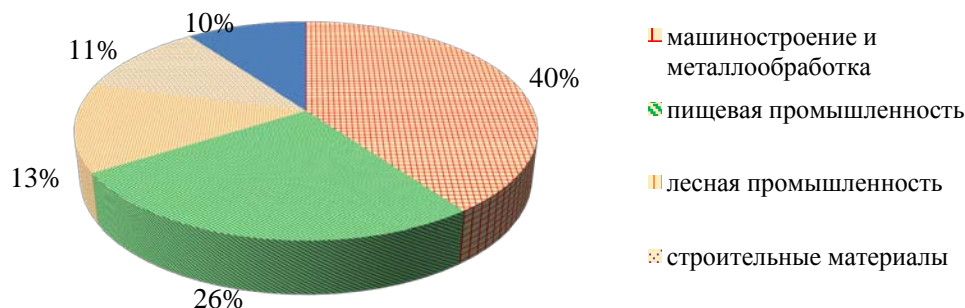

Рисунок 4 – Структура инновационно-активных предприятий промышленного производства Брестской области

В число инновационно-активных предприятий включены предприятия, которые осуществляют затраты на технологические, организационные и маркетинговые инновации. В Брестской области доля предприятий, осуществляющих затраты на технологические инновации, в общем числе инновационно-активных предприятий составляет 63,5%.

Результатом инновационной деятельности является выпуск товаров и услуг инновационного характера. Уровень инновационной активности предприятий Брестской области соответствует общереспубликанским показателям, однако доля отгруженной инновационной продукции в общем объёме продукции инновационно-активных предприятий весьма незначительна, имеет тенденцию к снижению начиная с 2008 г. (таблица 3).

Таблица 3 – Удельный вес инновационно-активных предприятий и выпущенной инновационной продукции, %

Год	Удельный вес инновационно-активных предприятий в общем числе предприятий		Удельный вес инновационной продукции в общем объёме отгруженной продукции	
	Республика Беларусь	Брестская область	Республика Беларусь	Брестская область
2005	14,1	17,3	15,2	3,3
2006	16,3	23,0	14,8	6,0
2007	17,8	22,0	14,8	7,1
2008	17,6	24,1	14,2	6,7
2009	12,1	15,0	10,9	4,4
2010	15,4	14,7	14,5	3,9
2011	22,7	19,3	14,4	4,1

В масштабах экономики Республики Беларусь доля инновационной продукции созданной в Брестской области, в общем объёме отгруженной инновационной продукции составляет всего лишь 4%.

Одним из результативных показателей внедрения инновационных технологий является изменение структуры затрат на производство продукции с целью снижения материальной составляющей в себестоимости продукции. Показатели промышленнос-

ти Брестской области в целом имеют удручающие результаты: материальные затраты в 2005 г. составляли 71,1%, а в 2010 г. выросли до 73,8%. Оплата труда составляет лишь 11,8% (рисунок 5).

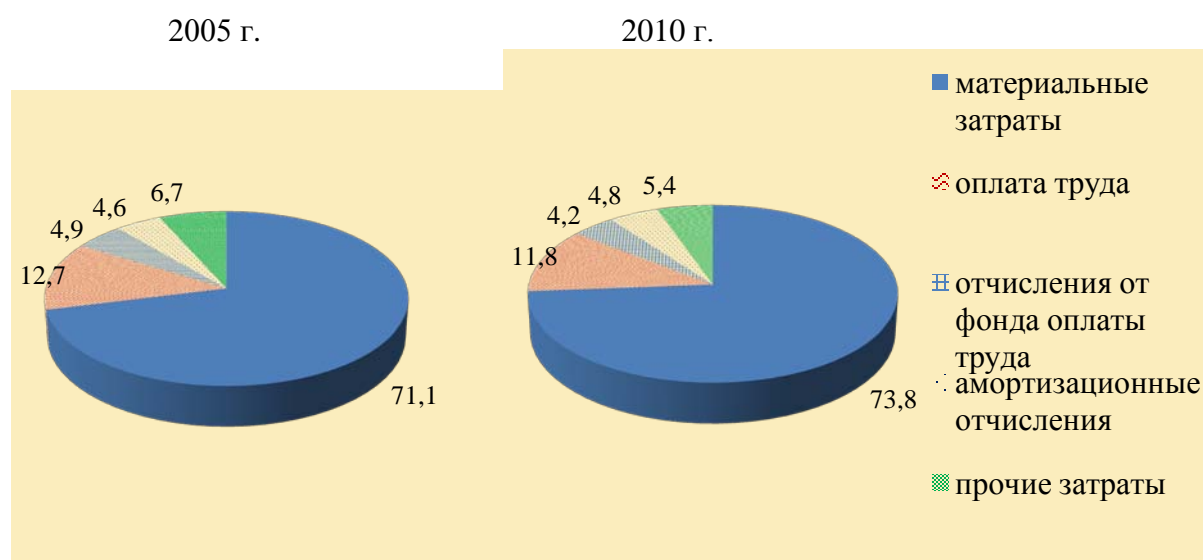

Рисунок 5 – Структура затрат на производство продукции в Брестской области, %

Среднестатистические показатели доли материальных затрат в промышленности Беларуси имеют ещё более высокий уровень. В общей структуре затрат на производство материальные затраты составили в 2010 г. 76,4%, что выше показателя 2005 г. на 4,5 п.п.

Комплексная оценка инновационного потенциала методом радарных диаграмм

Обобщающий результат проведённого анализа инновационного развития Брестской области даёт возможность оценить показатели фактического инновационного потенциала региона в виде интегральной оценки методом радарных диаграмм с помощью сопоставления совокупности единичных региональных показателей с базовыми. Интегральный показатель определяется как площадь многоугольника, число вершин которого соответствует числу принимаемых в расчёт частных характеристик.

Радарная диаграмма, отображающая сопоставление фактических показателей инновационного потенциала региона с базовыми показателями по результатам 2010 г., представлена на рисунке 6, где x_i – частные характеристики инновационной активности; $i = 1, \dots, n$; a_i – пронормированные значения частных характеристик.

Интегральная оценка инновационного развития представляет собой совокупность следующих показателей:

- x_1 – индекс технологического обновления основного капитала;
- x_2 – количество персонала, занятого научными исследованиями на 1 тыс. человек занятых;
- x_3 – число аспирантов на 10 тыс. человек населения;
- x_4 – доля инновационно-активных предприятий;
- x_5 – удельный вес инновационной продукции.

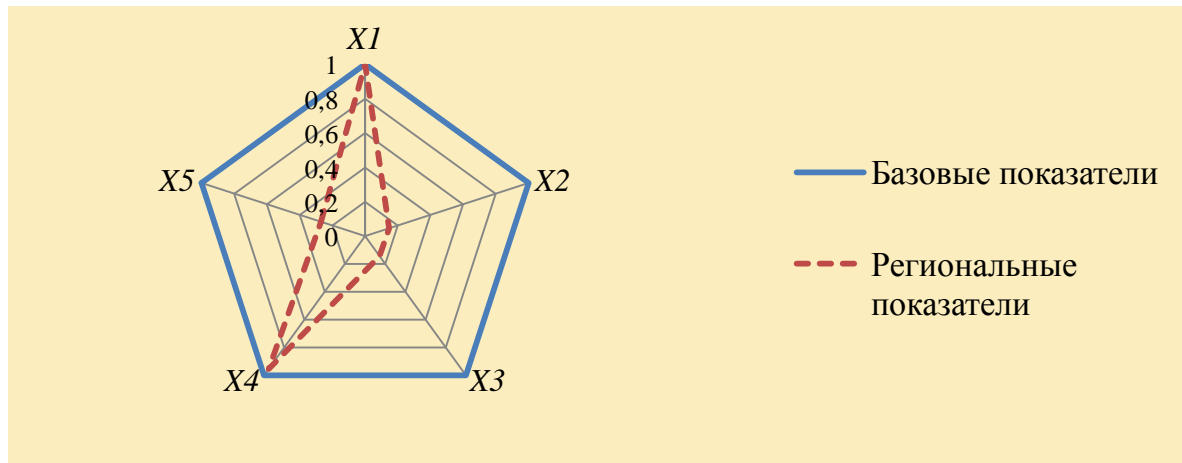

Рисунок 6 – Оцінка інноваційної активності Брестської області

В качестве базовых принимаем республиканские показатели и будем использовать их как эталон, принимая значения за единицу. Для расчёта единичных показателей региона используем отношение показателя оцениваемого объекта к базовому показателю, выраженное в единицах.

$$y_i = \frac{x_\phi}{x_B}, \quad (1)$$

где y_i – соответствующий относительный показатель фактического инновационного потенциала региона; x_ϕ – соответствующий показатель фактического инновационного потенциала региона; x_B – базовое значение соответствующего показателя инновационного потенциала.

Изменение пронормированных значений a_i происходит в диапазоне [0–1]. Единица соответствует высокому уровню инновационной активности, ноль характеризует показатель как неактивный. Чем ближе значение приближается к 1, тем выше инновационная активность.

Определение площади многоугольников позволяет рассмотреть во взаимосвязи все показатели, характеризующие инновационное развитие региона и республики в целом. Расчёт интегрального показателя производим по формуле:

$$S = \frac{1}{2} \sin \frac{360^\circ}{n} (y_1 y_{i+1} + y_{i-1} y_i + \dots + y_n y_1), \quad (2)$$

где n – число показателей.

В соответствии с используемой методикой инновационная активность Брестской области оценивается в 6 раз ниже республиканской активности в инновационной сфере.

Диаграмма наглядно демонстрирует состояние инновационной среды в Брестской области. Практически по всем показателям её уровень ниже уровня, характерного для республики в целом. Но главным является неравномерное развитие различных условий: одни элементы более развиты, другие находятся на очень низком уровне развития.

График показывает, что элементы, характеризующие технологическое обновление и уровень инновационной активности предприятий, находятся на уровне общереспубликанского развития. В то же время на очень низком уровне находятся показатели кадрового потенциала исследовательской деятельности. В зоне неудовлетворительного состояния находятся и показатели объёма производства инновационной продукции.

Современные исследования показывают, что большинство предприятий в инновационной деятельности сталкиваются с экономическими, производственными и прочими трудностями. К наиболее весомым экономическим факторам относят: недостаток финан-

совых ресурсов, высокий экономический риск и стоимость нововведений, а также длительные сроки окупаемости нововведений. Среди факторов производственного характера, препятствующих инновационной деятельности, основным назван собственный низкий инновационный потенциал организации. Значимыми также считают недостаточный уровень квалификации кадров, недостаток информации о новых технологиях и рынках сбыта. К другим факторам относят низкий спрос со стороны потребителей на инновационную продукцию, неразвитость инновационной инфраструктуры и рынка технологий.

Заключение

Таким образом, на основании проведённого анализа очевидно, что Брестская область сегодня не обладает достаточным инновационным потенциалом для завоевания новых ниш на перспективных рынках. Восприимчивость бизнеса к нововведениям, особенно технологического характера, остается низкой. Среднестатистические показатели инновационного развития Брестской области практически по всем показателям отстают от уровня инновационного развития страны.

Только зная свои возможности, экономическая система может выработать полноценную стратегию развития в перспективе. Проведённый анализ может стать основой для разработки и реализации инновационной политики региона, для определения совокупности мероприятий и действий региональных органов в управлении инновационным развитием региона, для оценки влияния факторов, воздействующих на формирование инновационного потенциала, а также для использования полученных результатов при прогнозировании инновационного развития исследуемой системы и исследовании его влияния на социально-экономическое развитие страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жиц, Г.Г. Ресурсы и способности: продолжение рассуждений о методологии оценки инновационного потенциала социально-экономических систем различного уровня сложности / Г.Г. Жиц // Инновации. – 2008. – № 7 (117). – С. 69–73.
2. Мухин, А.П. Коммерциализация научно-технических разработок : учеб.-практ. пособие / А.П. Мухин [и др.]. – М. : АМиР, 2001. – 192 с.
3. Владимиров, А.И. О научной деятельности вуза / А.И. Владимиров. – М. : Недра, 2011. – 69 с.
4. Режим доступа : www.lit.metolit.by.

Ermakova E.E. Assessment of Regional Innovative Potential

This article considers terminological bases of innovative potential and its components. The analysis of innovative development of Brest region is carried out, and the method of complex evaluation of the region innovative potential is offered on its base. The method allows considering in reference to each other all the indices characterizing the level of the innovative activity of the region. The assessment, which was got while comparing the researched object with basic, gives the possibility to define the totality of undertakings and directions in the management of innovative development in Brest region.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.09.2012

УДК 378 (478)

Г.Т. Медведева

УПРАВЛЕНИЕ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СЕРВИСНОЙ ЭКОНОМИКИ

В работе рассматриваются проблемы управления маркетинговой деятельностью в условиях сервисной экономики. Автор анализирует основные различия между индустриальной и сервисной экономическими системами, соотносит данные системы и степень удовлетворенности запросов потребителя. Определена зависимость между эволюцией потребностей потребителя и маркетинговой деятельностью предприятия. Приведена характеристика изменения комплекса маркетинга в современных условиях. Определены основные типы организационных структур маркетинговой деятельности на предприятии. Проанализировано соотношение основных концепций маркетинга – «4P» и «4C». Проведен сравнительный анализ оперативного и стратегического управления маркетинговой деятельностью. Особое внимание уделено управлению товаром в рамках управления комплексом маркетинга. В заключении отражены основные выводы, приведены отдельные практические рекомендации.

Введение

Сервисная экономика ставит перед специалистами в области маркетинговой деятельности на предприятии новые задачи. В современных условиях недостаточно просто удовлетворять запросы потребителей. Надо иметь тесную обратную связь с потребителем, возможность прогнозировать динамику его потребительских предпочтений, оказывать влияние на процесс формирования потребностей, формировать лояльность потребителей по отношению к товару и фирме, выполнять, кроме этого, большое количество других маркетинговых мероприятий. Только такой подход способен в определенной степени обеспечить стабильное положение фирмы на рынке, ее тактическую и стратегическую конкурентоспособность.

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа управления маркетинговой деятельностью предприятия в условиях различных экономических систем. Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач: провести сравнительный анализ управления маркетинговой деятельностью на предприятии в различных экономических системах, выполнить типологию организационных структур маркетинговых подразделений, проанализировать комплексы «4P» и «4C», охарактеризовать стратегические аспекты товарной политики предприятия.

При выполнении данной работы использовались в основном кабинетные исследования, методы сравнительного и причинно-следственного анализа. В качестве источников информации выступали работы таких отечественных и зарубежных авторов, как Ф. Котлер, Г. Холленсен, Д. Кревенс, Чарльз Д. Шив, А. Уотсон Хайэм, А.Л. Акулич, Е.П. Голубков, П.А. Обравцов, А.П. Дурович, П.С. Завьялов, А.П. Панкрухин и др.

Индустриальная и сервисная экономические системы

Одной из отличительных особенностей функционирования экономических систем на современном этапе развития является переход развитых стран от индустриальной экономики к экономике сервисной. В первую очередь это связано с тем, что сфера услуг превращается в движущую силу хозяйственного развития. В сервисной экономике речь идет об установлении интерактивных (диалоговых) и постоянно отслеживаемых отношений с потребителями, направленных на максимизацию степени их удовлетворенности.

Именно услуги оказываются сегодня в центре современной экономики, как это было в свое время с промышленностью в условиях индустриальной экономики. Основ-

ные различия между индустриальной и сервисной экономическими системами можно представить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Основные различия индустриальной и сервисной экономических систем

Признак	Индустриальная экономика	Сервисная экономика
Направленность	Максимизация выпуска товарной продукции	Повышение эффекта полезности, удовлетворение запросов потребителей
Понятие полезности	Относится только к материальной стороне продукта	Отождествляется с характером использования товара и комплексом сопутствующих услуг
Понятие качества	«Умение хорошо делать свое дело»	Установление и постоянный мониторинг отношений с покупателем для максимального удовлетворения его потребностей
Стиль менеджмента	Иерархичность управления, чрезмерно развитые вертикальные связи, исполнительность	Гибкость, акцент на развитие горизонтальных связей, эффективная мотивация, продуктивность
Нацеленность технологий	Преобразование сырья в готовую продукцию	Эффективное функционирование материально-сервисных систем

Как следует из характеристик, приведенных в таблице, экономические системы имеют достаточно существенные различия, что во многом определяет различие в степени удовлетворения запросов потребителя. В сервисной экономике главным фактором, определяющим успех предприятия, является его способность понять систему предпочтений потребителя и тенденции их развития и как можно лучше удовлетворять его запросы [1, с. 10].

Эволюция потребностей покупателя сказывается и на маркетинговой деятельности предприятия. Спрос на услуги, а также на системы, в состав которых входят материальные предметы и услуги, может расти вне зависимости от роста производства. Это связано с тем, что функция использования товара приносит потребителю больше удовлетворения, чем сам факт владения им. Отсюда и рост спроса на услуги типа лизинга. В этом случае материальная продукция выступает лишь как носитель (условие) оказания услуги. Резко усиливается роль неосознаваемых атрибутов, таких как комфорт, доброжелательность и внимание.

Ориентация на потребителя предполагает, что персонал предприятия, находящийся в контакте с потребителем, будет призван решать следующие задачи:

1) все свои знания и умения ставить на службу потребителю, стремясь способствовать достижению целей предприятия;

2) услуга потребителю уже не рассматривается просто как функциональная обязанность; для всего персонала она становится внутренней необходимостью и естественным образом действий;

3) знания, опыт и навыки персонала предприятия становятся основными инструментами маркетинговой деятельности предприятия, ориентированного на удовлетворение потребностей потребителя;

4) организационная гибкость и эффективная мотивация становятся базовыми элементами успешной маркетинговой деятельности предприятия.

Маркетинг позволяет объединить в один технологический процесс общефирменное стратегическое планирование и планирование маркетинговой деятельности, а организационные формы управления, его функции и контроль подчинить стратегическим целям и задачам. В результате предприятия получают возможность действовать подобно хорошо слаженному оркестру под управлением опытного дирижера.

Управление фирмой, работающей на основе принципов и методов маркетинга, состоит из двух структурных элементов:

- 1) общефирменная система управления, основанная на принципах маркетинга как рыночной концепции управления;
- 2) управление собственной маркетинговой деятельностью фирмы посредством формирования соответствующих организационных структур (служба, отдел).

Страны с реальной рыночной экономикой этап возрастания роли маркетинга в системе общефирменного управления прошли несколько десятилетий тому назад. В странах с переходной экономикой этот этап – реальность наших дней.

В условиях перехода к рыночной экономике многие проблемы товаропроизводителей не могут быть удовлетворительно разрешены с помощью традиционных методов управления, которые широко применялись в административной экономике. В данной ситуации требуется система управления, обеспечивающая эффективность предприятия в новых условиях, объединяющая усилия менеджеров, производственников, технических специалистов, коммерческих работников и конечных потребителей, ориентирующая фирму на потребителя и рынок, позволяющая ей быстро реагировать на изменения окружающей среды и одновременно избирательно воздействовать на нее по определенным направлениям. Маркетинг предлагает действенные средства для решения перечисленных и иных проблем. Маркетинг означает системный подход к управленческой деятельности, наличие четко поставленной цели, тщательно разработанной системы мер по достижению этой цели и соответствующего организационно-технического, коммерческого и финансового обеспечения ее реализации.

Другое важное положение – это подчиненность маркетинга стратегическим целям и задачам фирм. Стратегия должна соответствовать маркетинговым целям (достижение определенной доли рынка, выход на целевой рынок с конкретными товарами и закрепление на нем к определенному сроку, достижение международного уровня конкурентоспособности определенной группы товаров в конкретные сроки и т.д.). При этом важно ранжировать стратегические цели по степени их важности и срочности достижения, чтобы отразить эту оценку в управленческом процессе.

Зарубежная практика свидетельствует о том, что эффективность управления маркетингом повышается при совмещении стратегического и оперативного (конъюнктурного) управления. Сравнительный анализ стратегического и конъюнктурного управления представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Стратегическое и оперативное (конъюнктурное) управление предприятием

Стратегическое управление	Оперативное (конъюнктурное) управление
1. Управленческая команда стремится к увеличению доли рынка и постоянному обновлению ассортимента за счет разработки и внедрения принципиально новых продуктов	1. Управленческая команда стремится, как правило, к сбыту обновляемого ассортимента в зависимости от давления потребительского рынка
2. Расчет на получение прибыли в долгосрочной перспективе	2. Расчет на ситуационное получение прибыли

Продолжение таблицы 2

3. Предприятие работает на опережение рынка, инвестируя средства в наиболее перспективные продукты	3. Предприятие, обладая большой мобильностью, легко приспосабливается к текущим колебаниям рынка
4. Развитие предприятия происходит относительно стабильно	4. Развитие предприятия происходит рывками, аритмично
5. Оценка менеджеров основывается на том, насколько новый продукт увеличивает долю рынка, максимизируя прибыль по жизненному циклу товара	5. Оценка менеджеров основывается на том, насколько они ощущают конъюнктуру рынка, максимизируя прибыль за короткий период времени
6. Основной критерий оценки деятельности менеджеров – повышение прибыли при внедрении заделов на будущее	6. Основной критерий оценки деятельности менеджеров – повышение прибыли в течение года
7. Относительно длительная отдача от инвестиционного проекта	7. Относительно быстрая отдача от инвестиционного проекта

Как отмечают специалисты, для экономической системы переходного типа самый эффективный способ управления предприятием – это совмещение обоих типов управления при преобладании стратегического типа.

Управление комплексом маркетинга

Маркетинг, будучи эффективным средством повышения результативности системы управления фирмы, сам является объектом управления. От правильности построения такого организационно-управленческого процесса зависит эффективность маркетинговой деятельности того или иного предприятия. Управление маркетингом на предприятии – сложная многоаспектная система, решение которой невозможно без комплексного и системного подхода, четкого определения объекта (объектов), функций и методов управления. Главные объекты управления в маркетинге – это составные элементы его комплекса, т.е. продукт, цена, продвижение и сбыт.

Понятие «комплекс маркетинга» впервые было научно обосновано в 1964 г. профессором Гарвардской школы бизнеса Нейлом Борденом [2, с. 424]. Однако истоки понятия уходят в далекие 40-е годы прошлого столетия, когда Д. Каллитон впервые применил так называемый «рецептный подход» в изучении затрат на маркетинг [3, с. 414]. Продавец был определен им как «составитель маркетинговой программы из ингредиентов», так как именно он осуществляет планирование стратегии конкуренции, одновременно являясь менеджером, способным интегрировать все составляющие комплекса маркетинга. В 1960 г. Маккарти в целях подготовки квалифицированных кадров маркетологов синтезировал комплекс маркетинга из таких элементов, как товар, цена, распределение и продвижение, создав модель «4Р».

В настоящее время наиболее распространенным является такое определение комплекса маркетинга, которое характеризует его как совокупность контролируемых факторов, направленных на возникновение предсказуемых и желаемых ответных реакций определенного сегмента рынка. Это те мероприятия, которые способна осуществлять компания с целью продвижения своего товара на рынке.

Для того чтобы грамотно спланировать прибыльность компании в краткосрочном и среднесрочном периоде, необходимо прибегнуть к помощи операционного (конъюнктурного) управления. Инструментами маркетинга в данном случае выступают товар, цена, дистрибуция, продвижение. В соответствии с целями и возможностями предприятие

формирует товарную, ценовую, сбытовую и коммуникационную политику, каждая из которых представляет собой управление данными инструментами.

Однако современный подход к комплексу маркетинга не ограничивается концепцией маркетинг-микс «4P», а стремится к включению в нее дополнительных компонентов, позволяющих формировать такие подходы, как модель «6P», «8P» и даже «12P». Модели маркетингового комплекса могут включать следующие элементы:

- 1) Упаковка (package).
6. Покупка (purchase) – представляет собой не только предпосылки к осуществлению покупки, но также и последствия принятия такого решения.
7. Клиентура (people) – контингент, имеющий отношение к процессу купли-продажи.
8. Персонал (personal).
9. Процесс покупки (process) – то, что связано с деятельностью покупателя по осуществлению выбора товара.
10. Окружающая среда (physical premises) – условия, создаваемые продавцом с целью более эффективной реализации своего товара.
11. Прибыль (profit) – капитал, полученный в виде дохода относительно вложенных средств.
12. Связь с общественностью (PR), деятельность, которая создает положительную репутацию продукту и организации в целом [4, с. 149].

По сути своей концепция «4P» представляет собой ту маркетинговую позицию, с точки зрения которой продавец подходит к формированию своей стратегии продаж. Прежде всего такая концепция представляет собой управление внутренними факторами.

В настоящее время существует тенденция, согласно которой для совершенствования баланса внутренней и внешней маркетинговой среды на первый план выходит концепция «4C», элементами которой являются:

- 1) покупательские нужды и потребности (customer needs and wants);
- 2) покупательские затраты (cost to the customer);
- 3) информационный обмен (communication);
- 4) удобство (convenience).

В соответствии с данной концепцией, в качестве приоритета выделяются предпочтения потребителей. Причем этот приоритет действует на всех без исключения этапах процесса производства и реализации товаров и услуг. Соотношение инструментов маркетинговой деятельности и желаемых результатов с точки зрения реакции потребителя представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Соотношение концепций «4P» и «4C»

4P		4C	
Product	Товар needs and wants	Customer	Потребительские нужды и потребности
Price	Цена	Cost to the customer	Покупательские затраты
Promotion	Продвижение	Communication	Информационный обмен
Place	Дистрибуция	Convenience	Удобство
Контролируемое предложение		Неконтролируемое восприятие	

Очевидно, что формирование и управление инструментами маркетинга – процесс, контролируемый со стороны предприятия. Но результат использования инструментов зачастую либо не соответствует первоначальным целям предприятия, либо соответствует

не в полной мере. Для того чтобы было найдено соответствие между «4Р», предлагаемыми продавцом, и «4С», воспринимаемыми покупателем, необходимо в первую очередь оценивать свое рыночное предложение с точки зрения покупателя.

Таким образом, практическая маркетинговая деятельность, направленная на получение реальных, количественно измеримых результатов, прежде всего должна ориентироваться на предпочтения потребителей. Это означает, что использование инструментов маркетинга необходимо рассматривать через призму восприятия потребителей. То, что думает маркетолог, разрабатывая товарную, ценовую, сбытовую или коммуникационную политику, может совершенно отличаться как от того, что ожидает потребитель, так и от того, как он воспринимает предложение.

Организационные структуры маркетинговой деятельности на предприятии

Растущая роль маркетинга в деятельности предприятий находит соответствующее отражение в построении организационно-управленческих структур и их функциях. В качестве производственной функции маркетинг прошел четыре этапа: выполнение функции распределения, организационная концентрация (как функция продаж), выделение в самостоятельную службу (выполняющую одну из основных функций в деятельности предприятия) и превращение маркетинга в генеральную функцию фирмы.

Диалектичность развития организационных форм и функций маркетинга в фирме проявилась в том, что накопление количественных элементов маркетинга вызывало качественные организационно-управленческие сдвиги, которые в свою очередь приводили к количественному росту специалистов-маркетологов или различных подразделений. В результате из скромной и малоприметной «ячейки» в отделе сбыта маркетинг превратился в полномасштабную структуру, оказывающую воздействие на все стороны хозяйственной деятельности предприятия. Более того, в фирмах, деятельность которых полностью основана на принципах маркетинга, маркетинговыми являются (не по форме, а по сущности своей деятельности) фактически все основные службы, а не только маркетинговая.

Мировой и постепенно накапливающийся отечественный опыт свидетельствует о том, что перестройка организационных фирменных структур управления с целью ориентации их на маркетинг – это сложный процесс, требующий тщательной подготовки и участия в ней не только руководящего состава, но и всего персонала. Распространенный в еще недалеком прошлом опыт переименования отделов и служб сбыта многих предприятий в отделы и службы маркетинга без коренного изменения их функций явился не только профанацией требующихся преобразований, но и дискредитацией маркетинга и его возможностей.

Часто на предприятиях создаются службы и отделы маркетинга, которые лишь формально соответствуют сложившимся представлениям о них. Поспешность при создании подобных отделов, неподготовленность коллектива к положительному восприятию такой инновации, недостаточная квалификация руководителей и персонала маркетинговых подразделений, противодействие со стороны руководителей других подразделений предприятия, отсутствие у руководства настойчивости, убежденности, инициативы, да и просто понимания реальных выгод от внедрения маркетинга – вот основные причины неэффективности деятельности этих отделов и служб. На вновь создаваемых предприятиях появляется возможность с самого начала сформировать хорошо отлаженные организационно-управленческие структуры, в которых маркетинг занимал бы должное место с учетом профиля создаваемого предприятия, масштабов производства, ассортимента продуктов, планируемого охвата рынка и других стратегических задач.

Важным является статус маркетингового подразделения. Имея низкий статус, оно может превратиться в бесправного регистратора происходящих явлений – в таком случае это будет излишняя структура, увеличивающая издержки и усложняющая управленче-

ские проблемы. Придать высокий статус маркетинговым подразделениям можно, например, подчинив эти подразделения непосредственно директору или его первому заместителю. Однако и в этом случае необходимо расширить права и функции подразделения, закрепив за ним функции, которые позволяют с позиций маркетинга реально воздействовать на решения по производству и реализации товаров с учетом рыночного спроса, выбору целевых рынков сбыта, формированию и осуществлению сбытовой, ценовой, рекламной политики и т.д.

Реализация маркетинговой концепции управления реализуется на предприятиях двумя основными способами: 1) создание на предприятии специализированной службы или отдела маркетинга; 2) модернизация других основных подразделений предприятия с целью их большей адаптации к требованиям рынка и более гибкой реакции на изменение внешней среды.

Внедрение маркетинга в уже существующую структуру управления не может не оказать воздействия на непосредственно маркетинговые структуры, которые должны учитывать общие принципы построения в фирме структуры управления и формы их реализации. К числу общефирменных организационных структур относятся: функциональная, продуктовая/товарная, географическая, рыночная. Для построения службы маркетинга используются следующие типы организационных структур или их комбинации: функционально-продуктовая, функционально-рыночная, продуктивно-рыночная, продуктивно-функционально-рыночная [5, с. 582].

Функциональная организация маркетинга наиболее проста. Специализация, четкое разграничение компетенции, стандартизация управленческих процессов определяют высокую эффективность этой организационной структуры. Однако ее результативность постепенно снижается по мере расширения товарного ассортимента предприятия и увеличения числа рынков сбыта. Существующие проблемы: трудности координации; необходимость передачи решения задач, выходящих за пределы компетенции, высшему звену; недостаток мотивации из-за непонимания конечной цели.

Продуктовая (товарная) организационная структура характеризуется тем, что управляющий имеет возможность координировать и контролировать всю работу по продукту (группе, семейству товаров), хорошо зная его рыночные возможности. Недостатки: высокая возможность конфликтов при нечетком разделении полномочий, реализация продукта функциональными менеджерами.

Географическая организационная структура позволяет специализироваться на определенных территориальных зонах, хорошо зная их потребителей. Недостаток – необходимость хорошо отлаженной координации с другими «географическими» подразделениями и функциональными службами.

Главное достоинство *рыночной организационной структуры* – концентрация рыночной деятельности на целевых рынках. Недостатки в основном аналогичны таковым при наличии продуктовой (товарной) организационной структуры.

Многие специалисты отмечают, что для стран с переходной экономикой вполне возможен вариант организации специализированных маркетинговых фирм, которые обслуживали бы сразу несколько фирм-товаропроизводителей. Эволюционное развитие этого процесса, в ходе которого фирмы-производители передают маркетинговую фирму все функции маркетинга и сбыт (возможно, в течение 2–3 лет), помогает избежать всякого рода организационно-властных потрясений. Однако для эффективного функционирования такой системы необходимо соблюдение, по крайней мере, двух главных условий – наличие объединяющей все фирмы совместной собственности и четко определенные в договоре их права и обязанности по отношению друг к другу в области экономического, производственного, сбытового, сервисного, финансового и иного взаимодействия. Возможен вариант, когда одна фирма по мере своего развития постепенно выделяет мар-

кетинговые подразделения в самостоятельную фирму с правом образования юридического лица. Ей передаются соответствующие функции, права и обязанности.

Выгоды для всех участников в таком случае явные – возможность концентрации внимания изготовителей на научно-технических и производственных проблемах и получение эффекта синергии от сбыта на рынке взаимодополняющих продуктов. Разумеется, при такой организации сбыта потребуются решения в договорном порядке многих проблем, наличие взаимного учета экономических интересов по отношению друг к другу и готовности находить компромиссные варианты при решении спорных вопросов.

При всем разнообразии организационных форм маркетинга каждая из них должна соответствовать следующим критериям.

1. Гибкость, мобильность, адаптивность. Это качества, которые необходимы не только собственно маркетинговой структуре фирмы, но и ее организационно-управленческому механизму в целом. Служба маркетинга – это тот элемент структуры, который задает требуемый рынком ритм работы всей фирме, придает ему черты гибкости и адаптивности к меняющимся рыночным условиям. Гибкость обеспечивается возможностью оргструктуры своевременно менять свои формы при изменении стратегических задач, причем возможность изменений должна быть заложена в самой структуре.

2. Простота маркетинговой организационной структуры – непереносимое условие ее эффективности. Усложненность структуры всегда вызывает удорожание процесса управления, делает его более громоздким, а следовательно, и менее восприимчивым к происходящим переменам. Простота – это также одно из условий эффективности связей между подразделениями службы маркетинга и наличия небольшого количества ее звеньев.

3. Соответствие масштабов, сложности структуры маркетинговой службы структурной и пространственной расчлененности организационной структуры фирмы, особенностям профиля ее деятельности, характеру стратегических целей и соответствующих им задач.

4. Соответствие организационной структуры маркетинга характеру производимых продуктов, широте, полноте и глубине ассортимента. Это означает, что в любую оргструктуру должен быть заложен в той или иной степени товарный принцип.

5. Ориентация оргструктуры маркетинга при всех ее конкурентных различиях на конечных потребителей. Любая оргструктура, не придерживающаяся данного принципа, в конечном счете обречена на неудачу.

6. Установление тесного информационного взаимодействия маркетинговой организационной структуры с другими структурными подразделениями предприятия; единство целей и однонаправленность развития всех структурных подразделений предприятия.

7. Наделенность маркетинговой оргструктуры должными правами, в том числе координационными, которые позволяют ей интегрировать всю хозяйственную деятельность фирмы с целью достижения рыночных целей.

Следует обратить внимание на единство целей деятельности всех структурных подразделений фирмы. Это единство предполагает благожелательное отношение персонала всех структурных подразделений по отношению друг к другу.

К сожалению, во многих случаях между сотрудниками отдельных структурных подразделений существует своеобразная внутренняя конкуренция за особую социальную значимость, социальный статус внутри предприятия.

В таблице 4 приведены примеры типичной реакции основных служб фирмы на деятельность друг друга.

Таблица 4 – Типичные реакции основных служб фирмы на деятельность друг друга

Фактор	Типичные замечания			
	Маркетологи	Производственники	Финансисты	Работники техслужб
Техническое обслуживание	Нам нужна техническая помощь при обслуживании клиентов	Служба маркетинга продала товары для такого использования, к которому они не приспособлены	Издержки техобслуживания у нас выше, чем в среднем по отрасли	Маркетологи используют нас для повышения доверия к себе
Продвижение	Наше продвижение носит чисто технический характер	Необходимо обращать основное внимание на характеристики продуктов и нашей программы контроля качества	Продвижение должно исходить из уровня издержек и преимуществ	Наше продвижение не носит достаточно технического характера
Изменение в дизайне	Дизайн меняется слишком редко	Дизайн меняется слишком часто	Изменения в дизайне обходятся слишком дорого, поэтому они должны быть минимальными	Дизайн меняется слишком часто

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, единство мнений по поводу маркетинговых аспектов деятельности предприятия отсутствует. Если это разнообразие мнений носит творческий характер, способствует поиску и нахождению компромиссного решения, это можно только приветствовать. Однако чаще всего такие расхождения во мнениях приводят к появлению определенных противоречий во взаимоотношениях между структурными подразделениями предприятия. В разрешении данного противоречия особая роль принадлежит руководителю предприятия и другим должностным лицам его уровня. От глубины их знаний о маркетинге, возможностей, а главное, от умения и настойчивости в достижении поставленных целей зависит успех или неудача творческого использования маркетинга на предприятии. Именно руководитель должен обладать не только глубокими знаниями в области маркетинга, но и решимостью не просто внедрить маркетинг на предприятии, а руководить ею осуществлением в соответствии с заранее тщательно разработанным планом, играть ведущую роль в переориентации предприятия на интересы потребителей и спрос на рынке. С учетом этого среди основных направлений деятельности руководителя должны быть такие:

1. Назначение директора по маркетингу и наделение его полномочиями, такими же, как у руководителей других ведущих служб.
2. Личный пример ориентации на интересы потребителей и постоянное подчеркивание подобной ориентации в качестве цели фирмы.
3. Соответствие изменениям в системе материального стимулирования и заработной платы, в которой рыночные показатели имеют более важное значение, чем производственные показатели.
4. Прием на работу в отдел (службу) маркетинга талантливых сотрудников.
5. Достаточное финансирование работы отдела (службы) маркетинга.

б. Создание комплексной рабочей группы из числа руководителей отделов (служб) производства, сбыта, снабжения, финансов и маркетинга для осуществления стратегических маркетинговых задач.

Директор по маркетингу на предприятии является одним из наиболее значимых руководителей. Исходя из характера задач, которые должен решать директор по маркетингу, он должен обладать профессиональными знаниями о маркетинге применительно к профилю предприятия, широким кругозором и гибкостью мышления, хорошими организаторскими способностями и умением решать спорные вопросы. К числу основных задач директора по маркетингу можно отнести следующие: создание работоспособного коллектива, занимающегося маркетингом на предприятии; сбор, обработка и анализ рыночной информации; совершенствование концепции маркетинга и его стратегии; непосредственное планирование маркетинга и управление им; подготовка смет расходов на маркетинг; непосредственная оценка конкурентоспособности товара; разработка планов перспективных товаров; разработка предложений относительно размещения, упаковки и торговой марки товаров и т.д.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы и дать некоторые рекомендации для совершенствования практической деятельности предприятия в области маркетинга.

1. В условиях сервисной экономики происходит изменение приоритетов как в производственно-хозяйственной области, так и маркетинговой деятельности предприятия. Во главу угла должны быть поставлены потребности потребителя. Однако анализ и учет этих потребностей должен носить системный, комплексный характер. Мониторинг потребностей, их учет в оперативном и стратегическом управлении на предприятии – обязательное условие финансовой и рыночной стабильности предприятия. Очевидно, такой системный подход должен привести к возможной корректировке миссии предприятия, чтобы направленность действий персонала на потребителя стала основой деятельности персонала всех структурных подразделений.

2. Проведение мониторинга конъюнктуры рынка, динамики предпочтений потребителей требует решения целого ряда задач. Эффективность их решения, принятие более рациональных управленческих решений требует более компетентных специалистов как в общей системе управления предприятием, так и в области непосредственно маркетинговой деятельности. Очевидно, решение этих задач требует постоянного повышения квалификации управленческого и маркетингового персонала. По мнению автора, наиболее эффективной формой повышения квалификации персонала в данном случае будет проведение семинаров-тренингов непосредственно на предприятии.

3. Необходимо более четко определить соотношение между общей системой управления и системой управления маркетинговой деятельностью. Управление маркетинговой деятельностью всегда носит вторичный, подчиненный характер. Этот процесс определяется системой управления предприятием в целом, он должен соответствовать основным целям и задачам предприятия.

4. Для более эффективного управления предприятием необходимо определить основные элементы комплекса маркетинга, наиболее значимые для предприятия (не только в классическом понимании комплекса маркетинга), и разработать маркетинговую стратегию в отношении каждого из них. В частности, традиционный комплекс маркетинга «4P» необходимо дополнить системой «4C».

5. Важнейшим условием эффективной маркетинговой деятельности на предприятии является наличие эффективной маркетинговой организационной структуры на предприятии. Определены основные требования, предъявляемые к структурам такого типа,

в частности, гибкость, динамичность, возможность эффективной адаптации к высокой степени турбулентности внешней среды.

В рамках даже самого большого по размерам исследования невозможно определить все направления совершенствования маркетинговой деятельности на предприятии. Кроме того, никакие рекомендации не могут быть абсолютно универсальными: что эффективно для одного предприятия, может значительно ухудшить финансовое и рыночное положение другого. Однако умение находить альтернативные варианты позволяет снизить степень риска маркетинговой деятельности и повысить ее эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федько, В.П. Маркетинг для студентов вузов / В.П. Федько. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 256 с.
2. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер. – СПб : Питер, 2009. – 896 с.
3. Шив, Ч.Д. Курс МВА по маркетингу / Ч.Д. Шив. – М. : Альпина Паблишер, 2003. – 717 с.
4. Панкрухин, А.П. Маркетинг : учеб. для студентов, обуч. по спец. «Маркетинг» / А.П. Панкрухин ; Гильдия маркетологов. – 4-е изд. – М. : Омега-Л, 2006. – 656 с.
5. Армстронг, Г. Введение в маркетинг / Г. Армстронг, Ф. Котлер. 5-е изд. – М. : Вильямс, 2000. – 640 с.

Medvedeva G.T. Management of Marketing Activity in Service Economy

The article deals with the problems of managing marketing activities in a service economy. The author analyses the difference between the industrial and service types of economic systems, correlates these systems and degree of consumer requirements satisfaction. The author also determines the dependence between the company's marketing activities and consumer's requirements evolution. The article characterizes marketing mix changing in the modern world; determines the main types of company's marketing organization structures; analyses the correlation of 2 marketing concept: «4P» and «4C»; compares operational and strategic marketing management. The main conclusion and practical recommendations are stated in the end.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.02.2012

УДК 339.371:330.322 (4-11)

И.М. Гарчук, Е.Н. Хутова

ИНВЕСТИРОВАНИЕ В РАЗВИТИЕ РОЗНИЧНЫХ ТОРГОВЫХ ФОРМАТОВ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Быстрые темпы роста экономики, благоприятное налоговое окружение и высокий уровень производительности стали привлекать инвесторов в экономику Восточной Европы. По оценкам экспертов ЮНКТАД, около 30% опрошенных инвесторов считает восточноевропейские рынки благоприятными для вложений в наукоемкое и технологичное производство, а также в развитие торговли. При этом наиболее предпочтительными являются Польша и Россия. Инвестирование в восточноевропейские страны является достаточно прибыльным, может быть, менее прибыльным, чем вложение средств в активы Китая и Индии, но зато менее рискованным. В розничной торговле главным стратегическим направлением организационного развития становится создание торговых сетей. Положительный эффект их применения очень высок. Именно сетевая организация торговли является важнейшим экономическим и социальным инструментом, непосредственно влияющим на качество жизни многих потребителей. Мировой опыт функционирования торговли показывает, что сетевая торговля является достаточно эффективной и может занять до 90% розничного рынка практически в любой стране, так как сама по себе является конкурентным преимуществом перед самостоятельным магазином.

Введение

Глобализация экономических процессов, интеграция стран требуют исследования закономерностей развития торговли как одной из важнейших составляющих экономики любой страны. Торговый бизнес как элемент развитых экономических отношений во многом способствует решению главной задачи общественного производства – удовлетворению разносторонних потребностей людей. Торговля представляет собой сложную организационно-экономическую систему рыночной экономики, которая находится в постоянном развитии, образуя единую целостную структуру, ориентированную на эффективное обслуживание движения товаров от производителей до потребителей. Являясь источником поступления денежных средств, торговля тем самым формирует основы финансовой стабильности государства. Доля торговой отрасли в стоимости конечного общественного продукта развитых стран колеблется от 15 до 25%. Открываются новые форматы магазинов, современные торговые центры, используются передовые технологии ведения бизнеса. Конкурентная борьба среди торговых фирм ведется сегодня уже не только в ценовом диапазоне. В этой связи большое значение в успешной деятельности любой торговой фирмы имеет правильный выбор формата и организация торговой деятельности.

Закономерности создания и развития розничных торговых форматов в странах Восточной Европы

В настоящее время розничная торговля становится отраслью с высокой инвестиционной привлекательностью. За последнее десятилетие торговая сеть выросла более чем в 1,5 раза, ежегодный прирост рынка розничной торговли составляет около 15%. По мнению авторов, развитие торговли связано с тремя аспектами:

- 1) экономическим (обусловленность торговли созданием и потреблением материальных благ и услуг);
- 2) территориально-географическим (необходимость размещения, перемещения и распределения товаров в пространстве);
- 3) социальным (удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, распределение благ между отдельными группами и слоями населения).

Согласно ежегодному отчету консалтинговой компании Cushman & Wakefield, объем инвестиций в коммерческую недвижимость за 2010 г. на 80% превышает средний

уровень инвестиций, сложившийся за последние пять лет. Объемы инвестиций в коммерческую недвижимость 20 крупнейших городов мира выросли на 59% [1; 2].

Особенно активно торговый бизнес стал развиваться в странах Восточной Европы в условиях рыночных реформ. Проводимые в этих странах экономические реформы, сопровождающиеся ликвидацией прежних методов управления, создали благоприятные условия для инновационных процессов в торговле. Торговля становится бюджетобразующей отраслью и наиболее устойчивой сферой, пополняющей государственные и местные бюджеты денежными средствами. В структуре формирования ВВП на долю торговли в странах Восточной Европы приходится около 20%. Для оценки привлекательности рынка розничной торговли в странах Восточной Европы проведем анализ инвестиционного развития Европейского региона в рамках отдельных стран с учетом эффективности применяемых форматов торговли.

В Европе в 2010 г. наблюдался всплеск инвестиционной деятельности во всех секторах коммерческой недвижимости (офисная, складская, розничная). Доля розницы в общих объемах инвестиций в коммерческую недвижимость в 2010 г. выросла на 3%; объемы вложений – на 72% больше, чем в 2009 г. Общий объем инвестиций в розничную торговую недвижимость Европы составил 38,5 млрд евро.

Анализ привлекательности разных форматов торговли показал, что наиболее активно привлекались инвестиции в создание крупноформатных торговых объектов. В странах Европы в 2010 г. открылось 165 торговых центров с площадью 5,2 млн м². В Западной Европе наибольший прирост новых торговых площадей отмечен в Италии и Испании. В Италии в 2010 г. были открыты пятнадцать новых центров, четыре были расширены. В Испании построено семь крупноформатных объектов, три увеличили торговые площади. В Германии, Португалии и Франции наблюдался спад строительства, причиной которого, по мнению авторов, является перенасыщенность крупноформатными торговыми объектами, а так же отток капитала в менее развитые страны. Наиболее значительный годовой прирост торговых площадей среди стран Восточной Европы (139%) отмечен в Болгарии, где завершены семь новых проектов [3].

Торговые центры и торгово-развлекательные комплексы в Центральной и Восточной Европе привлекли больше половины новых площадей торговой недвижимости (63%). Среди стран Восточной Европы самые высокие объемы нового строительства отмечены в России, где сданы в эксплуатацию торговые объекты, составляющие 25% всех площадей, завершаемых строительством в 2010 г. Самым большим завершаемым проектом в России за пределами Москвы был торговый центр «Сити-Парк Град» в Воронеже [4].

Восточная Европа с каждым годом становится все более важным регионом для международных торговых операторов. Хотя покупательская способность населения стран данного региона уступает возможностям наиболее развитых стран, это не препятствует притоку капиталовложений западных ритейлеров (розничных торговых операторов). Крупные сетевые операторы и всемирно известные бренды начали интенсивную экспансию в страны Восточной Европы во второй половине 1990-х гг. К началу 2000-х гг. значительные потоки иностранных инвестиций и рост отечественных инвестиций в отрасль торговли привели к резкому увеличению числа крупноформатных современных торговых комплексов.

Все страны Восточной Европы прошли три фазы в развитии розничной сетевой торговли, хотя темпы прохождения различны.

Первая (доперестроечная) фаза характеризуется существованием государственной системы торговли, а в некоторых странах – параллельно развивающимся мелким частным бизнесом; преобладает национальный капитал; малая доля торговых центров/комплексов; применяются традиционные формы и методы торговли.

Вторая фаза (начало переходного периода в развитии экономики) характеризуется сменой существующей системы и владельца путем приватизации государственных магазинов. Государственная система торговли реорганизуется и распадается на части, которые в отдельных случаях стали объединяться в мелкие торговые сети. Например, в Болгарии число магазинов в период с 1990 г. по 2003 г. утроилось. На этом этапе преобладает национальный капитал, однако отмечаются вложения и иностранных инвесторов, часто теневые, в приобретение уже построенных торговых объектов, поэтому не происходит изменений ни в форматах торговли, ни в организации торгово-технологического процесса. Привлечение иностранных инвестиций сдерживается экономической нестабильностью и несовершенством налоговой, таможенной и финансовой систем.

Третья фаза (которую можно условно назвать этапом глобализации) началась в ряде стран после успешного проведения ряда рыночных реформ в середине 1990-х гг. и продолжается в настоящее время. Она характеризуется быстрым развитием крупноформатных торговых сетей, концентрирующих в одном месте большое количество товарных групп с разнообразным ассортиментом и предлагающих более низкие цены, а также мелкоформатных сетевых торговых объектов. Иностранные инвестиции преобладают. Доля крупноформатных торговых объектов постоянно растет, причем развитие движется от крупных городов к мелким, высока степень участия крупных международных сетевых операторов.

По данным доклада PMR «Стратегии розничных сетей в Центрально-Восточной Европе», самой активной из них оказалась «Metro». Около 30% от суммарного товарооборота немецкой компании (сети гипермаркетов «Real» и центров «Cash & Carry» оптовой торговли «Makro/Metro») приходится именно на данный регион. У бельгийской компании «Louis Delhaize» (сеть гипермаркетов «Coqa», супермаркетов «Match» и дискаунтеров «Profi»), а также у французского ритейлера «Auchan» данный показатель составляет по 13%, у британского «Tesco» – 10,5% [5].

В Чехии, Польше, Словакии и Румынии первые пять мест среди крупнейших торговых сетей занимают транснациональные ритейлеры. Иная ситуация сложилась в Венгрии: второе место по показателю товарооборота занимает национальная венгерская розничная торговая сеть «СВА». Эта компания развивает свою деятельность за пределами Венгрии, налаживая сотрудничество с подобными организациями в Болгарии, Румынии, Словакии и Польше (например, в Польше «СВА» сотрудничает с сетью «Nasz Sklep»).

Развитие розничного рынка не во всех странах Восточной Европы проходило одинаково. По сравнению с названными странами, в Россию международные сети вошли немного позже, предоставив при этом локальным компаниям время для накопления капиталов и ноу-хау, которые впоследствии позволили им эффективно конкурировать с иностранными сетевыми операторами. Аналогичная картина прослеживается и в Украине, куда западный капитал пришел еще позже. В обоих случаях лидером рынка розничной торговли остается сегодня местный оператор: в России – «Магнит» и «X5 Retail Group», в Украине – «Fozzy Group». Однако иностранные компании уделяют местному рынку все больше внимания. Россия становится одним из наиболее привлекаемых регионов для вложения иностранных инвестиций в развитие торговой недвижимости и создания интернациональных сетей. Активно развиваться рынок сетевой торговли начал с 2002 г., и к 2006 г. он вырос в 1,5–2 раза. Самым развитым регионом по уровню проникновения сетевого бизнеса является Москва. Это связано с макроэкономическими показателями столицы, что делает ее перспективной для работы большого числа торговых компаний [5].

Сегодня отечественная и зарубежная розница захватывает все новые регионы Украины: к началу этого года в сегменте розничных сетей в стране работает 148 компаний, объединяющих 671 торговую точку. Общенациональное покрытие (4 основных региона: Центр, Юг, Восток и Запад) обеспечивают 6% торговых компаний, объединяющих 41% торговых точек. Около 15% «сетевиков» представляют собой региональные компании,

составляющие 34% торговых точек. Еще 39% компаний – локальные (в пределах города или административной единицы), которым принадлежит 16% сетевых торговых точек. Крупные магазины-одиночки – это 40% «сетевиков» и 8% крупных торговых точек [6].

В Республике Беларусь, по мнению авторов, развитие сетевого ритейла находится на начальном этапе. Беларусь всё ещё остаётся неосвоенным рынком для крупных розничных сетей. Действительно, потребительская активность в Беларуси не так велика, как в соседних странах, но почти полное отсутствие конкуренции среди крупных сетей вместе с выгодной географической расположенностью делают эту территорию ещё более привлекательной. Рост и благоустройство белорусских городов создают благоприятную ситуацию для развития торговых сетей, которые принесут жителям удобство современных технологий торговли и обслуживания. Вслед за Минском начинают развиваться и региональные рынки, все больше интересую иностранных инвесторов. Гипермаркеты пока еще занимают небольшой сегмент в торговой сети республики, но в последние годы ведется их активное строительство и открытие. Так, за последние годы в Беларуси с участием иностранных инвесторов открыты и успешно работают такие гипер- и супермаркеты, как «Гиппо», «Максимус», «Bigzz», «Простор», «Корона», «Вестер», «Веста» и др.

Что касается стран Балтии, то западные сети занимают небольшие доли в этом регионе. Малые территории и небольшая численность населения в этих странах стали главными факторами, ограничивающими присутствие иностранных инвесторов.

Следует отметить, что для всех стран Восточной Европы характерно повышение интересов инвесторов к городам с населением менее 300 тысяч человек, где рынки недвижимости абсолютно не насыщены, качественные проекты отсутствуют, нет места конкуренции. Приход сетевой торговли в такие регионы обеспечивает новое качество жизненной среды (меняет их облик, дает возможности развития развлекательных объектов и мест отдыха), создает рабочие места, расширяет ассортимент.

Однако, по мнению авторов, кризисные явления во многих странах, в том числе Восточной Европы, общая мировая экономическая и политическая нестабильность, окажут негативное влияние на инвестирование торговых проектов, могут привести к незавершенности строительства или длительной окупаемости, снижению покупательской способности. Ввиду этого рынки коммерческой недвижимости и розничной торговли в странах Восточной Европы в силу своей индивидуальности, о чем уже говорилось, требуют принятия стратегических решений для привлечения инвестиций, а именно:

- 1) создания концепции инвестирования для конкретной страны с учетом ее инвестиционной привлекательности с опорой на уровень социально-экономического развития государства, существующих налоговой и финансовой систем и арендных ставок;

- 2) определения направления развития территории с учетом насыщенности торговыми объектами, наличия свободных площадей, масштабов регионов и городов, архитектурных планов городского развития территории;

- 3) выработки стратегии развития торговой сети, т.е. определения необходимости в строительстве новых объектов, реконструкции действующих, изменении профиля; анализ наличия неиспользованных коммерческих площадей;

- 4) выбора формата торгового объекта – определение типа (формата) объекта инвестирования с учетом существующих форматов, обеспеченности населения торговыми площадями, доступности;

- 5) проектирования торгового объекта – разработка проектной документации застройки согласно международным строительным нормам и правилам;

- 6) расчёты размера капиталовложений – составление сметы затрат по направлениям использования, определение источников финансирования;

- 7) расчет срока окупаемости проекта, т.е. периода возвратности инвестиций;

8) прогнозирование прибыли на 1 м² – предполагаемый экономический результат от эксплуатации (сдачи в аренду) торгового объекта.

Наряду с этим не следует забывать о социальном эффекте от вложения инвестиций в развитие торговой недвижимости, который можно оценить с учетом предлагаемых составляющих:

- 1) доступность товаров для выбора и приобретения потребителями;
- 2) широта и разнообразие ассортимента, обуславливающие предложение большого количества ассортиментных групп, видов, моделей и марок;
- 3) предложение в ассортименте товаров известных брендов, более качественных и, как правило, востребованных;
- 4) широкий ценовой диапазон, т.е. альтернатива выбора для разных социальных групп;
- 5) формирование культуры потребления, развитие покупательского спроса и обновленных потребностей;
- 6) возможность совершения комплексной покупки, а также получение разного рода потребительских услуг, связанных с приобретением товара (упаковка, комплектация, доставка, гарантийное обслуживание, оформление заказа) или не связанных (горячее питание, парковка);
- 7) создание дополнительных рабочих мест для работников прилавка и улучшение условий их работы;
- 8) придание привлекательности торговым объектам и улучшение инфраструктуры региона в целом.

Более тщательно следует подойти к выбору торговых форматов и организации торговых сетей с учетом требований потребителей. Попробуем разобраться в приоритетах вложения инвестиций в развитие разных форматов торговли, проанализировав сущность торговых сетей.

Сложилось традиционное представление о сетевой торговле как о крупном игроке на рынке торговой недвижимости, владеющим большими площадями, вкладывающим огромные капиталовложения в создание и в функционирование торговой сети, дающим высокий товарооборот и эксклюзивность продажи.

Однако, по нашему мнению, не следует рассматривать сетевую торговлю только как крупноформатную торговую сеть с системой торговых центров, гипер- и супермаркетов, точек общественного питания, развлекательного бизнеса и другого рода услуг. Для подтверждения этого мнения предлагаем разработанную нами классификацию торговых сетей и охарактеризуем отдельные их виды.

Торговые сети – это организационные структуры продавцов оптовой или/и розничной торговли, созданные по сетевому принципу, т.е. ориентированные при их построении на достижение следующих условий организации и функционирования:

- 1) общий управляющий центр и единая корпоративная стратегия, что позволяет выработать единые цели и решать управленческие задачи, скоординировать деятельность отдельных торговых объектов и добиться наилучших результатов;
- 2) единые логистика, учет и управление всеми бизнес-процессами, которые обеспечивают рационализацию потоков (информационных, товарных, денежных) при организации товарообращения;
- 3) централизация закупочной деятельности, т.е. создание распределительного центра, дающего возможность добиваться снижения уровня розничных цен и повышения конкурентоспособности за счет осуществления закупок товаров в больших объемах по более низким ценам;
- 4) единое управление ассортиментом товаров, способствующее формированию оптимального ассортимента, расширению и обновлению его в соответствии с конъюнктурой;

5) стандартизация торговых операций, т.е. разработка и исполнение установленных норм и правил при выполнении торгово-технологических операций, обеспечивающих упорядочение в сфере торговли и достижение качества обслуживания потребителей;

6) создание собственного бренда, что является элементом продвижения и обеспечивает узнаваемость торгового объекта;

7) использование стандартов мерчендайзинга и обслуживания покупателей (способствует организации рациональной планировки магазина и выкладки товаров, повышению культуры обслуживания);

8) стратегия размещения магазинов (предполагает наилучший выбор района и места размещения с учетом внешнего окружения).

Классификация торговых сетей

1. Торговые сети в зависимости от привлекаемых инвестиций.

1.1 Интернациональные (создаются за счет инвестиций международных сетевых компаний, выходящих на рынок другой страны, привлекают капитал иностранных банков).

Проникновение одной торговой сети в страну в итоге приводит к монополии, что отрицательно сказывается на рыночной ситуации. Если местная торговля не подготовлена к конкуренции, приход зарубежных сетей несет много издержек для местной торговли и местных бюджетов. Когда создаются несколько сетей с одной-двумя торговыми точками, конкурирующие по ассортименту, их будущий рост ограничен, в итоге неизбежно вытеснение слабого более экономически сильным оператором. При появлении в стране иностранных сетей продвигаются новые технологии в продаже товаров, поэтому их нахождение на рынке дает возможность местным продавцам перенять опыт и избежать недостатков при создании своих торговых сетей.

Однако европейский опыт функционирования интернациональных сетей, по нашему мнению, показывает негативные тенденции их влияния на национальную экономику:

1) усиливается монополия крупных торговых сетей, вытесняются более слабые, малые формы объектов торговли;

2) ущемляются интересы индивидуальных предпринимателей, хотя их роль в торговой сфере весома. Например, в Беларуси их занятость в сфере торговли (2010 г.) – 40,9%, по количеству занятых в отраслевом разрезе – 30,4% от общей численности занятых в малом бизнесе;

3) полученная прибыль вывозится за границу, т.е. происходит отток капитала;

4) привлекая трудоспособное население, работодатель, как правило, не стремится к обеспечению социальной защищенности, что влечет за собой текучесть кадров.

1.2 Общенациональные (они основаны на привлечении национального капитала в строительство и развитие сетевой торговли по всей территории страны).

В отличие от иностранных сетей их создание позволит:

1) учесть национальные особенности страны в формировании потребительского спроса и наилучшим образом его удовлетворить;

2) продвигать отечественные бренды, повышая тем самым уровень конкурентоспособности отечественной продукции;

3) сохранить добавочный капитал в стране и направить его на расширение площадей и развитие инфраструктуры торговли;

4) решать социальные нужды занятого в торговой отрасли населения.

При создании отечественных торговых сетей возможны преференции государства: снижение ставок арендной платы; получение кредитов под ставку рефинансирования Национального банка для закупки отечественных товаров при реализации их населению с более низкой торговой надбавкой; оказание поддержки в продвижении собственной торговой марки сети.

1.3 Региональные (создаются в рамках конкретной территориальной единицы, привлекают местный капитал, должны учитывать производственный потенциал и сложившийся опыт функционирования торговли в регионе, межрегиональные хозяйственные связи и платежеспособный спрос населения). Как правило, создание региональных торговых сетей происходит путем интегрирования хозяйственной деятельности различных торговых структур, действующих на данной территории.

2. Торговые сети по типу инвесторов.

Инвесторы, вкладывающие капитал в торговую недвижимость, различаются по целям инвестирования и используемым источникам финансирования. Основными целями инвестирования могут быть:

1) сдача торгового объекта в аренду (является наиболее привлекательной при росте арендных ставок элитной торговой недвижимости, что характерно для больших городов);

2) экономическое (производственное) использование (это привлекает сетевых операторов, успешно функционирующих в сфере торгового бизнеса);

3) коммерческая, т.е. приобретение с целью перепродажи (используется в период кризиса, когда цены падают, а инвестор обладает свободным капиталом);

4) приобретение для последующего развития – использование стратегии расширения.

Способы финансирования:

1. Использование собственного капитала (100%).

2. Смешанное финансирование: в качестве соинвесторов могут выступать коммерческие, финансовые структуры, государственные фонды, частные инвесторы.

3. Торговые сети в зависимости от предлагаемого ассортимента товаров.

3.1 Брендовые; они создаются для продвижения известных брендов (предлагают в ассортименте товарную продукцию одного бренда), привлекая капитал как самих производителей брендовой продукции, так и посредников (дилеров, дистрибьютеров).

Фирменная торговля продукцией собственного производства, организуемая промышленными предприятиями, осуществляется в ряде торговых объектов как на прилегающей территории, так и на удаленной, в том числе в других регионах. Эта форма торговли является достаточно распространенной и может рассматриваться как брендовая торговая сеть; при ее организации производитель вынужден отвлекаться от основной деятельности – производства – и, не владея в полной мере умением торговать и мастерством продвижения бренда, сводит фирменную торговлю только к разнообразию ассортимента и более низким ценам. Однако идеология бренда – это определенное представление не только о товаре и цене, но и формах и методах его продажи, о репутации и узнаваемости магазинов одной сети.

Привлечение инвестиций в создание брендовой торговой сети, по нашему мнению, позволит создать собственную торговую марку сети, активно продвигать ее на рынок, повышая конкурентоспособность. Например, на товарах, продаваемых в сети крупного оператора «Lidl», информация о настоящем производителе отсутствует. Вместо этого пишется «Lidl Stiftung & Co. KG». Подобная стратегия называется собственной (или частная, или сетевая) торговая марка (англ. *privatelabel*).

3.2 Мультибрендовые; они создаются для продвижения однородной продукции (одной категории, группы, единого потребительского назначения) нескольких известных брендов, привлекая капитал как самих производителей (фирменные секции), так и розничных операторов.

Преимущества такого вида торговых сетей:

1) предоставление альтернативы для выбора покупателями из предложенных торговых марок того товара, который будет в полной мере удовлетворять их запросам;

2) возможность удовлетворить комплексный спрос;

3) расширение рыночных возможностей для продавцов.

4. Торговые сети по уровню ценовых категорий.

4.1 Дисконт (сниженные цены, приближенные по уровню к ценам мелкооптовых магазинов; приемлемы для слабозащищенных социальных слоев населения (пенсионеры, студенты, многодетные семьи); однако товар не отличается наивысшими качественными характеристиками).

4.2 Ниже среднего (цены, как правило, устанавливаются в системе супермаркетов и на предприятиях фирменной торговли за счет меньшей торговой надбавки).

4.3 Средние (цены устанавливаются на товары повседневного спроса, в том числе регулируемые государством, и зависят от фирмы-производителя; они могут применяться в разных форматах торговли).

4.4 Выше среднего (цены бутиков и эксклюзивных магазинов; причем уровень цен не всегда соответствует качеству).

4.5 Люкс/премиум (цены применяются для мировых брендов, уникальных изделий); сети ориентированы на потребителей высокого уровня дохода и избирательного спроса.

5. Торговые сети по характеру специализации (группам товаров).

5.1 Специализированные:

1) ремонт и строительство (предлагают комплексность приобретения товаров для строительства, ремонта, отделки и устройства интерьера);

2) товары для сада и огорода (включают в ассортимент технику и садово-огородный инвентарь, удобрения и средства защиты растений);

3) запчасти, аксессуары – предлагают всю номенклатуру запчастей для механических транспортных средств (автомобили, мотоциклы, велосипеды), а также аксессуары для ухода и обслуживания);

4) продукты питания (продовольственные товары всех ассортиментных групп).

5.2 Неспециализированные (многопрофильные) торговые сети предлагают универсальный набор товаров и услуг; ассортимент зависит от формата и размера объекта.

С точки зрения формата, торговые сети могут быть как крупноформатные, так и малоформатные. Инвестиционно более привлекательны крупноформатные сети супер- и гипермаркетов, торговых и торгово-развлекательных центров, моллов и мегамоллов.

6. Торговые сети по применяемой модели управления.

6.1 Инвестиционные. Их применяют сетевые компании, объединенные общими инвесторами либо торговой маркой; единый финансовый центр, с практически самостоятельными объектами хозяйствования, не управляет процессами товародвижения, не может обеспечить полную логистику и централизацию закупок, поэтому теряется сама суть сетевой торговли.

6.2 Холдинговые. Они применяются в 2-х случаях:

1) когда при закупке товаров менеджеры торговых точек самостоятельно взаимодействуют с поставщиками, оперативно регулируя поставки. Эту модель можно применять при отсутствии распределительных центров для снабжения скоропортящимися товарами, производимыми в регионе;

2) при наличии оперативной информации о состоянии товарных запасов в торговых объектах системы супермаркетов, что обеспечивает гибкость в управлении; (эта модель может быть использована при построении розничных торговых систем национального уровня);

6.3 Централизованные. Они наиболее применимы многими сетевыми операторами, так как в большей степени отвечает принципам организации торговых сетей. В этом случае создается единый распределительный центр, дистанционно управляющий входящими в состав торговыми объектами, причем отдельные операции логистической цепочки выполняют менеджеры магазинов. Эта модель высоко эффективна при условии стандартизации всех бизнес-процессов. Инвестиционные затраты будут связаны с построе-

нием каналов связи, созданием единого сервера, что позволит осуществлять управление непрерывным образом; вместе с тем не потребуются рост аппарата управления при перспективном росте объектов сетевой торговой компании.

6.4 Лоточные. Они предполагает сосредоточение всех управленческих функций в распределительном центре, кроме отпуска товаров покупателям, который осуществляют магазины. Применяется для работы отдельных форматов, в основном для сетей магазинов-дискаунтеров. Отличительной особенностью является отсутствие информационной системы on-line в магазинах, применяются только POS-терминалы для передачи данных менеджерам центра. Инвестиционные затраты будут связаны с доработкой и предпродажной подготовкой в распределительном центре (на складе).

6.5 Гибридные. Они допускает сочетание нескольких моделей, когда в одной сети отдельные торговые объекты управляются централизованно, а другие – по «холдинговому» принципу. Такие торговые сети применяют розничные операторы, строящие общенациональные сети. Это позволяет создать более гибкую систему управления, учитывающую принцип иерархии: центр – структурные подразделения, внутри которых будет применяться либо «централизованная», либо «гибридная» модель.

Таким образом, предложенная авторами классификация позволяет не только отметить особенности построения и функционирования торговых сетей, но и выявить инвестиционную привлекательность их отдельных видов.

В условиях развитого рынка существует проблема поглощения более успешными компаниями малоэффективных торговых объектов, в том числе и крупноформатных, даже несмотря на низкую насыщенность ими в ряде стран Восточной Европы. Причиной этого является недостаточная конкурентоспособность участников розничной торговли. Поэтому следует рассматривать вопрос не просто о появлении сетей в стране, а о создании сетевой торговли качественно нового уровня.

Сформулируем основные задачи, которые надо решить для эффективного функционирования розничной сети:

1. Обеспечение возможности проведения централизованной закупочной политики, что может стать одним из основных факторов формирования конкурентного приоритета торговой сети. Централизованный метод доставки товаров имеет большие преимущества перед децентрализованным. Он освобождает работников магазинов от потери времени на поездку за товарами, упорядочивает использование транспорта. Экономическая эффективность централизованной доставки тем выше, чем больше товаров доставляется средствами поставщика.

2. Для установления конкурентной розничной цены снижение издержек по упаковке, маркировке, транспортированию и хранению товаров, на содержание аппарата управления. В торговой сети они будут минимизированы за счет аккумуляции в центре.

3. Повышение оборачиваемости финансовых ресурсов за счет внедрения высокотехнологичной логистики, что позволит рационализировать процесс товародвижения и повысить эффективность использования финансовых средств.

4. Обеспечение оптимального количества управленческого персонала для эффективного функционирования торговой сети.

5. Достижение оптимизации ассортимента путем постоянного изучения спроса, стимулирования продаж, применения современных форм и методов торговли.

6. Внедрение автоматизированных технологических процессов на всех этапах осуществления торгового бизнеса, обеспечивающее оперативность управления всеми структурами, входящими в торговую сеть.

В условиях инфляции и перенасыщения крупными торговыми форматами центральных городов (столицы, областных и краевых центров) возникает необходимость развития сетевой форматной торговли, выбирая те типы (форматы) магазинов, которые бу-

дуг наиболее эффективны и удобны для покупателей. Становится потенциально перспективной концепция «экономии времени», которую воплощают магазины «у дома», особенно в России, Украине, Молдове и др. странах, где препятствием для развития крупных торговых объектов является слаборазвитая транспортная инфраструктура.

Форматы торговых объектов зависят от численности населения и его демографических характеристик, плотности жилых застроек, удаленности от столицы и областных центров, характера занятости населения и т.д.

С точки зрения инвестиционной привлекательности, наиболее приемлемы крупноформатные объекты розничной торговли. Однако не следует забывать и о предпочтениях покупателей. При выборе форматов розничной торговли необходимо учитывать факторы, влияющие на выбор магазина. Именно поэтому в настоящее время активно развивается ряд различных форматов магазинов. При этом если в странах Восточной Европы рост современных форматов продолжается, то в Западной Европе – рынок достиг стадии насыщения, и в большинстве стран совокупная доля современных форматов в последние годы уже практически не менялась [5].

Следует также отметить, что оформление магазинов одного сетевого оператора стандартно и неизменно во всех форматах, вплоть до цветового решения залов, подбора холодильного оборудования, кассовых аппаратов, тележек, товарных полок, упаковки и рекламных средств. Каждый магазин предлагает единый уровень обслуживания и качества товаров, применяет собственную торговую марку (в случае ее создания).

Отличаются разные форматы сетей по торговой площади и ее планировке, предлагаемому ассортименту. Цены могут меняться в зависимости от конъюнктуры рынка и графика работы конкурентов.

Заключение

Проведенный анализ позволил авторам выявить закономерности создания и развития розничных торговых форматов для стран Восточной Европы, а также особенности инвестирования.

1. Все страны прошли три фазы развития, но разными темпами (в зависимости от темпов реализации рыночных реформ), имеют свои специфические особенности, обусловленные менталитетом, масштабом территории, численностью потребителей, экономическими возможностями, поэтому необходимо вырабатывать инвестиционную стратегию развития торговых сетей индивидуально для каждой страны.

2. Развитие сетевой торговли осуществляется от более развитых стран к менее развитым, поэтому объективно движение инвестиций с запада на восток, вложение их на современном этапе в развитие торговой недвижимости в Молдове, Казахстане, Румынии, Азербайджане и др.

3. Торговые сети завоевывают рынок поэтапно (вначале проникают «соседские», затем европейские и мировые операторы) и расширение масштабов, а так же их качественное изменение происходит при повышении культуры потребления и принятии новых потребительских стандартов населением.

4. Каждый из операторов, выходя на рынок отдельного государства, придерживается собственной стратегии развития: наращивание количества магазинов, поглощение существующих сетей или создание совместных предприятий. Причем формы организации и сотрудничества участников сети могут быть различны.

5. При насыщении центральных регионов происходит экспансия внутри страны: из столичных и просто крупных городов сети постепенно распространяются на мелкие города и даже поселки. В регионах – от центра к растущим пригородам. Однако недостаточно развитая транспортная инфраструктура в ряде стран Восточной Европы оказывает отрицательное влияние на интенсивность развития форматной торговли.

6. Выбор форматов сетевых магазинов нужно привязывать к особенностям конкретного региона, учитывать предпочтения потребителей, стремиться к достижению наилучших социально-экономических результатов от вложения инвестиций в тот или иной формат.

7. Развитие сетевой торговли должно быть нацелено на повышение качества торговой недвижимости, улучшение условий труда занятого в торговле населения, обеспечение культуры торговли.

8. Каждый экономический кризис может стать новой вехой в развитии торговых сетей, причем инвесторы выбирают наиболее экономически успешные страны и финансово устойчивые регионы с целью минимизации рисков от спада покупательской способности и медленной возвратности вложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индексный рейтинг инвестиционной привлекательности стран / Нац. рейтинговое агентство, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ra-national.ru/>.

2. Вложения в коммерческую недвижимость Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://prian.ru/news/>.

3. Перспективы мировой розничной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.franchexpert.ru/>.

4. Разговоры о коммерческой недвижимости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://talkaboutcre.blogspot.com/>.

5. Розничная торговля в Центрально-Восточной Европе: основные тренды [Электронный ресурс]. – PMR «Стратегии розничных сетей в Центрально-Восточной Европе». – Режим доступа : <http://allretail.com.ua/>.

6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Garchuk I.M., Khutava A.N. Investing in the Development of Retail Formats in Eastern Europe

The rapid pace of economic growth, a favorable tax environment and a high level of performance began to attract investors in the economy of Eastern Europe. According to the UNCTAD experts approximately 30% of investors believe Eastern European markets favorable to investment in high technology and sophisticated production, as well as in trade. The most preferred are Poland and Russia [1]. Investing in Eastern European countries is quite profitable. It may be less profitable than investing in the assets of China and India, but less risky.

In retail, the main strategic direction of organizational development is the establishment of trading networks. The positive effect of their use is very high. It is a network organization of trade is an important economic and social tool that directly affects the quality of life for many consumers. The global experience of the trade shows that the trade network is quite efficient and can take up to 90% of the retail market in virtually every country, as itself a competitive advantage over independent shop.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.02.2012

УДК 338.47-025.27

Н.И. Зайцева, И.И. Шоня

РОЛЬ КЛАСТЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

Национальная экономика развивается только в том случае, когда в ней оптимально сочетается малый, средний и крупный бизнес. Развитие малого и среднего бизнеса и повышение его роли в развитии национального производства являются одним из важнейших направлений реформирования экономики в Республике Беларусь. Одной из главных стратегических задач государственной политики развития нашей страны является повышение конкурентоспособности предприятий и регионов, а также укрепление их ресурсного потенциала. Это возможно только благодаря группировке взаимозависимых компаний малого, среднего и крупного бизнеса в определенных областях, характеризующихся совместной деятельностью и взаимодополняющих друг друга, а именно созданию кластеров. Возникающая при интеграции фирм новая структура может использовать синергический эффект, заключающийся в том, что результат деятельности объединения фирм превосходит сумму результатов их самостоятельного функционирования.

Введение

Повышения конкурентоспособности экономики можно достичь только благодаря переходу на инновационную модель развития. Данная модель стремится повысить благосостояние граждан за счет ускорения экономического роста. Она содержит значительное количество элементов, одним из которых являются кластеры. Данные образования позволяют решить одну из главных проблем национальной и региональной экономики – проблему стабильного экономического роста. Кластеры – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимозависимых компаний, а также связанных с их деятельностью организаций в определенных областях, характеризующихся совместной деятельностью и взаимодополняющих друг друга.

В последнее время проблемой развития кластеров в Республике Беларусь заинтересовались многие специалисты, оживились исследования проблематики формирования и функционирования кластеров. Это объясняется в первую очередь тем, что одной из главных стратегических задач государственной политики развития нашей страны является повышение конкурентоспособности предприятий и регионов, а также укрепление их ресурсного потенциала. Однако проблематике использования кластеров как фактора инновационного развития предприятий и территориальных образований не уделяется должного внимания, поэтому данное направление требует дальнейшей разработки.

Понятие «кластер» по отношению к отраслям и компаниям было введено в научный оборот американским экономистом М. Портером в 1990 г. в рамках его концепции ромба национальных конкурентных преимуществ, которая является наиболее известной среди всех исследований о национальной и региональной конкурентоспособности. М. Портер – основатель теории кластеров – считал, что предприятия отдельных отраслей имеют свойство концентрироваться в определенных регионах страны. При этом наиболее конкурентоспособные предприятия активно влияют на субъекты рынка, с которыми взаимодействуют, – поставщиков, потребителей и конкурентов, повышая их конкурентоспособность. В свою очередь, повышение конкурентоспособности этих предприятий благоприятно влияет на деятельность предприятия-лидера. В результате такого активного взаимодействия возникает синергический эффект.

Возникающая при интеграции фирм новая структура может использовать синергический эффект, заключающийся в том, что результат деятельности объединения фирм превосходит сумму результатов их самостоятельного функционирования.

Одним из самых перспективных и динамичных направлений экономической деятельности является логистика. Логистика по праву считается эффективным источником

обеспечения конкурентных преимуществ. Особенно развитие логистики важно в Республике Беларусь. Кластеры в сфере логистики есть во многих странах мира, однако в нашей стране логистический кластер отсутствует. Основные задачи кластера состоят в совершенствовании транспортной системы страны, налаживании взаимодействия предприятий транспортной отрасли, реструктуризации транспортных структур.

Участниками кластеров являются производители и поставщики, инжиниринговые и консалтинговые фирмы, научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения, кредитные организации и банки, инфраструктура, администрации регионов и профессиональные и общественные организации.

Компании выигрывают, имея возможность делиться положительным опытом и снижать затраты, совместно используя одни и те же услуги и поставщиков.

Предпосылки развития кластеров в Республике Беларусь

Стартовые предпосылки для формирования кластеров:

1. Наличие конкурентоспособных предприятий. В качестве индикаторов конкурентоспособности могут рассматриваться: относительно высокий уровень производительности компаний и секторов, входящих в кластер; высокий уровень экспорта продукции и услуг; высокие экономические показатели деятельности компаний, такие как прибыльность, акционерная стоимость.

2. Наличие в регионе конкурентных преимуществ для развития кластера, например, выгодное географическое положение, доступ к сырью, наличие специализированных людских ресурсов, поставщиков комплектующих и услуг, специализированных учебных заведений и образовательных программ, специализированных организаций, проводящих НИОКР, необходимой инфраструктуры и др. В качестве индикатора конкурентных преимуществ территории может рассматриваться: сравнительно высокий показатель привлеченных иностранных инвестиций на уровне предприятий или секторов, входящих в кластер.

3. Географическая концентрация и близость. Ключевые участники кластеров находятся в географической близости друг к другу и имеют возможности для активного взаимодействия. Географический масштаб может варьироваться от типа и особенностей кластера и охватывать один или несколько регионов государства. В качестве индикаторов географической концентрации могут рассматриваться различные показатели, характеризующие высокий уровень специализации данного региона.

4. Широкий набор участников и наличие «критической массы». Кластер может состоять из компаний, производящих конечную продукцию и услуги, как правило экспортируемые за пределы региона, системы поставщиков комплектующих, оборудования, специализированных услуг, а также профессиональных образовательных учреждений, научно-исследовательских институтов и других поддерживающих организаций. В качестве индикаторов могут рассматриваться показатели, характеризующие высокий уровень занятости на предприятиях и в секторах, входящих в кластер, количество компаний и организаций, относящихся к секторам, входящим в кластер.

5. Наличие связей и взаимодействия между участниками кластеров – один из ключевых факторов успеха. Эти связи могут иметь различную природу, включая формализованные взаимоотношения между головной компанией и поставщиками, между самими поставщиками, партнерство с поставщиками оборудования и специализированного сервиса; связи между компаниями, высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами в рамках сотрудничества при реализации совместных НИОКР и образовательных программ.

Развитие транспортной сети – одна из главных составляющих региональной экономики. Сегодня Брестская область – это один из элементов экономики Республики Беларусь. Она расположена на пересечении международных транспортных коридоров. Вы-

годное географическое расположение региона привело к тому, что здесь представлены все виды транспорта, включая авиационный, автомобильный, железнодорожный и речной. Предприятия региона активно взаимодействуют с соседними странами, поэтому часто прибегают к помощи транспортных предприятий.

В Брестской области формируются крупные транспортные узлы, ориентированные на обеспечение связи между Западной Европой и Россией. Создание кластера, объединяющего различные транспортные компании, которые предоставляют сопутствующие услуги, будет благоприятствовать развитию экономики области. В регионе должен быть сформирован и получить ускоренное развитие транспортно-логистический кластер, основная задача которого – совершенствование транспортной инфраструктуры.

Реализация концепции создания транспортно-логистического кластера предусматривает использование таких средств и методов регулирования, как нормативно-правовое регулирование; административное управление, бюджетное финансирование, инвестиционная поддержка, организационное и информационное обеспечение.

Под транспортно-логистическим кластером следует понимать сконцентрированную на определенной территории группу взаимозависимых предприятий, организаций и компаний, специализирующихся на предоставлении транспортно-логистических услуг, а также связанных с их деятельностью организаций, которые активно взаимодействуют с потребителями логистического сервиса и обеспечивают конкурентные преимущества соответствующих территорий. Кластер может включать предприятия и организации, обслуживающие объекты транспортно-логистической инфраструктуры. Данные кластеры развиваются в регионах со значительным транзитным потенциалом.

Преимущества создания транспортно-логистического кластера:

- 1) снижение затрат на внедрение новых технологий за счет эффекта масштаба;
- 2) более эффективный характер коллективных инноваций в наукоемких отраслях;
- 3) увеличение потенциального рынка инжиниринговых и консалтинговых услуг, в том числе для малых предприятий;
- 4) расширение доступа к информации о потребностях рынка и продвижение продукции и услуг малого бизнеса на рынок крупных предприятий;
- 5) повышение возможности предприятий, в том числе малых, к привлечению инвестиций и грантов;
- 6) более эффективная система выхода на зарубежных партнеров и новые рынки.

Основные категории участников кластера:

- 1) предприятия (организации), специализирующиеся на профильных видах деятельности;
- 2) предприятия, поставляющие продукцию или оказывающие услуги для специализированных предприятий;
- 3) предприятия (организации), обслуживающие отрасли общего пользования, включая транспортную, энергетическую, инженерную, природоохранную и информационно-телекоммуникационную инфраструктуру;
- 4) организации рыночной инфраструктуры (аудиторские, консалтинговые, кредитные, страховые и лизинговые услуги, логистика, торговля, операции с недвижимостью);
- 5) научно-исследовательские и образовательные организации;
- 6) некоммерческие и общественные организации, объединения предпринимателей, торгово-промышленные палаты;

Развитие транспортно-логистического кластера сталкивается с рядом проблем, среди которых можно выделить такие:

- 1) отсутствие понимания сущности преимуществ кластерного подхода со стороны субъектов органов власти Республики Беларусь, как следствие – отсутствие поддержки кластерных инициатив, особенно на местном уровне;

- 2) удобная для минимизации налогообложения и использования административного ресурса практика вертикально-интегрированных компаний;
- 3) отсутствие культуры информационной открытости;
- 4) недоверие между потенциальными участниками кластера;
- 5) недобросовестная конкуренция;
- 6) неразвитость системы поставщиков;
- 7) недостаточная гибкость образовательных учреждений;
- 8) отсутствие опыта управления на основе аутсорсинга.

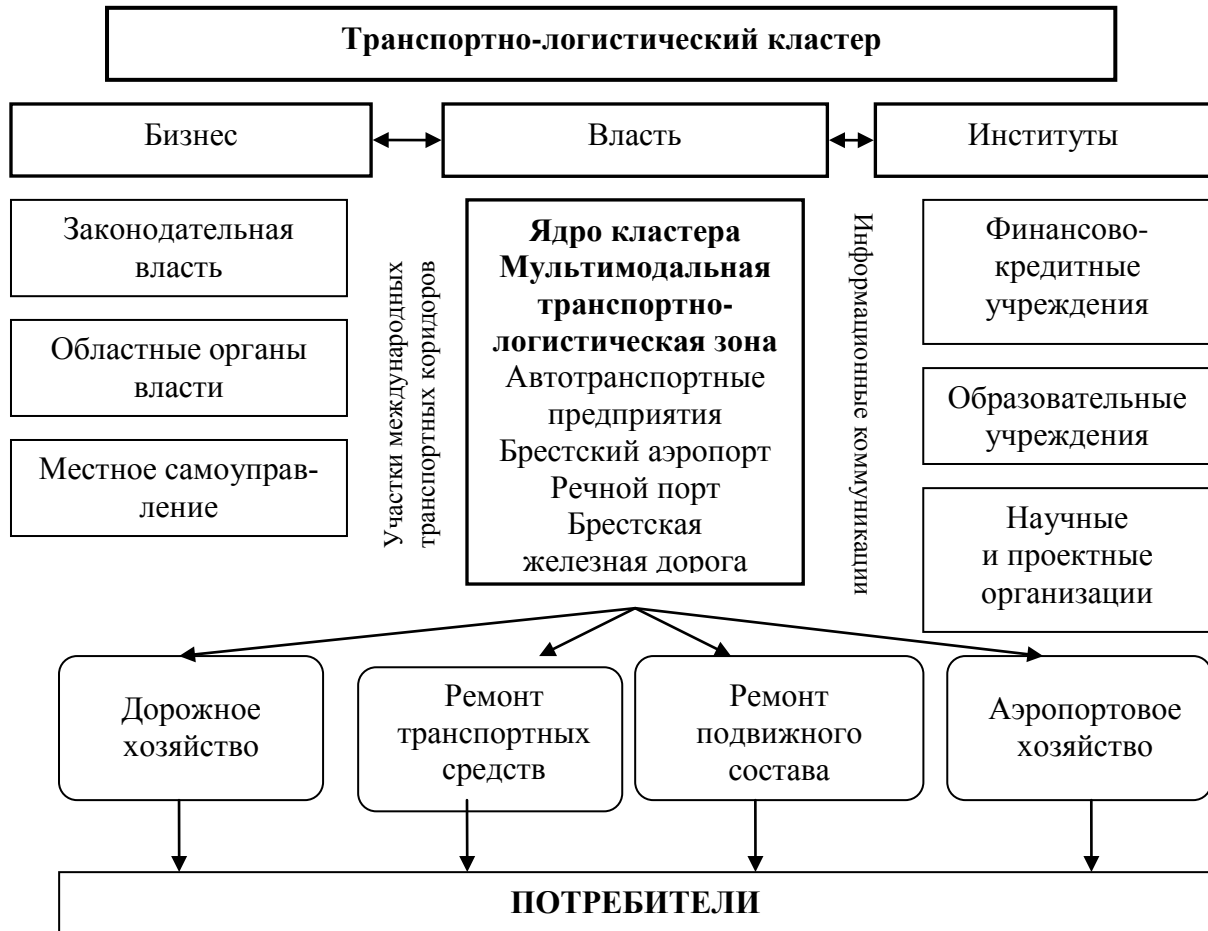
Типичный кластер состоит из компаний малого и среднего размера, каждая из которых не получает значительных выигрышей от конкуренции с другой входящей в кластер компанией (в противоположность нескольким группам компаний на олигополистических рынках). В то же время компании кластера получают выигрыш от компактного расположения, связанный с использованием специализированных ресурсов (наличие на данной территории квалифицированного персонала и специфичной инфраструктуры, необходимой для осуществления данного бизнеса). Успешное развитие кластеров предполагает массовое производство, обычно ориентированное на мировой рынок. В этом смысле развитие кластеров требует значительной интеграции территории в более широкое экономическое пространство.

Алгоритм формирования Брестского транспортно-логистического кластера

На основе анализа и обобщения практики создания кластеров разработан алгоритм формирования регионального транспортно-логистического кластера, который включает следующие этапы:

1. Установление внешних и внутренних ограничений: целевых, ресурсных, законодательных, научно-технических.
2. Формулирование цели и задач исходя из особенностей региона, его потенциала и роли в рамках единой макрологической системы страны.
3. Проведение исследования элементов транспортно-логистической системы (ТЛС) региона с целью выявления состава и структуры транспортно-логистического кластера.
4. Проведение маркетингового анализа конкурентных преимуществ и потребительских предпочтений предприятий различных отраслей, расположенных в регионе. На данном этапе определяется перечень работ и услуг, характерных для транспортно-логистической инфраструктуры, перспективные направления развития услуг ТЛС в регионе и выявляются особые требования отдельных грузоотправителей и грузополучателей.
5. Формулирование основных программных мероприятий, реализующих поставленные задачи и цели, обоснование необходимых затрат, определение этапов и сроков выполнения программы формирования ТЛС в регионе, механизмов осуществления программы, организации управления и контроля за ходом её выполнения.
6. Уточнение состава участников кластера.

На рисунке представлен примерный транспортно-логистический кластер, который может быть создан в Брестском регионе.

**Рисунок – Пример транспортно-логистического кластера
Брестского региона**

Благодаря географическому положению в Брестской области сосредоточено много транспортных и экспедиционных предприятий. Данные предприятия получают выгоды от принадлежности к кластеру посредством:

- 1) повышения эффективности системы поставок сырья, компонентов и комплектующих, более успешного применения субконтракта;
- 2) доступности и качества специализированного сервиса;
- 3) доступа к различным финансовым ресурсам (например, источники рискованного финансирования для новых технологических компаний в кластере информационных технологий);
- 4) доступности и качества возможностей для проведения НИОКР;
- 5) доступности специализированных и производительных человеческих ресурсов;
- 6) построения сети формальных и неформальных отношений для передачи рыночной и технологической информации, знаний и опыта;
- 7) создания системы для выявления коллективных выгод и опасностей, формирования общего видения и продуктивной стратегии развития кластера;
- 8) создания системы взаимоотношений бизнес – власть.

Во многих зарубежных странах (Финляндия, Германия, Япония, Китай и др.) уже сформировались кластеры в различных отраслях промышленности (машиностроение, стройиндустрия, лесная промышленность и т.д.), которые успешно функционируют и позволяют судить не только о необходимости формирования кластеров, но и об эффек-

тивности их работы как со стороны участников кластера, так и в рамках региона или страны в целом. Целью создания транспортно-логистического кластера в Брестской области может быть:

- 1) повышение конкурентоспособности транспортно-логистической отрасли путем развития инновационного потенциала;
- 2) повышение занятости населения за счет увеличения количества рабочих мест;
- 3) улучшение инвестиционной привлекательности транспортно-логистической отрасли;
- 4) увеличение вклада от транспортно-логистических услуг в валовой региональный продукт;
- 5) расширение налоговой базы;
- 6) повышение эффективности системы управления транспортно-логистической деятельностью.

Одним из самых экономически мощных кластеров мира является Силиконовая долина (в штате Калифорния), где имеют свои штабы тысячи компаний, которые занимаются компьютерами, их комплектующими, программным обеспечением, мобильной связью, биотехнологиями и др. Это такие известные компании, как «Eastman Kodak», «General Electric», «Shockley Transistor», «Lockheed», «Hewlett-Packard». В кластере работает свыше одного миллиона человек.

Самый известный европейский кластер – Пластиковая долина. Функционирует он в Восточной Франции, неподалеку от границы со Швейцарией. Предприятия, входящие в его состав, осуществляют превращение полимеров в готовую продукцию, занимаются также проектированием изделий, разработкой новых форм, внедрением машин и т.д.

Общим признаком для обоих названных кластеров, благодаря которому они добились существенного технологического прогресса, является то, что все участники работают как элементы сети, а не поодиночке.

Транспортно-логистический кластер позволит сконцентрировать в себе все промышленные и логистические организации, работающие в сфере грузовых и пассажирских перевозок, грузоотправителей, логистические и транспортно-логистические компании, а также организации, оказывающие сопутствующие услуги.

Среди наиболее значимых затрат на деятельность кластера следует отметить:

- 1) затраты на создание кластера;
- 2) затраты на развитие инфраструктуры и ее поддержание;
- 3) затраты на отдельные проекты и программы кластера.

Финансирование создания кластера, как правило, ведется на основе бюджетных ресурсов или какого-то крупного спонсора (это могут быть, например, корневые предприятия кластера).

Финансирование инфраструктуры и отдельных проектов в кластерах осуществляется как на основе смешанного финансирования (взносы предприятий) участников кластеров (или соответствующих проектов) и бюджетное финансирование (Германия), так и без (или с минимальным участием) бюджетных ресурсов (Великобритания).

Для Республики Беларусь возможен вариант интеграции ресурсов за счет вкладов участников и финансирования из средств различных специализированных программ и фондов. В таблице представлены аспекты, которые привлекают малый и средний бизнес объединяться в кластеры, и те трудности, с которыми они при этом сталкиваются.

Таблица – Привлекательные аспекты и трудности создания и функционирования кластеров

Привлекательные аспекты существования кластеров		Трудности создания кластеров
Для предприятий в целом	Для Брестской области	
Рост продуктивности	Укрепление собственного конкурентного статуса через усиление конкуренции	Недостаточно развитая инфраструктура
Снижение транзакционных издержек	Активизация предпринимательской деятельности	Дефицит капитала и квалифицированной рабочей силы
Повышение способности к восприятию инноваций	Повышение инвестиционной привлекательности	Иерархия кластеров – трудности для поставщиков нижнего уровня
Лучший доступ к рынкам сбыта, специализированным поставщикам, квалифицированной рабочей силе, технологическим решениям	Содействие наиболее рациональному использованию ресурсов	Эффект блокирования (отдельные компании могут быть более конкурентными по сравнению с кластерными)
Большая гибкость, экономия на масштабах производства; эффект синергии	Улучшение инновационной среды региона	Угроза гиперспециализации кластера
Большая вероятность образования новых предприятий	Рост экспортного потенциала, обеспечение устойчивого развития социальных процессов	Незаинтересованность государственных органов власти, непонимание выгод от кластерного подхода

Заклучение

Успешный опыт деятельности новых кластеров позволяет заинтересовать другие разрозненные и неорганизованные группы семейных и мелких предприятий к участию в национальных программах создания новых кластеров.

Процесс группирования ремесленнических, малых и микропредприятий создаёт условия для расширения сотрудничества, взаимного обучения, повышения устойчивости и приспособляемости к изменениям рыночной конъюнктуры.

Опыт показывает, что близость экономических интересов групп предприятий в составе кластеров, объединяющих поставщиков, производителей и субподрядчиков, способствует активизации соревновательных процессов среди отдельных предприятий внутри этих группировок, что в свою очередь содействует общему развитию кластеров благодаря технологической и технической взаимопомощи. Необходимым условием для успешного преобразования группы малых предприятий в единый производственный кластер является просветительская деятельность, проведение ознакомительных посещений действующих кластеров и демонстрация наиболее успешных достижений, обучение предпринимателей и информирование наиболее авторитетных ремесленников и предпринимателей о преимуществах, которые могут быть достигнуты в рамках совместной организованной деятельности в составе кластера.

Во многих странах процесс создания кластеров осуществляется при помощи внешних экспертов, обладающих необходимыми знаниями и опытом.

Зарубежная практика показала, что кластерная организация экономической деятельности служит основой для конструктивного диалога между представителями предпринимательского сектора и государства. Это позволило повысить эффективность взаимодействия частного сектора, государства, торговых ассоциаций, исследовательских и образовательных учреждений.

Создание кластеров способствует развитию региональной экономики:

1. Наблюдается повышение производительности благодаря наиболее эффективной комбинации факторов производства, доступу к информации, лучшей координации деятельности, созданию общественных благ (квалифицированная рабочая сила, специализированная инфраструктура, атмосфера доброжелательности и взаимопомощи, повышение социальной активности общественных объединений и др.).

2. Происходит возникновение новых деловых структур внутри кластера благодаря информированности о существующих нишах в производстве продукции и услуг, способах реализации, концентрации и доступности, необходимых для развития ресурсов.

3. Идет широкое распространение инноваций благодаря быстрому реагированию на изменяющиеся потребности покупателей, наличию информации о новых методах производства, технологиях, возможностях расширения поставок и др.

4. Развиваются взаимосвязи между профилирующими исследовательскими центрами и предприятиями на местном и региональном уровне, что способствует повышению технического уровня производства и косвенным образом влияет на экономическую стратегию региональных властей.

5. Доступность предприятий – участников кластера к информации о маркетинге, технологиях и текущих потребностях покупателей способствует лучшей организации деятельности и требует меньших затрат, что позволяет работать более эффективно и повышать производительность.

6. Разделение высоких затрат и рисков в инновационной сфере между участниками сети предприятий, а также снижение издержек на приобретение и распространение знаний и технологий становится возможным благодаря обмену опытом, кадровой миграции между участниками кластера и непрерывному развитию формальных и неформальных связей.

Сравнивая опыт развития кластеров малых предприятий в разных странах, эксперты выявили следующие основные направления поддержки, оказывающие наибольшее влияние на ускорение группирования малых предприятий в кластеры:

1) предоставление эффективной помощи группам малых предприятий в изучении нужд их потребителей и заказчиков с целью разработки предложений по изменению стратегии деятельности предприятий группировки, направленной на наиболее полное удовлетворение рыночных потребностей при обеспечении высокой конкурентоспособности;

2) ориентация на выявление лидирующих групп взаимодействующих предприятий с целью их вовлечения в активное сотрудничество с предпринимательскими и промышленными союзами;

3) формирование группы взаимодействующих предприятий, способствует коллективному осознанию необходимости проведения жизненно важных организационных нововведений в их совместной деятельности в соответствии с изменяющимися потребностями рынка и расширяющимися возможностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сопещание-семинар «Кластеры в Беларусь» / Сайт Мин-ва экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

http://www.economy.gov.by/ru/news/soveschanie-seminar-klastery-v-belarusi-proshel-v-ministerstve-ekonomiki_i_0000001389.html. – Дата доступа : 10.07.2012.

2. Сафонова, О.А. Формирование кластеров в Республике Беларусь: организационные и методические аспекты / О.А. Сафонова // Экономика и управление [Электронный ресурс]. – 2012. – № 1. – Режим доступа : <http://library.miu.by/journals!/item.eiup/issue.29/article.2.html>. – Дата доступа : 16.07.2012.

3. Пятинкин, С.Ф. Развитие кластеров: сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт / авт.-сост. С.Ф. Пятинкин, Т.П. Быков. – Минск : Тесей, 2008. – 72 с.

4. Создание холдингов и кластеров в Беларуси становится элементом экономической стратегии / Сайт Белорус. телеграф. агентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Sozdanie-xoldingov-i-klastero-v-Belarusi-stanovitsja-elementom-ekonomicheskoy-strategii_i_593684.html. – Дата доступа : 10.07.2012.

5. Международный опыт субконтракции / Сайт Кластеры РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cluster.by/>. – Дата доступа : 10.07.2012.

6. Сергеев, В.И. Логистика в бизнесе : учебник / В.И. Сергеев – М. : ИНФРА – М., 2001. – 608 с.

7. Кородюк, И.С. Региональные транспортно-логистические системы: проблемы формирования и развития : монография / И.С. Кородюк, Т.А. Прокофьева, В.И. Сергеев. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. – 328 с.

Zaitsava N.I., Shonia I.I. The Role of Cluster in Formation of Transportn-logistical System of the Region

The national economy develops only in that cases when in it small, average and large business is optimum combined. Development of small both average business and increase of its role in development of national manufacture is one of the major directions of reforming of economy to Byelorussia. One of the main strategic problems of a state policy of development of our country is increase of competitiveness of the enterprises and regions, and also strengthening of their resource potential. It is possible only thanks to grouping of the interdependent companies of small, average and large business in the certain areas characterized by joint activity and complementary each other – namely creation кластеров. Arising at integration of firms the new structure can use the effect of synergy, consisting that the result of activity of association of firms surpasses the sum of results of their independent functioning.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.07.2012

ПРАВА

УДК 342.91

О.И. Чуприс, Е.А. Марчук

МЕСТО ИНСТИТУТОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР И РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматривается проблема места институтов административных процедур и работы с обращениями граждан и юридических лиц в системе административного права. Авторы отмечают, что институты работы с обращениями граждан и юридических лиц и осуществления административных процедур представляют собой самостоятельные части управленческого процесса, соотносятся со смежным институтом форм государственного управления, а отдельные нормы анализируемых институтов относятся также к институту законности и дисциплины в государственном управлении.

Долгое время рассмотрение основной массы обращений граждан в органы власти, в том числе по поводу принятия административных актов, порождающих юридически значимые последствия, регулировалось законодательством об обращениях граждан. Однако в течение последнего времени наблюдается тенденция постепенной дифференциации порядка рассмотрения отдельных видов обращений и прежде всего выделение нового института законодательства – законодательства об административных процедурах, которым также регулируются обращения населения в административные учреждения. Естественным образом возникает вопрос о месте законодательства об обращениях и законодательства об административных процедурах в системе административного права. Институты административных процедур и работы с обращениями граждан и юридических лиц (далее – работа с обращениями) представляют собой совокупность правовых норм, оформляемых в системе законодательства Республики Беларусь в виде отдельных нормативных правовых актов, регулирующих их как самостоятельные виды государственной деятельности. В Республике Беларусь они осуществляются в соответствии с законами «Об основах административных процедур» [1] и «Об обращениях граждан и юридических лиц» [2] (далее – Закон), Указом Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» от 15 октября 2007 г. № 498 [3] и другими правовыми актами, принятыми в развитие указанных законов.

Поскольку данные виды государственной деятельности осуществляются в рамках государственного управления, которое реализуется в различного рода административных действиях соответствующих государственных органов (должностных лиц), то их зачастую также называют управленческими, т.е. позитивными, процедурами в противовес юрисдикционной или юстиционной деятельности, осуществляемой органами государственного управления. А отдельными учеными даже выдвигается тезис, что в органах государственного управления (государственных организациях) административные процедуры могут быть двух видов: связанные с изданием нормативных актов (принятием правовых норм) и связанные с их исполнением [4]. Эти ученые в понятие административных процедур включают также работу с обращениями граждан и иные управленческие действия (издание индивидуальных актов управления, проведение совещаний, встреч, посещение объектов управления, совершение распорядительных действий и др.

Как административные действия, административные процедуры и работа с обращениями конкретно выражаются в форме организационных и материально-технических

ких действий, а результатом их осуществления является правовая форма – административное решение (индивидуальный акт управления). В процессе работы по осуществлению административных процедур и рассмотрению обращений представлены все виды форм государственного управления (кроме издания нормативных правовых актов). При этом правовые формы не могут существовать без организационных и материально-технических форм, которые обеспечивают существование правовых форм.

Существование и порядок осуществления разнообразных правовых, организационных и материально-технических форм, а также их взаимосвязь между собой применительно к этим видам государственной деятельности установлены, кроме основных законов в этой сфере, также положением о порядке ведения делопроизводства по обращениям граждан в государственных органах, иных организациях [5] и принятыми в его развитие инструкциями о делопроизводстве по этим вопросам в государственных органах, инструкцией о порядке ведения делопроизводства по административным процедурам в государственных органах, иных организациях [6], регламентами отдельных исполкомов [7]. В частности, в регламентах исполнительных комитетов эти виды деятельности определены в качестве самостоятельных форм управленческой деятельности.

В то же время выдачу справки по итогам совершения административной процедуры или ответа на обращение не следует причислять к самостоятельным формам государственного управления, называемым в науке иным юридически значимым действием. Эти действия действительно могут иметь юридически значимый характер, но, как верно отмечает А.Н. Крамник, «здесь нет юридических действий... Фактически есть лишь властные действия, совершение которых не влечет за собой преобразования отношений, т.е. юридических последствий. Последние наступают (могут наступить), если рассматриваемые действия обретут форму правового акта» [8, с. 105]. Однако применение в науке термина о совершении иных юридически значимых действий как форм государственного управления может быть обосновано тем, что ряд материально-технических действий (выдача справки, постановка на учет и т.п.) непосредственно и очень тесно связан с правовыми формами, и поэтому одни без других вообще существовать не могут. Поэтому использование подобных названий показывает эту тесную связь. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что при закреплении видов форм государственного управления в законодательстве (например, при разработке Кодекса о государственном управлении и местном самоуправлении) не следует использовать подобные названия.

Таким образом, порядок работы с обращениями и осуществления административных процедур представляет собой важную часть управленческой деятельности, конкретно выражаемую в ее внешних формах, а значит, определяя место норм об административных процедурах и о работе с обращениями в системе административного права, следует указать на их связь с институтом форм государственного управления.

При любых научных подходах и спорах, касающихся предмета анализа настоящей работы, однозначна позиция ученых относительно того, что административные процедуры и работа с обращениями являются разновидностями неоднородной *процессуальной деятельности* органов государственного управления. Поскольку административный процесс – установленный законодательством порядок смены одних типичных действий другими, из которых как раз и складывается работа по совершению административных процедур или их несовершению и работа с обращениями, то они могут рассматриваться как части процессуальной административной деятельности (при понимании системы административного права, включающей конкретные разновидности процессуальной деятельности), которые именуется в административном праве административными производствами. Значит, эти названия применимы также к деятельности, опосредующей принятие решения по административным процедурам, и работе с обращениями. В административном праве такое название применительно к работе с обра-

щениями широко используется с 40-х гг. XX ст., а в современной юридической практике закрепляется применительно к обоим видам деятельности в вышеуказанных постановлениях Совета Министров Республики Беларусь и Министерства юстиции Республики Беларусь [5; 6]. Таким образом, в системе административного права правовые институты, регулирующие анализируемые явления, могут быть представлены также *в качестве конкретных административных управленческих производств.*

В настоящее время в системе административного права институт обращений граждан относят к способам обеспечения законности, правопорядка и дисциплин в государственном управлении или их части – общественного контроля. Вместе с тем такое место этого института отражает лишь частично реальную цель и задачи, стоящие перед ним, в то время как его общая цель – обеспечить реализацию субъективных прав граждан и юридических лиц путем закрепления четкого порядка работы с поступающими от них обращениями. Правовая регламентация любых управленческих действий и возможность их обжалования способствуют делу законности. Например, этому же служит дисциплинарное производство, принятие нормативных правовых актов, контроль за этим процессом со стороны вышестоящих органов и возможность отмены актов нижестоящих органов вышестоящими органами. Порядок осуществления административных процедур также служит средством обеспечения законности, поскольку предусмотрено обжалование принятых административных решений. Поэтому *отдельные нормы этих институтов* (однако не все указанные институты в целом) *могут относиться к институту законности и дисциплины в государственном управлении.*

Из вышеизложенного следует вывод о том, что, как институты законодательства, институты работы с обращениями граждан и юридических лиц и осуществления административных процедур представляют собой самостоятельные части управленческого процесса, которые по сложившейся традиции могут именоваться производствами. А поскольку порядок осуществления этих производств конкретно выражается в использовании форм управленческой деятельности, то нормы, определяющие конкретные формы, используемые при этом, являются частью общего по отношению к ним института форм государственного управления общего управленческого административного законодательства, которые предполагается включить в Кодекс о государственном управлении и местном самоуправлении. В то же время отдельные нормы институтов административных процедур и работы с обращениями входят в институты обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении.

Данные научные размышления и теоретические выводы могут иметь практическое значение при совершенствовании структуры Единого правового классификатора Республики Беларусь (далее – ЕПК), а также конкретного законодательства об анализируемых институтах. В настоящее время в ЕПК административное управленческое законодательство не выделено вообще. Законодательство об обращениях граждан и осуществлении административных процедур относится к конституционному законодательству. В то же время с принятием Кодекса о государственном управлении и местном самоуправлении встанет вопрос о выделении этого законодательства. В связи с этим предлагается выделить раздел «Законодательство о государственном управлении», в котором отразить институты законодательства об административных процедурах и об обращениях граждан в подразделе «Виды управленческих производств», связав их с подразделами об общих положениях о формах, методах и функциях государственного управления, способах обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении, а также о государственной службе.

При определении конкретных видов форм государственного управления следует опираться на существование трех их видов: правовые (нормативные акты и индивидуальные акты) с учетом положений проекта Закона о правовых актах, осуществление ор-

ганизационных форм и материально-технических форм. Определение на законодательном уровне (в Кодексе о государственном управлении и местном самоуправлении) в качестве форм иных юридически значимых действий нецелесообразно. Таким образом, исследование места институтов работы с обращениями граждан и юридических лиц и осуществления административных процедур в системе административного права имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет выявить новые возможности в совершенствовании законодательства анализируемых институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об основах административных процедур : Закон Респ. Беларусь, 28 окт. 2008 г., № 433-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Об обращениях граждан и юридических лиц : Закон Респ. Беларусь, 18.07.2011 г. № 300-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.04.2012 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
4. Демин, А.А. Понятие административного процесса и административно-процессуальный кодекс Российской Федерации / А.А. Демин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 1998. – № 4. – С. 21.
5. Положение о порядке ведения делопроизводства по обращениям граждан и юридических лиц в государственных органах, иных организациях, у индивидуальных предпринимателей : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 1786 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
6. Об утверждении инструкции о порядке ведения делопроизводства по административным процедурам в государственных органах, иных организациях : утв. Постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь 7 мая 2009 г., № 39 : в ред. постановления Минюста от 13 декабря 2011 г., № 283 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
7. Регламент Минского областного исполнительного комитета : утв. решением Минского областного исполнительного комитета 20 июля 2007 г., № 797 : в ред. решения Миноблисполкома от 26.12.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
8. Крамник, А.Н. Административное право. Ч. 1. Управленческое право. / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – 672 с.

Chupris O.I, Marchuk E.A. Place of Institutions of Administrative Procedures and Work with Citizens and Legal Persons in the System of Administrative Law

This article discusses the problem of the place of institutions of administrative procedures and work with citizens and legal persons in the system of administrative law. The authors note that the institutions work with citizens and legal entities and administrative procedures are independent parts of the management process, correlate with the adjacent Institute of forms of government, certain norms the analyzed institutions also belong to the institution of the rule of law and discipline in government.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.10.2012.

УДК 343.43

Е.А. Коротич

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

В настоящей статье представлено исследование зарубежного опыта криминализации преступлений, непосредственно направленных против личной свободы человека. Использование в уголовном праве приемов компаративистики, или сравнительно-правового метода познания, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, позволяя выявить наиболее рациональные подходы к проблеме уголовно-правовой охраны того или иного правового блага.

На основе изучения уголовного законодательства государств различных правовых систем в данной статье предпринята попытка определить наиболее значимые аспекты сближения законодательных подходов государств в области охраны личной свободы человека. В целях обеспечения полноты и последовательности такого исследования в работе использован комплексный (системный) подход, применение которого позволило выявить существенные, в том числе, с точки зрения совершенствования отечественного уголовного закона, направления уголовно-правовой охраны исследуемого правового блага.

Введение

Практическая значимость компаративистики, или сравнительно-правоведческого исследования, заключается в возможности выявления наиболее рациональных подходов к криминализации преступлений против личной свободы человека, применяемых зарубежными законодателями, что может стать основой для совершенствования отечественного уголовного закона. Являясь средством пространственного («панорамного») исследования того или иного правового явления, компаративистика (наряду с методом историзма) позволяет сформировать целостное представление о данном явлении. Более того, изучение зарубежного опыта, по справедливому утверждению видного французского юриста Марка Анселя, позволяет юристу «лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами» [1, с. 38].

Преступления против личной свободы человека в уголовном законодательстве зарубежных государств

Несмотря на то, что уголовно-правовая охрана личной свободы человека в каждом государстве имеет свою специфику, определяемую особенностями его исторического развития, национальными традициями, политическим режимом и т.д., сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства разных государств позволяет констатировать определенное сближение их подходов в исследуемой области. Этому, с нашей точки зрения, способствуют активно развивающиеся интеграционные процессы; осознание необходимости реализации совместных мер борьбы с преступлениями транснационального масштаба, к числу которых могут быть отнесены и отдельные посягательства на свободу человека (например, торговля людьми, похищение человека), стремление государств вырабатывать общие подходы в вопросах обеспечения прав и свобод человека в том числе наиболее радикальными (уголовно-правовыми) средствами. Кроме того, участвуя в международных договорах по вопросам борьбы с преступностью (в том числе преступлениями против личной свободы), государства принимают

Научный руководитель – В.В. Марчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

на себя обязательства обеспечивать соответствие им национального права, в результате чего в уголовных законах разных государств появляются однотипные уголовно-правовые запреты.

Как показал проведенный анализ специальных источников, современные сравнительно-правовые исследования в области уголовно-правовой охраны личной свободы человека преимущественно носят фрагментарный характер: авторы, как правило, ограничиваются выборочным изучением уголовного законодательства отдельных государств. Представляется, что в практическом отношении такой подход является недостаточным. С нашей точки зрения, более перспективным направлением сравнительного исследования является установление присущей многим государствам общности законодательного регулирования относительно таких ключевых аспектов, как место норм, призванных обеспечить непосредственную охрану личной свободы человека, в системе Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК); технико-юридические приемы конструирования составов исследуемых преступлений, а также основания повышения типовой степени их общественной опасности.

Итак, анализ зарубежного уголовного законодательства на предмет расположения норм об ответственности за преступления против личной свободы человека в структуре Особенной части УК позволяет назвать в качестве наиболее распространенных следующие законодательные приемы их систематизации:

1) структурное обособление норм о преступлениях против личной свободы в рамках самостоятельной главы (иной рубрикации), как правило, с одноименным названием (в частности, УК Польши, Нидерландов, Дании, Франции, ФРГ, Испании, Швейцарии, Австрии, Норвегии, Литвы, Болгарии, Аргентины, Турции, Израиля, Сан-Марино и др.);

2) объединение в рамках единой структурно обособленной главы норм о преступлениях против личной свободы с нормами уголовного закона, криминализирующими посягательства на иной правоохраняемый объект (характерно для уголовного законодательства большинства государств постсоветского пространства: России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Латвии, Молдовы, Кыргызской Республики, – а также некоторых иных государств);

3) нормы об ответственности за преступления против личной свободы структурно не обособлены в рамках отдельной главы (иной рубрикации), а соответствующие преступные деяния рассредоточены в общем массиве преступлений против человека (уголовные законы Грузии, Казахстана, Эстонии, Китая и др.).

Следует особо подчеркнуть, что независимо от способа структурирования нормы о преступлениях против личной свободы человека практически во всех изученных уголовных законах расположены после нормативного материала о преступлениях против жизни и здоровья.

Следующий аспект сближения уголовного законодательства различных государств – нормативное закрепление относительно однотипной системы уголовно-правовых запретов в исследуемой области. Исходя из перечня соответствующих уголовно-правовых норм и характера содержащихся в них запретов следует, что в большинстве стран охраняемым этими нормами объектом является личная свобода во всем многообразии форм ее проявления (свобода перемещения, выбора места нахождения, свобода волеизъявления и др.). Как правило, законодательный ряд норм о преступлениях против личной свободы строится с учетом следующих преступных посягательств: незаконное лишение свободы, похищение человека, принуждение, захват заложника. Кроме того, в уголовных законах ряда государств данный перечень дополняется нормами о торговле людьми и (или) работорговле, а также об угрозе. Причем особое значение в перечне преступлений против личной свободы имеют, как правило, два состава: принуж-

дение и противоправное лишение свободы. Остальные составы по своей конструкции, как правило, сочетают в себе признаки их объективной стороны.

Помимо названных выше посягательств, преступлениями против личной свободы человека в уголовных законах зарубежных государств признаются: незаконное помещение в психиатрическую больницу (УК Республики Таджикистан, Украины, Эстонской Республики, Республики Молдова и др.), хотя некоторые зарубежные законодатели подобное деяние оценивают в качестве квалифицирующего признака незаконного лишения свободы (например, УК Дании, Болгарии и др.); вербовка людей для эксплуатации (УК Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики); нарушение неприкосновенности жилища (УК Республики Сан-Марино, Австрии, Швейцарии); обращение в рабство (УК Нидерландов, Норвегии, Республики Сан-Марино, Аргентины, и др.); проведение медицинских процедур без согласия пациента (УК Австрии, Польши); незаконный увоз человека за границу (УК Республики Сан-Марино, Израиля, ФРГ, Японии, Австрии) и др.

Важным аспектом сближения законодательных подходов к уголовно-правовой охране личной свободы человека является унификация технико-юридических способов конструирования составов соответствующих преступлений. И хотя нормативное описание признаков преступлений против личной свободы человека в зарубежном уголовном законодательстве отличается существенной поливариантностью, тем не менее следует констатировать присущее большинству уголовных законов стремление преодолеть казуальность при формулировании уголовно-правовых запретов в исследуемой области, что находит отражение в закреплении достаточно обобщенных, простых с точки зрения правопонимания и относительно кратких формулировок соответствующих норм. Говоря о технико-юридических приемах конструирования основных составов преступлений против личной свободы, можно назвать следующие наиболее характерные тенденции, получившие отражение в уголовных законах многих зарубежных государств.

1. В нормах о незаконном лишении свободы, как правило, не конкретизируется способ совершения данного преступления, в связи с чем ответственность влечет не только насильственное лишение свободы, но и совершение такого деяния путем обмана, злоупотребления доверием и т.д.

2. В общей норме о принуждении альтернативным угрозой способом совершения преступления признается физическое насилие, характер которого, как правило, не конкретизируется (например, ст. 143 (1) УК Болгарии, § 105 (1) УК Австрии, § 240 (1) УК ФРГ, ст. 188 УК Турции, ст. 181 УК Швейцарии, ст. 284 УК Нидерландов и др.). По общему правилу, ответственность устанавливается не только за принуждение к совершению какого-либо действия либо к воздержанию от его совершения, но и за принуждение к претерпеванию чего-либо (ст. 191 УК Польши, § 222 УК Норвегии, ст. 181 УК Швейцарии, ст. 143 (1) УК Болгарии и т.д.).

3. Нормы об ответственности за торговлю людьми предусмотрены практически во всех УК зарубежных государств, правда, далеко не все законодатели в качестве непосредственного объекта данного преступления признают личную свободу человека, что отражается на его месте в системе Особенной части уголовного закона (например, Раздел 5 «Преступные деяния против половой неприкосновенности» в УК Швейцарии, Раздел 13 «Преступные деяния против полового самоопределения» в УК ФРГ и др.). Более того, уголовное законодательство ряда государств по-прежнему ограничивает область криминализации деяний, связанных с торговлей людьми, специальной целью – использованием потерпевшего для занятия проституцией, в связи с чем такие явления, как торговля людьми и проституция, рассматриваются в качестве однопорядковых или тесно взаимосвязанных явлений (§§ 180b, 181 УК ФРГ; ст. 246 УК Чехии; ст. 129 УК Гонконга).

В уголовных кодексах некоторых зарубежных государств наряду с общей нормой об ответственности за торговлю людьми (равно как и при ее отсутствии) предусматривается норма о торговле несовершеннолетними (например, § 236 УК ФРГ; ст. 123¹ УК Эстонии; статьи 372, 373 УК Брунея и др.).

4. Отличительной чертой норм об ответственности за похищение человека является наличие простых диспозиций, которые только называют преступление, не раскрывая его юридически значимые признаки (например, УК Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и др.), что актуализирует проблему разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы. Решение указанной проблемы в ряде государств достигается посредством объединения норм об ответственности за похищение человека и незаконное лишение свободы в рамках одной статьи уголовного закона: при таком подходе названные посягательства признаются альтернативными формами противоправного лишения свободы (например, УК Болгарии, Украины, Франции, Швейцарии, Сан-Марино и др.). Помимо данного юридического приема, в уголовном законодательстве зарубежных государств достаточно распространенным является подход к описанию признаков названных посягательств, при котором последние могут быть охарактеризованы как не конкурирующие друг с другом составы преступлений (УК РФ, Латвии, Нидерландов, ФРГ и др.). При этом в качестве критерия их разграничения, как правило, называется способ, субъект или цель совершения соответствующего преступления, либо в норме о незаконном лишении свободы закрепляется т.н. негативный признак. Многие уголовные законы при описании признаков основного состава похищения человека придают юридическое значение факту перемещения потерпевшего в пространстве либо изъятию его из привычной микросреды (например, УК штатов Калифорния и Пенсильвания, Японии, Нидерландов и др.).

5. Нормы об угрозе предусматривают ответственность за насильственное информационное воздействие на психику человека. В большинстве уголовных законов (речь идет только о тех УК, в которых угроза признана преступлением против личной свободы) законодатель конкретизирует содержание уголовно наказуемой угрозы, как правило, оставляя без внимания вопрос о способе ее выражения. Вместе с тем уголовное законодательство ряда государств содержанию угрозы правового значения не придает: основной акцент делается на реальность угрозы, ее направленность на появление у потерпевшего состояния страха и беспокойства. Указание на «обоснованность опасений», или реальность угрозы, используется, в частности, при определении признаков рассматриваемого преступления в УК Польши, Австрии, Японии и др.

6. Нормы об ответственности за захват заложника появились в уголовном законодательстве многих государств вследствие участия в Конвенции ООН о борьбе с захватом заложников 1979 г., в связи с чем международно-правовое определение данного преступления и было положено в основу его нормативного описания в национальных уголовных законах. В силу объективных трудностей, связанных с отграничением захвата заложника от смежных посягательств на личную свободу (а именно, от похищения человека и незаконного лишения свободы), в зарубежном уголовном законодательстве практикуются следующие приемы криминализации рассматриваемого преступления: захват заложника и похищение человека составляют единое преступление против личной свободы человека (§ 102 УК Австрии; ст. 142/2 УК Аргентины; ст. 239 УК КНР; ст. 185 УК Швейцарии); захват заложника сформулирован законодателем в качестве видового состава принуждения (ст. 143а УК Болгарии), похищения человека или незаконного лишения свободы (ст. 224-4 УК Франции; ст. 20.04 УК штата Техас). Однако следует отметить, что в уголовных законах многих государств анализируемое преступное деяние признается самостоятельным посягательством на личную свободу человека (УК Украины, Нидерландов, ФРГ, Грузии, Латвии, Эстонии и др. стран).

Возвращаясь к наиболее значимым аспектам сближения зарубежного законодательства в области уголовно-правовой охраны личной свободы, нельзя не отметить некоторого сходства законодательных подходов к определению перечня оснований повышения ответственности за исследуемые посягательства. Причем во многих уголовных законах нормативным отражением такого рода оснований выступают не столько квалифицирующие признаки составов рассматриваемых преступлений, сколько квалифицирующие обстоятельства как сложные образования, объединяющие несколько признаков (например, способ и цель), не имеющих строгой «привязки» к структуре основного состава преступления. В уголовных законах ряда государств квалифицированные составы преступлений против личной свободы человека предусматриваются в качестве самостоятельных, структурно обособленных в рамках отдельных норм посягательств (§ 106 УК Австрии; ст. 142 УК Аргентины; ст. 224-2 УК Франции; ст. 20.04 УК штата Техас и др.).

Наиболее распространенными основаниями повышения ответственности за преступления против личной свободы являются следующие признаки:

1) относящиеся к объекту и объективной стороне: совершение преступления в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины; в отношении двух или более лиц; совершение преступления способом, мучительным или опасным для жизни/здоровья потерпевшего (в том числе с применением насилия либо оружия или иных предметов, используемых в качестве орудия совершения преступления); повлекшее наступление тяжких последствий (в том числе причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения, наступление смерти потерпевшего);

2) признаки, относящиеся к субъекту и субъективной стороне: совершение преступления специальным субъектом (должностным лицом, представителем общественности в нарушение служебных обязанностей и др.); повторное совершение преступления; совершение преступления группой лиц или организованной группой; с целью вывоза потерпевшего за пределы государства; с целью получения выкупа или вознаграждения и некоторые иные.

В контексте сравнительно-правового исследования особого внимания заслуживает такое основание повышения ответственности за преступления против личной свободы человека, как время ограничения свободы потерпевшего, т.е. длительность его удержания в условиях неволи. В отличие от УК Республики Беларусь данное основание дифференциации уголовной ответственности получило отражение в уголовно-правовых нормах о незаконном лишении свободы и/или похищении человека многих государств (в частности, Латвии, Литвы, ФРГ, Франции, Испании, Швейцарии, Болгарии, Польши). Так, например, УК штата Нью-Йорк предусматривает усиление ответственности в том случае, если лишение свободы продолжалось свыше 12 часов (п. 2 § 135.25). В УК Дании квалифицирующим признаком незаконного лишения свободы называется долгосрочное ограничение свободы потерпевшего (п. 2 § 261) и т.д.

Следует отметить, что практика дифференциации уголовной ответственности за противоправное лишение свободы в зависимости от длительности ее ограничения была характерна для некоторых источников отечественного уголовного права XIX – начала XX вв. (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное Уложение 1903 г.). Что касается современного УК Республики Беларусь, то постановка вопроса о целесообразности его реформирования в направлении использования указанного зарубежного опыта, с нашей точки зрения, не имеет ни социальных, ни правовых оснований. По логике законодателя, установление сроков противоправного лишения свободы как основания дифференциации ответственности, имеет целью предотвращение тяжких последствий (вред здоровью, смерть потерпевшего и др.). В то же время наступление такого рода последствий вследствие совершения преступлений против личной свободы человека и в отечественном УК, и в УК многих зарубежных госу-

дарств, как правило, оценивается законодателем в качестве самостоятельного основания повышения ответственности (квалифицирующего признака), что уже само по себе должно выполнять ту превентивную функцию, о которой идет речь. Кроме того, нормативному закреплению сроков незаконного ограничения свободы, могущих иметь уголовно-правовое значение, препятствует отсутствие научно обоснованных данных относительно продолжительности временного интервала, «с истечением которого действия виновного становятся более общественно опасными» [2, с. 152]. Свидетельством тому является не только поливариантность положений зарубежных уголовных законов в данной области, но и непрерывные дебаты на сей счет на страницах юридической печати.

Еще одним, хотя и негативным, аспектом сближения зарубежного уголовного законодательства в вопросах охраны личной свободы человека является тот факт, что вне правового поля большинства государств по-прежнему остаются вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных собственно в эксплуатации человека.

Как указывалось ранее, наметившаяся тенденция унификации законодательных подходов различных государств в области уголовно-правовой охраны личной свободы не исключает присущую каждому государству специфику правового регулирования в данной сфере. Для полноты исследования обозначим некоторые особенности уголовно-правовой охраны личной свободы человека. В целях обеспечения концептуального единства нашего исследования представляется целесообразным назвать наиболее распространенные в зарубежных уголовных законах специфические подходы к вопросам криминализации преступлений против личной свободы.

1. Уголовные законы различных государств по-прежнему отличает существенное разнообразие подходов в вопросе определения перечня исследуемых преступлений. Существующие различия в круге общественно опасных деяний, признаваемых тем или иным законодателем преступлениями против личной свободы человека, дополняются спецификой законодательного обозначения однопорядковых по сути преступлений (например, под признаки «Киднепинг» по § 207 УК штата Калифорния подпадает деяние, определяемое ст. 278 УК Нидерландов как «Кража людей»; деяние, состоящее в ограничении свободы волеизъявления, в УК Республики Сан-Марино определяется как «Насилие по отношению к частному лицу» (ст. 179), а в УК ФРГ как «Принуждение» (§ 240), УК Литовской Республики таким деянием признает «Ограничение свободы действий человека» (ст. 148), а УК Грузии – «Понуждение» (ст. 150) и т.д.).

2. Для уголовных законов ряда зарубежных государств характерно отнесение к системе преступлений против личной свободы человека деяний, выражающихся в противоправном лишении свободы потерпевшего должностным лицом правоохранительных органов (организаций) с использованием своего служебного положения. Причем в одних случаях такого рода посягательства предусматриваются в качестве самостоятельных преступлений против личной свободы (например, ст. 146 УК Грузии; ст. 377 УК Израиля; ст. 181 УК Турции), в других – соответствующие деяния признаются квалифицирующим признаком незаконного лишения свободы (ст. 20.02 (2), (В) УК штата Техас; ст. 142 (2) п. 6, ст. 142а (2) УК Болгарии; п. 4 ст. 142 УК Аргентины).

3. Уголовные законы некоторых зарубежных государств дифференцируют уголовную ответственность за незаконное лишение свободы в зависимости от формы вины: наряду с общей нормой об ответственности за данное преступление предусматривается норма, криминализирующая незаконное лишение свободы по неосторожности (например, § 262 УК Дании, ст. 283 УК Нидерландов и др.).

Заклучение

Сравнительно-правовое исследование позволяет сделать вывод о том, что уголовное законодательство зарубежных государств закрепляет относительно целостную

и во многом унифицированную систему уголовно-правовых запретов в области охраны личной свободы человека, исследование которой может подсказать направления совершенствования действующего уголовного закона Республики Беларусь (прежде всего систематизация преступлений против личной свободы человека в рамках структурно обособленной рубрики, использование зарубежного опыта признания преступлением против личной свободы захвата заложника, рецепция наиболее рациональных технико-юридических приемов описания данных преступлений, например, закрепление признака противоправности деяния в составе незаконного лишения свободы, признание способом принуждения не только психического, но и физического насилия, криминализация незаконного лишения свободы независимо от способа (насилие, обман, злоупотребление доверием, и др.) его совершения и т.д.).

Неслучайно Марк Ансель подчеркивал, что сравнение «способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [1, с. 38]. Очевидно, что речь идет не о слепом заимствовании зарубежного опыта, а о его изучении с целью понимания своих проблем, своих возможностей и принимаемых на этой основе собственных законодательных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. статья В.А. Туманова. – М. : Прогресс, 1981. – С. 36–86.

2. Лапунина, Н.Н. Уголовно-правовая охрана свободы человека: реальность и перспективы / Н.Н. Лапунина // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 147–152.

Korotich E.A. The Foreign Experience of the Personal Freedom's Protection by Means of Criminal Law

The research of a foreign criminalization experience of the crimes against personal freedom is presented in the given article. The using of comparative-legal method of knowledge in Criminal law has not only theoretical, but also the important practical value, allowing to reveal the most rational approaches to a problem of criminally-legal protection of different legal welfares. On the basis of the foreign criminal legislation's studying the attempt to define the most significant aspects of harmonization of legislative approaches of the different states in the field of a personal freedom's protection is undertaken in the given article. For providing completeness and sequence of such a research the complex approach was used that has allowed to reveal the essential (from the point of view of perfection of the domestic criminal law) direction of criminally-legal protection of the investigated legal welfare.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.10. 2012

УДК 340

*С.В. Шевелева***ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ***

Правовое принуждение отличается от других средств воздействия своей непреклонностью и категоричностью. Субъект, к которому применяются принудительные меры, обязан претерпеть их. Это обстоятельство обуславливает тщательный подход к реализации принудительных мер и определяет то положение, чтобы при возможности предупредить возникновение ситуации, когда принуждение нужно применять.

Введение

Вопрос о принудительности ограничения прав и свобод человека со стороны властных структур всегда был и остается одним из самых актуальных в правовом отношении на протяжении развития человечества. На рубеже прошлого и нынешнего веков эта проблема приобрела несколько иное звучание в контексте идеи построения правового государства.

В советский период развитие учения о принуждении отличается своей противоречивостью. С одной стороны, субъективные и объективные причины повлияли на то, что учение о принуждении многие годы было запретной темой. Например, лидер СССР М.С. Горбачев говорил, что «в силу известных обстоятельств из теории и обществоведения ушла живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию» [1]. С другой стороны, все те исследования, на которые опирается современная наука, берут свои истоки именно из этого периода.

В теории права отсутствует единство в понимании правового принуждения, без чего нельзя уяснить его сущность и назначение. Понятия «принуждение», «государственное принуждение» и «правовое принуждение» в специальной литературе имеют множество определений, что объясняется различными подходами в понимании объема, содержания принуждения, его признаков, оснований применения, назначения. Анализ научных источников по данной проблематике показывает, что акцент при освещении теоретических проблем государственного принуждения сместился к процессуальному аспекту, и это не случайно, так как вопросы государственного принуждения составляли и составляют по сей день предмет изучения в первую очередь науки административного процесса и уголовного процесса. На наш взгляд, такая ситуация не позволяет более объективно оценить социальную обусловленность государственного принуждения, поскольку оно выходит далеко за рамки административного и уголовного процесса. Несомненно, принуждение призвано оградить общество от противоправных посягательств, а также выступает как эффективное средство предупреждения правонарушений.

Синтезируя определения государственного принуждения, существующие в научной литературе, можно говорить о том, что оно в первую очередь рассматривалось в ретроспективном плане при моническом нормативном понимании права, в основе которого лежало представление о праве как о системе норм, изданных государством и поддерживаемых его принудительной силой. Картельный уклон всего советского законодательства и обвинительная ориентированность уголовного судопроизводства привели к тому, что государственное принуждение рассматривали отдельно от права.

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (шифр проекта №6.4488.2011)

Несколько настораживает позиция тех авторов, которые, принуждение практически отождествляют с правом [2]. Так, Р. Иеринг полагал, что без принуждения нет даже смысла говорить о праве, так как право есть не что иное, как «обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения», «система социальных связей, гарантируемых принуждением» [3]. Конечно, в праве заложено принуждение, которое гарантирует личности возможность реализовывать себя, свои интересы. Однако это т.н. *позитивное принуждение*. Н.М. Коркунов принуждение называет «основным свойством» права [4]. Его последователи рассматривают принуждение в таком «основном свойстве» по отношению и к праву, и к государству и производным от них институтам [2, с. 49]. Это, на наш взгляд, очень односторонний подход к пониманию права. «Действительная социальная ценность права заключается не в устрашении человека, подавлении его активности, а в том, что оно выступает как целый комплекс гарантированных возможностей свободного выбора решений и действий субъектов общественных отношений, как система закрепленных прав граждан» [5]. Отсюда можно утверждать, что вопрос, следует ли ставить знак равенства между понятиями «государственное принуждение» и «правовое принуждение», в литературе решается неоднозначно. Мы считаем, что это однополярные понятия, и, чтобы доказать нашу позицию, обратимся к анализу многочисленных точек зрения.

Большинство авторов (например, [6–8]) принимает за основу то положение, которое было высказано в теории государства и права Б.Т. Базылевым: «Государственное принуждение рассматривается как физическое или психическое воздействие путем причинения личных, материальных и моральных ограничений в отношении физического лица в целях подчинения требованиям государства» [9]. Нетрудно заметить, что в этом определении в качестве главной цели выступили исключительно государственные интересы, что недостаточно полно выражает сущность принуждения, поскольку в тени остается его праворегулирующий характер.

Другие авторы отмечают, что «государственное принуждение отражает одно из проявлений активной роли государства в жизни общества. Понятие правового принуждения подчеркивает активную роль права по отношению к государственным органам, осуществляющим принудительное воздействие» [10]. Развивая данную позицию, можно прийти к выводу, что, применяя принудительные меры, государство не «связано» правом и, наоборот, существует самостоятельное «правовое принуждение», которое независимо от государственной воли [11]. Получается, что в обществе существует некая двоичная система принуждения. Следует согласиться с мнением В.В. Серегиной, что государственные и правовые явления взаимосвязаны и взаимообусловлены [12]. Государственное принуждение – это одновременно и правовое принуждение, так как государственное принуждение имеет формальную определенность, т.е. это принуждение, регламентированное и ограниченное правом, а точнее правовыми нормами.

Понятие «правовое принуждение» показывает активную роль права по отношению к государственным органам, осуществляющим принудительное воздействие. Оно характеризует правовое начало государственного принуждения, отражает не только зависимость государственного принуждения от его правовой основы, но и следствие такой зависимости – изменение характера самого принуждения. Само понятие правового принуждения подчеркивает правовую основу государственного принуждения, тщательное определение принудительных мер, оснований и порядка их применения, «ориентирует как необходимую в интересах общества «дозировку» этого принуждения, так и на макси-мальные гарантии интересов и права на защиту лица, претерпевающего меры принуждения» [13].

Правовое принуждение – это нормативно определенное принуждение. Поскольку меры принудительного воздействия устанавливаются в нормативно-правовых актах,

осуществление принуждения представляет собой деятельность по применению и реализации правовых норм.

Правовое принуждение является сложным социально-правовым явлением. Это обусловлено его многоаспектностью. В широком смысле правовое принуждение рассматривается как метод государственного управления обществом. Его сущность заключается либо в психологическом, физическом или ином воздействии государства на сознание и поведение лиц, нарушающих государственный запрет, то есть норму, либо (в качестве «крайней необходимости») в подчинении поведения людей государственной воле. В узком смысле правовое принуждение представляет собой деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, выражающуюся в применении к субъектам мер принуждения [14].

В психологической науке принуждение вообще трактуется как требование выполнить распоряжения инициатора, подкрепленное открытыми или подразумеваемыми угрозами [15]. Однако слово «принуждение» этимологически не идентично слову «требование», которое определяется как «выраженная в решительной, категорической форме просьба о том, что должно быть выполнено, на что есть право» [16].

В юридической литературе существует несколько точек зрения, определяющих характер таких мер воздействия. Одни правоведы считают, что принудительное воздействие на волю характеризуется ее подчинением [17–19]. Однако подчинение воли само по себе предполагает, что воля принуждаемого лица приводится в соответствие с волей принуждающего лица, изменяется. Поэтому, как правильно отмечает П.В. Демидов, «если воля принуждающего и принуждаемого совпадает, то справедливо ли говорить о наличии принуждения?» [20].

Согласно другой точке зрения, принуждение в общем смысле может рассматриваться как «снятие самостоятельности индивидуальной воли» [21], т.е. воздействие одного лица (принуждающего) на другое лицо (принуждаемого) с целью заставить его действовать (или бездействовать) вопреки собственной воле.

Поэтому представляется, что воздействие на волю лица при принуждении характеризуется ее подавлением, но не изменением, в противном случае речь может идти уже об убеждении. Такой метод воздействия на волю лица представляет действия, направленные на тот же результат, т.е. определенное поведение, действия или бездействие лица, однако не снимающие, а изменяющие волю лица, вследствие чего отпадает необходимость в применении к нему принуждения. Таким образом, принуждение и убеждение различаются тем, что, воздействуя на волю субъекта, убеждение изменяет ее, всегда оставляя возможность выбора; принуждение же подчиняет волю субъекта, не оставляя такого выбора, действует императивно.

Необходимо провести анализ соотношений сущности и явления применительно к правовому принуждению. Сущность – это совокупность глубинных связей, отношений, внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития системы, а явление – это конкретные события, свойства или процессы, выражающие внешнюю сторону действительности и представляющие форму проявления и обнаружения некоторой сущности [22]. Следовательно, *сущность правового принуждения заключается в воздействии на эмоционально-волевую сферу принуждаемого с целью изменить его поведение в соответствии с государственной волей. С точки зрения принадлежности правового принуждения к властно-организующим государственным средствам, оно является методом регулирования общественных отношений* [12, с. 11].

Заключение

Итак, при осуществлении принуждения подавляется воля человека. С другой стороны, если субъект выполняет свои обязанности без желания, то здесь также отсутс-

твует воля. Это тоже принуждение? Не оспаривая тезиса о том, что принуждение – это в широком смысле подавление воли, можно такие случаи определить как *позитивное принуждение* (субъект не нарушает законов, следовательно, его поведение позитивно). В случае нарушения закона или перспективы нарушения государство может применить к такому субъекту правовое принуждение, то есть те меры, которые предусмотрены законом. Стало быть, к лицу в данном случае применяется *негативное принуждение*. Так как случаи применения негативного принуждения всегда основаны на праве, то можно сделать вывод, что *негативное принуждение – это и есть правовое принуждение*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбачев, М.С. О перестройке и кадровой политике партии / М.С. Горбачев // Материалы Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. – М., 1987. – С. 8.
2. Чашников, В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Чашников. – Екатеринбург, 2006. – С. 47–50.
3. Иеринг, Р. Сочинения. / Р. Иеринг. – СПб., 1981. – Т. 1. – С. 371.
4. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб., 1914. – С. 96.
5. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 1908. – С. 246.
6. Савицкий, В.М. Правосудие и личность / В.М. Савицкий // Сов. государство и право. – 1983. – № 5. – С. 24.
7. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И.Л. Петрухин. – М., 1985. – С. 85.
8. Москалькова, Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания / Т.Н. Москалькова. – М., 1996. – С. 39.
9. Базылев, Б.Т. К вопросу об определении понятия государственного принуждения / Б.Т. Базылев // Труды Томск. гос. ун-та. – Томск, 1968. – Т. 199. – С. 18.
10. Козулин, А.И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Козулин. – Свердловск, 1986. – С. 9.
11. Макарейко, Н.В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Макарейко. – Н. Новгород, 1996. – С. 42.
12. Серегина, В.В. Государственное принуждение по советскому праву / В.В. Серегина. – Воронеж, 1991. – С. 6.
13. Лейст, О.Э. Проблемы принуждения по советскому праву / О.Э. Лейст. – Вестник МГУ. – 1976. – № 4. – С. 19.
14. Курдюк, П.М. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации / П.М. Курдюк, И.В. Упоров, А.В. Акопян. – Краснодар : Тамзи, 2007. – С. 84.
15. Психология : учеб. пособие. – М., 1999. – С. 344.
16. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1972. – С. 742.
17. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР / Д.Н. Бахрах. – Свердловск, 1989. – С. 10.
18. Бабаев, С.В. Принуждение и убеждение в деятельности современного Российского государства / С.В. Бабаев. – Н. Новгород, 2001. – С. 8.
19. Базылев, Б.Т. Социальное назначение принуждения в советском обществе / Б.Т. Базылев // Правоведение. – 1968. – № 5. – С. 30.
20. Демидов, П.В. Частное правовое принуждение в сфере регулирования уголовного права / П.В. Демидов // Уголовное право. – 2005. – № 5.

21. Каплунов, А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения / А.И. Каплунов // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10.
22. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 1986. – С. 469.

Sheveleva S.V. Concept and Essence of Legal Compulsion

Legal compulsion differs from other levers the inflexibility and a categoriality. The subject to whom forced measures are applied, is obliged to undergo them. This circumstance causes the careful approach to realisation of forced measures and defines that position, that at possibility to warn situation occurrence when compulsion needs to be applied.

Рукапіс паступіў у рэдкалегю 26.09.2012

УДК 342.

С.А. Цюга

ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются трудовые коллективы как субъекты конституционно-правовых отношений и избирательного процесса в Республике Беларусь, называются их формы участия в управлении делами общества и государства. В работе содержится предложение о законодательном закреплении нормы-дефиниции «трудо́вой коллектив». На основании анализа норм Избирательного кодекса Республики Беларусь делается вывод о том, что необходимо расширить круг субъектов, обладающих правом инициирования отзыва депутата. Такое право предлагается предоставить трудовым коллективам и политическим партиям.

Введение

Вопрос о правосубъектности трудовых коллективов в сфере действия конституционного права ставится довольно редко и не всеми представителями конституционно-правовой науки. Остается дискуссионным вопрос о том, являются ли в настоящее время трудовые коллективы субъектами конституционно-правовых отношений.

Цель статьи – проанализировать имеющиеся теоретические взгляды ученых об отнесении трудовых коллективов к субъектам конституционно-правовых отношений и избирательного процесса, а также конституционно-правовые нормы, закрепляющие статус данных субъектов.

Трудовые коллективы – субъекты конституционно-правовых отношений

Среди советских авторов, выступающих в специальной литературе за признание коллективов граждан субъектами государственного права, можно выделить В.С. Основина, С.С. Кравчука, Б.В. Щетинина, В.В. Копейчикова [1–4]. Специальное исследование, касающееся коллективов трудящихся как субъектов советских государственно-правовых отношений, было проведено В.Я. Бойцовым в одном из разделов его монографии «Система субъектов советского государственного права» [5, с. 132–155].

Следует отметить, что трудовой коллектив – субъект особый, отличающийся от других участников общественных отношений. Он является многоотраслевым субъектом права (может быть участником конституционных, трудовых, гражданских и др. отношений). Однако, трудовой коллектив – это организационно оформленная группа работников, объединенных для реализации, прежде всего, производственных целей. Это не простая совокупность людей, а сложное структурное образование.

Впервые правовой статус трудового коллектива нашел отражение в Конституции СССР 1977 года [6] и Конституции БССР 1978 г. [7]. Также имелся и специальный Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» от 17 июня 1983 г.

Законодательство советского периода позволяло смело отнести трудовые коллективы к элементам политической системы общества. На них возлагалась обязанность «участвовать в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшении условий труда и быта, использовании средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение...» [8, с. 83]. Такое положение дел просуществовало до распада СССР.

В последние годы законодательство Республики Беларусь не предусматривает широкое участие трудовых коллективов в политической, экономической и социальной жизни общества. Необходимо отметить, что и само понятие «трудовой коллектив» исчезает из текстов нормативных правовых актов. В.Н. Скобелкин пишет, что «с легкой руки законотворцев понятие «трудовой коллектив» стало заменяться неопределенным термином «работники» [9, с. 180]. По-видимому, это связано с переходом к рыночной экономике и усилением правового положения работодателей и предпринимателей на рынке труда и в социально-трудовой сфере. Однако такое игнорирование устоявшихся в законодательной практике понятий, на наш взгляд, представляется неоправданным.

В ранее действовавшем КЗоТе имелась целая глава (XV-A), посвященная трудовому коллективу предприятия, под которым понимались все работники, участвующие в его деятельности на основе трудового договора, за исключением руководителя предприятия и его заместителей [10, с. 90].

Согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь, государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни [11, с. 7]. Как видим, термин «трудовой коллектив» не употребляется. Он встречается лишь в ст. 69 Конституции, где за трудовыми коллективами закреплено право выдвигать кандидатов в депутаты [11, с. 18].

В действующем Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) отсутствует понятие «трудового коллектива». Вместо него ученые-трудовики употребляют понятие «объединение работников». Например, Л. Островский отмечает, что ТК признает работников в качестве особого объединения, которое, не будучи юридическим лицом, наделено правом уполномочивать своих представителей для реализации своих прав в коллективно-трудовой сфере. Именно поэтому объединение работников признается субъектом трудового права [12, с. 86].

В Избирательном кодексе Республики Беларусь (далее – ИК) понятие «трудовой коллектив» сохранилось, однако нормы-дефиниции, раскрывающей данное понятие, нет ни в трудовом, ни в конституционном законодательстве. В связи с этим предлагаем понятие «трудовой коллектив» включить в список основных терминов, используемых в ТК и ИК, в следующей формулировке: «Трудовой коллектив – это добровольное объединение работников, участвующих в деятельности предприятия, учреждения, организации на основе трудового договора (контракта)». На наш взгляд, такая формулировка позволит употреблять понятия «трудовой коллектив» (используемое в конституционном праве) и «объединение работников» (используемое в трудовом праве) в качестве синонимов.

Трудовой коллектив ранее наделялся более весомыми полномочиями как внутри предприятия, так и во взаимоотношениях с иными государственными органами, учреждениями и организациями. Так, например, при выборах и выдвижении кандидатов в депутаты местных и высших органов власти и управления, а также судей, местные органы власти обращались непосредственно в трудовой коллектив, и на общих собраниях решался вопрос выдвижения кандидатов в депутаты. Раньше избранные депутаты представляли отчет о своей деятельности трудовому коллективу. Со временем полномочия трудовых коллективов постепенно сужались. Однако несмотря на это трудовой коллектив как социальная общность, объединяемая трудом и интересами в сфере труда на предприятии, в учреждении, организации, не прекратила своего существования.

Трудовой коллектив предприятия, учреждения, организации – это объединение всех работников, осуществляющих совместную трудовую деятельность на предприятии, в учреждении, организации на основе трудового договора (контракта). Т.е. членами трудового коллектива со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями являются все, кто заключил с предприятием, учреждением, организацией трудовой дого-

вор (контракт): работающие по трудовому договору (контракту) на неопределенный срок (постоянные работники), определенный на срок (до 5 лет или на время выполнения определенной работы), совместители, штатные работники, надомники, должностные лица администрации предприятия, учреждения, организации.

К современным конституционалистам, непосредственно выделяющим трудовые коллективы среди субъектов конституционно-правовых отношений, можно отнести В.О. Лучина, В.Н. Кивеля, Н.М. Кондратович, Т.С. Масловскую, А.А. Подупейко. С.П. Чигринов не только относит их к данным субъектам, но и называет формы участия трудовых коллективов в управлении делами общества и государства и указывает, что они «участвуют в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни; участвуют в управлении предприятиями, организациями, учреждениями; имеют право выдвигать кандидатов в депутаты; могут участвовать в формировании избирательных комиссий; заслушивают отчеты депутатов; имеют право инициировать отзыв депутата; имеют право направлять коллективные обращения в государственные органы и др.» [13, с. 312].

Действующее избирательное право предусматривает несколько видов конституционно-правовых отношений, участниками которых выступают трудовые коллективы.

1. Это конституционно-правовые отношения, возникающие в связи с формированием состава избирательных комиссий всех ступеней. Правовым основанием таких отношений являются нормы статей 35 и 36 ИК. Выдвигать своих представителей в состав комиссий, в соответствии с ч. 2 ст. 35 ИК, имеют право собрания (конференции) расположенных на территории района, города, района в городе, поселка, совета трудовых коллективов организаций, насчитывающих не менее 30 работающих, – в территориальные, окружные и участковые комиссии. Представители в состав городских (в городах районного подчинения), поселковых, сельских территориальных и участковых комиссий могут быть выдвинуты также на собраниях работников структурных подразделений организаций, насчитывающих не менее 10 работающих. При выдвижении представителей в состав комиссий от структурных подразделений выдвижение представителей в состав этих комиссий от всего трудового коллектива не проводится. Собрание правомочно, если в его работе участвует более половины состава коллектива. Конференции в трудовых коллективах проводятся, если созыв собраний затруднен по причинам большой численности работников, многосменности или территориальной разобщенности структурных подразделений, и правомочны при участии в их работе не менее двух третей делегатов, избранных в порядке, установленном трудовым коллективом. Решение собрания (конференции) трудового коллектива принимается большинством голосов его участников. Представители в состав городских (городах районного подчинения), поселковых, сельских территориальных и участковых комиссий могут быть выдвинуты на собраниях работников нескольких структурных подразделений или нескольких трудовых коллективов и структурных подразделений с общей численностью работающих не менее 10 человек на их общем собрании. Собрание правомочно, если от каждого такого коллектива присутствует более половины его состава. Согласно ст. 36 ИК, трудовой коллектив, выдвинувший лицо в состав комиссии, может его отозвать [14].

2. Конституционно-правовые отношения по поводу выдвижения кандидатов в депутаты Палаты представителей (ст. 63 ИК) и в депутаты местных Советов депутатов (ст. 64 ИК), а также отношения по поводу отмены решения о выдвижении кандидата в депутаты (ст. 70 ИК). Выдвижение кандидатов в депутаты Палаты представителей от трудовых коллективов организаций осуществляется на собраниях (конференциях) избирателей в трудовых коллективах.

Собрания (конференции) избирателей в трудовых коллективах организаций, находящихся на территории избирательного округа, насчитывающих не менее 300 человек работающих и имеющих права юридического лица, созываются администрацией

организации как по собственной инициативе, так и по инициативе группы избирателей в количестве не менее 150 человек, работающих в организации. На собрании должно присутствовать более половины состава трудового коллектива. Конференции в трудовых коллективах проводятся, если созыв собраний затруднен по причинам большой численности работников, многосменности или территориальной разобщенности структурных подразделений, и правомочны при участии в их работе не менее двух третей делегатов, избранных в порядке, установленном трудовым коллективом. Решение собрания (конференции) трудового коллектива принимается большинством голосов его участников.

Кандидат в депутаты Палаты представителей может быть выдвинут от нескольких меньших коллективов с общей численностью работающих не менее 300 человек на их общем собрании. При этом от каждого трудового коллектива организации, имеющей права юридического лица, должно присутствовать более половины его состава [14]. Выдвижение кандидатов в депутаты местных Советов депутатов от трудовых коллективов организаций осуществляется также на собраниях (конференциях) избирателей в трудовых коллективах. Выдвижение кандидатов в депутаты областного, Минского городского Совета депутатов осуществляется трудовыми коллективами, расположенными на территории соответствующего избирательного округа, а кандидатов в депутаты районного, городского, поселкового, сельского Совета депутатов – трудовыми коллективами, расположенными на территории соответствующего местного Совета депутатов.

Собрания (конференции) избирателей в трудовых коллективах организаций созываются администрацией организации как по собственной инициативе, так и по инициативе группы избирателей в количестве не менее 10 человек, работающих в организации. Собрания избирателей в трудовых коллективах по выдвижению кандидатов в депутаты могут проводиться:

- 1) при выдвижении кандидатов в депутаты областного, Минского городского Совета депутатов – в коллективах, насчитывающих не менее 150 работающих;
- 2) при выдвижении кандидатов в депутаты районного, городского (города областного подчинения) Совета депутатов – в коллективах, насчитывающих не менее 75 работающих;
- 3) при выдвижении кандидатов в депутаты городского (города районного подчинения), поселкового, сельского Совета депутатов – в коллективах, насчитывающих не менее 20 работающих.

Кандидат в депутаты местного Совета депутатов может быть выдвинут от нескольких меньших трудовых коллективов с общей численностью работающих, установленной ч. 3 ст. 64 ИК, на их общем собрании. Собрание правомочно, если от каждого такого коллектива организации присутствует более половины его состава. Собрания избирателей по выдвижению кандидатов в депутаты местных Советов депутатов могут проводиться по структурным подразделениям организаций при условии, что их численный состав при выдвижении кандидата в депутаты соответствующего местного Совета депутатов отвечает требованиям ч. 3 ст. 64 ИК. В порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 64, кандидат в депутаты местного Совета депутатов может быть выдвинут от нескольких структурных подразделений или от нескольких трудовых коллективов и структурных подразделений на их общем собрании.

Согласно ст. 70 ИК, трудовой коллектив, выдвинувший кандидата в депутаты, имеет право не позднее чем за три дня до дня выборов отменить свое решение о выдвижении кандидата в депутаты [14].

3. Конституционно-правовые отношения по поводу возбуждения и решения вопроса об отзыве депутата. Вопрос об отзыве депутата может быть возбужден на собрании избирателей (как по месту жительства, так и в организациях) округа, от которого избран депутат (ст. 131 ИК).

Собрание избирателей в трудовом коллективе организации, являющейся юридическим лицом, насчитывающей не менее 300 человек, при возбуждении вопроса об отзыве депутата Палаты представителей правомочно, если в нем принимало участие более половины состава коллектива. Возбуждение вопроса об отзыве депутата Палаты представителей может быть осуществлено на общем собрании нескольких меньших трудовых коллективов организаций, являющихся юридическими лицами, с общей численностью работающих не менее 300 человек. При этом от каждого такого коллектива должно присутствовать более половины его состава.

Собрания избирателей в трудовых коллективах по возбуждению вопроса об отзыве депутата местного Совета депутатов могут проводиться в коллективах, насчитывающих:

- 1) не менее 150 работающих – при возбуждении вопроса об отзыве депутата областного, Минского городского Совета депутатов;
- 2) не менее 75 работающих – при возбуждении вопроса об отзыве депутата районного, городского (города областного подчинения) Совета депутатов;
- 3) не менее 20 работающих – при возбуждении вопроса об отзыве депутата городского (города районного подчинения), поселкового, сельского Совета депутатов.

Собрание правомочно, если в нем принимает участие более половины состава коллектива. В порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 63 ИК, возбуждение вопроса об отзыве депутата Палаты представителей, депутата местного Совета депутатов может быть осуществлено и на конференции трудового коллектива (ст. 132 ИК) [14].

Отзыв депутата как одна из форм прямой демократии давно обсуждается в науке конституционного права. Соглашаясь с взглядами О.А. Антоновой об отзыве депутатов в Республике Беларусь, также полагаем, что следует расширить круг субъектов, обладающих правом инициирования отзыва депутата. Право возбуждения процедуры об отзыве депутата должно принадлежать не только избирателям избирательного округа, но и иным субъектам, обладающим правом выдвижения кандидатов в депутаты [15, с. 87]. Предлагаем расширить круг субъектов, обладающих правом инициирования отзыва депутата, и закрепить это в ст. 130 Избирательного кодекса Республики Беларусь: право возбуждения процедуры об отзыве депутата должно принадлежать не только избирателям избирательного округа, но и иным субъектам, обладающим правом выдвижения кандидатов в депутаты, т.е. трудовым коллективам и политическим партиям.

Заключение

Исходя из анализа конституционно-правовых норм и специальной литературы, можно сделать следующие выводы и предложения:

I. Понятие «трудовой коллектив» сохранилось, однако нормы-дефиниции, раскрывающей данное понятие, нет ни в трудовом, ни в конституционном законодательстве. В связи с этим предлагаем понятие «трудовой коллектив» как объединение работников, участвующих в деятельности предприятия, учреждения, организации на основе трудового договора (контракта), включить в список основных терминов ТК Республики Беларусь (ст. 1).

II. На основании норм ИК Республики Беларусь возникают три вида конституционно-правовых отношений, непосредственными участниками которых являются трудовые коллективы (выступающие одновременно субъектами избирательного процесса):

- 1) конституционно-правовые отношения, возникающие в связи с формированием состава избирательных комиссий всех ступеней;
- 2) конституционно-правовые отношения по поводу выдвижения кандидатов в депутаты Палаты представителей и в депутаты местных Советов депутатов, а также отношения по поводу отмены решения о выдвижении кандидата в депутаты;

3) конституционно-правовые отношения по поводу возбуждения и решения вопроса об отзыве депутата.

III. К иным формам участия трудовых коллективов в управлении делами общества и государства можно отнести:

- 1) обсуждение вопросов государственной и общественной жизни;
- 2) управление предприятиями, организациями, учреждениями;
- 3) требование отчета депутата о своей работе;
- 4) направление коллективных обращений в государственные органы и др.

IV. Предлагаем расширить круг субъектов, обладающих правом инициирования отзыва депутата, и закрепить это в ст. 130 ИК Республики Беларусь: право возбуждения процедуры об отзыве депутата должно принадлежать не только избирателям избирательного округа, но и иным субъектам, обладающих правом выдвижения кандидатов в депутаты, т.е. трудовым коллективам и политическим партиям (статьи 62–64 ИК).

V. Трудовые коллективы являются субъектами конституционно-правовых отношений в Республике Беларусь, правосубъектность которых определяется наличием у организации статуса юридического лица и численностью работающих. Они также являются активными субъектами избирательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основин, В.С. Советские государственно-правовые отношения / В.С. Основин. – М. : Юрид. лит., 1965. – 168 с.
2. Кравчук, С.С. Государственно-правовые отношения в Советском социалистическом государстве / С.С. Кравчук // Совет. государство и право. – 1956. – № 10. – С. 95–105.
3. Щетинин, Б.В. Проблемы теории советского государственного права / Б.В. Щетинин. – М. : Госсююзиздат, 1970. – 321 с.
4. Копейчикова, В.В. О трудовых коллективах / В.В. Копейчикова. – М. : Юристъ, 2002. – 96 с.
5. Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права / В.Я. Бойцов. – Свердловск : «Уральский рабочий», 1972. – 160 с.
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочеред. VII сес. Верхов. Совета СССР IX созыва 7 окт. 1977. – Минск : Беларусь, 1985. – 47 с.
7. Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики : принята на IX спец. сес. Верхов. Совета БССР IX созыва 14 апр. 1978 г. – Минск : Беларусь, 1986. – 87 с.
8. Головкин, А.А. Теоретические основы демократии / А.А. Головкин. – Минск : Право и экономика, 2004. – 162 с.
9. Скобелкин, В.Н. Трудовые правоотношения / В.Н. Скобелкин. – М. : Вердикт, 2003. – 216 с.
10. Кодекс законов о труде : Кодекс Респ. Беларусь : утв. Законом Респ. Беларусь, 23 июня 1972 г. : с изм. и доп. по состоянию на 1 февр. 1998 г. – Минск : Амалфея, 1998. – 96 с.
11. Конституция Респ. Беларусь 1994 г. (с измен. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.
12. Островский, Л. Представительство работников при заключении коллективного договора / Л. Островский // Юрист. – 2005. – № 1. – С. 86–87.
13. Конституционное право Республики Беларусь: в понятиях и схемах / С.П. Чигринов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Сухарковой. – Минск : Амалфея, 2002. – 312 с.

14. Избирательный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 11 февр. 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. от 15.01.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

15. Антонова, О.А. Отзыв депутата как одна из форм прямой демократии в Республике Беларусь: некоторые правовые аспекты / О.А. Антонова // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2004. – № 3. – С. 84–93.

Tsjuga S.A. The Labor Collectives as Subjects of Constitutional and Legal Relations and the Electoral Process

The article deals with labor groups as subjects of constitutional and legal relationship of the electoral process in the Republic of Belarus; their forms of participation in the management of society and state undertakings are named. The proposal for legislative consolidation rules with the definition of «labor collective» is given in the article. Based on the analysis of the norms of the Electoral Code of the Republic of Belarus, it is concluded that it is necessary to expand the range of subjects with the right to initiate the recall of a deputy. The author suggests granting such a right to labor groups and political parties.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.10.2012

УДК 34 (002) (476)

Т.З. Шалаева

ПРОБЛЕМЫ ДОМЕННОГО ИМЕНИ В ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

Данная работа представляет собой исследование автора, заинтересованного в продвижении белорусской юридической науки и практики в процессе упорядочения нормативного правового регулирования в области отношений, связанных с созданием, систематизацией, реализацией и защитой различного рода информационных ресурсов Беларуси, а также эффективных механизмов воздействия на повышение правовой культуры отношений по поводу информационно-коммуникационных технологий. Создание, формирование, хранение, обработка, распространение и использование информационных ресурсов в глобальной сети Интернет осуществляется по доменному имени, которому соответствует определенный IP-адрес. Доменное имя, как адрес информационного ресурса, как точка доступа, выраженное символьным обозначением, зафиксированное в сетевом информационном ресурсе и зарегистрированное в установленном порядке, представляет собой часть информационного объекта, сетевого информационного ресурса и одновременно является результатом интеллектуальной деятельности, средством индивидуализации в Сети этого ресурса.

Введение

Данная работа представляет собой попытку творческого осмысления с правовых позиций происходящих в сети Интернет процессов взаимодействия компьютеров через поиск и идентификацию различных типов адресов информационных ресурсов посредством Службы доменных имен. Необходимость правового регулирования доменных имен в нашей стране назрела достаточно давно и не только в связи с глубокой интеграцией белорусского, российского, казахстанского и иных сегментов Сети, а прежде всего с потребностью динамичного развития правовых мер по предотвращению правонарушений в указанной области и правовой охраны доменного имени, как адреса и средства индивидуализации информационных ресурсов.

На основе изучения Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г. и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год» [1], анализа действующего национального законодательства можно сделать вывод о том, что сбор гражданами необходимых справок и документов, общение и процесс передачи информации через Интернет посредством использования доменных имен информационных ресурсов органов государственной власти любого уровня без непосредственной встречи государственных чиновников между собой и с гражданами – важнейший антикоррупционный фактор в условиях нынешней политической среды. Данный аспект значительно влияет на *актуальность* представленного исследования.

В Республике Беларусь, как и повсюду в мире, не стихают дискуссии о правовом регулировании глобальной телекоммуникационной сети Интернет, о чрезвычайной необходимости уменьшения внеправового Интернет-пространства, в котором могут нарушаться и, к сожалению, нарушаются авторские и смежные права, права на фирменное наименование и товарный знак, распространяются информационные ресурсы, относящиеся к категории ограниченного или запретного доступа и т.п.

В нашей республике поднятая тема недостаточно разработана. Наиболее известными русскоязычными авторами, исследующими правовые аспекты доменной сферы, являются С Дмитриев, В. Калятин, В. Кравченко, В. Наумов, С. Нестерович, А. Осокин, О Рузакова, Ю. Табастаева, А. Серго и др. Они пробивают дорогу нормативному регу-

лированию национального сегмента доменов в зоне RU. По исследованию правовых проблем доменного имени в Российской Федерации защищено более 90 диссертаций, так или иначе выражающих авторскую позицию в отношении имен доменов (в том числе докторская диссертация А.Г. Серго, защищенная в 2012 г.). Причем мнения авторов разделились на диаметрально противоположные по критерию отнесения доменного имени к технической адресации информационных ресурсов или придания ему правового режима самостоятельного объекта интеллектуальной деятельности [2], что дает новые импульсы к продолжению научных изысканий.

Отечественный научный опыт в этой сфере не слишком богат, и отечественное законодательство имеет значительно больше неразрешенных вопросов, чем уже решенных. В то же время на нормативном уровне принято более 80 актов [1], так или иначе затрагивающих проблемы информатизации, информационно-коммуникационных технологий, информационных ресурсов, а вот понятие «доменное имя» не нашло должной теоретической разработки и закрепления в позитивном праве. Законодательство Республики Беларусь в настоящее время практически не содержит нормативных правовых актов, регулирующих отношения, возникающие в связи использованием и оборотом доменных имен. В связи с этим *цель* исследования заключается в теоретической проработке правового режима информационных ресурсов и определении правовой природы доменного имени.

Правовой режим информационных ресурсов

В словаре административного права, изданном в 1999 г. в России, термин «правовой режим» определен как «нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или ситуаций, которые обязательно должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (ситуации)» [3, с.427]. В юридической энциклопедии, изданной в 2001 г., раскрывается термин «правовой режим информации»: «(англ. Law/juridical/legal regime of information) нормативно установленные правила, определяющие степень открытости, порядок документирования, доступа, хранения, распространения и защиты информации, а также исключительные права на информацию» [4, с. 674]. Исходя из действующего законодательства Беларуси, «информационный ресурс – организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах» [1]. Опираясь на мнение исследователей сектора информационного права Института государства и права РАН [5, с. 45], логично определить, что правовой режим информационных ресурсов представляет собой нормативно установленные правила, определяющие степень открытости, государственной регистрации и актуализации, порядок доступа, хранения, распространения, использования и защиты совокупности документированной взаимосвязанной информации, обращающейся в информационных системах [6, с. 92].

Правовые нормы должны установить обязательные требования, без которых информационный ресурс не может быть включен в систему правовых отношений, и получить полноценные гарантии в процессе взаимодействия субъектов по поводу конкретных объектов данного ресурса. Ранее автором были обоснованы предложения о необходимости включения в состав правового режима информационных ресурсов норм, которые установят состав и структуру информационных ресурсов, порядок их государственной регистрации и актуализации, категорию информации по доступу к ней, порядок документирования информации, право собственности на отдельные документы и электронные массивы в информационных системах, процедуры хранения и обмена электронными документами, порядок правовой защиты документированной информа-

ции, а также порядок регистрации доменного имени как средства индивидуализации информационного ресурса в сети [6, с. 93].

Согласно сведениям об информационных ресурсах, прошедших государственную регистрацию по состоянию на август 2012 г. [7], в Республике Беларусь зарегистрировано 3 034 единицы информационных ресурсов (далее – ИР). Интересна динамика государственной регистрации ИР по регионам с 1 января 2001 г. по 31 августа 2012 г. [8].

Таблица 1 – Динамика государственной регистрации ИР в Республике Беларусь

Регион	Зарегистрированные ИР (всего)	ИР, зарегистрированные в 2012 г.
г. Минск	1 367	238
Брестская обл.	346	235
Гомельская обл.	329	100
Минская обл.	312	182
Могилёвская обл.	299	21
Гродненская обл.	211	13
Витебская обл.	167	14
ИР зарубежных стран	3	0
ИТОГО:	3 034	803

По предварительным результатам первого квартала 2012 г., можно сделать выводы об увеличении зарегистрированных ИР по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. На сегодняшний момент в регистре с начала года зарегистрировано почти в три раза больше ИР, чем за аналогичный период 2011 г. (106 ИР в 2012 г. и 34 ИР в 2011 г.). В настоящее время наиболее активны заявители г. Минска, в то время как в 2011 г. это были заявители Гомельской области и г. Минска. Также следует отметить, что по-прежнему в процессе регистрации лидируют информационные ресурсы, касающиеся образования и медицины [7].

Анализируя зарегистрированные ИР, представляется возможным в целях повышения эффективности их правового регулирования представить классификацию ИР по различным критериям.

1. В зависимости от типа:

1) база данных (библиографическая, реферативная, фактографическая лексикографическая, текстовая, полнотекстовая, гипертекстовая);

2) веб-сайты организаций и предприятий (общие сведения об организациях их информационных ресурсов, в том числе о выпускаемых изданиях, базах данных, массивах конструкторских документов и т.п.);

3) электронное издание, содержащее отдельное произведение (научная статья, труд, учебное пособие, художественное произведение, произведение искусства и др.), сетевое или на носителях;

4) коллекция электронных изданий (коллекция произведений с информационно-поисковыми системами (ИПС), сетевая или на носителях, а также сетевые электронные издания (журналы), имеющие печатные аналоги);

5) коллекция электронных документов (электронная библиотека, электронный музей, галерея и др.);

6) хранилище данных (предметно-ориентированное, интегрированное, поддерживающее хронологию, неизменяемое собрание данных, ориентированных на процессы принятия управленческих решений);

7) специальный массив научных данных (электронная модель объектов, массив экспериментальных данных и др.);

8) база знаний, диагностическая, экспертная система;

9) конструкторско-технологическая документация, создаваемая в рамках CALS-технологий;

10) ГИС-система и электронные карты (массивы геоданных).

2. В зависимости от формы представления (медиа):

1) мультимедийные и мультимедийные системы;

2) компьютерные игры;

3) изображения (тематические сборники фотографий, рисунков, пиктограмм и т.п.);

4) видео (кино и видеофильмы, клипы и т.п.);

5) аудио (музыкальные произведения, песни, их сборники и т.п.);

6) презентации (организаций, информационных и других систем, ролики и т.п.).

3. В зависимости от назначения:

1) обучающие системы (системы типа электронных экзаменаторов в ГАИ по правилам дорожного движения, другие обучающие и тестирующие системы);

2) информационно-поисковые и справочные системы (ИПС) (тематические справочные системы с встроенным информационно-поисковым аппаратом, предназначенные для поиска необходимой информации в рамках тематики):

а) научно-технические ИПС (охватывают различные области знаний);

б) консультационные ИПС (содержат юридические и другие сведения по различным жизненным вопросам);

в) бытовые ИПС (телефонные справочники, рецепты блюд, городские справочные системы (улицы, транспорт), расписания автобусов, поездов, самолетов и т.п.

4. В зависимости от собственника:

1) государственные;

2) негосударственные.

Нормативно закреплён состав государственных информационных ресурсов: базовые, республиканские, региональные (территориальные). Всего три года назад Постановлением Совета Министров от 26 мая 2009 г. № 673 был установлен перечень из 4 государственных информационных ресурсов, принадлежащих трем республиканским органам, которые были выделены из всех остальных ресурсов и названы базовыми. К ним отнесены: Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (принадлежит Министерству юстиции); Информационные объекты автоматизированной системы «Паспорт» (Министерство внутренних дел); Единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним и Реестр адресов (принадлежат Государственному комитету по имуществу Республики Беларусь) [8]. Вышеуказанным нормативным актом утверждены Положение о составе государственных информационных ресурсов, порядке их формирования и пользования документированной информацией из государственных информационных ресурсов; Положение о порядке государственной регистрации информационных ресурсов и ведения Государственного регистра информационных ресурсов; Положение о порядке государственной регистрации информационных систем, использования государственных информационных систем и ведения Государственного регистра информационных систем; Перечень базовых государственных информационных ресурсов.

В состав республиканских государственных информационных ресурсов входят государственные информационные ресурсы:

1) из состава государственных кадастров, регистров, реестров, классификаторов;

2) обладающие информацией о нормативных правовых актах;

3) содержащие социальную и финансово-экономическую информацию (статистика, здравоохранение, демография, образование, сельское хозяйство, инвестиции и инновации, культура, информация о чрезвычайных ситуациях, природных и техногенных катастрофах, другие государственные информационные ресурсы профессиональной или тематической направленности).

В состав региональных (территориальных) государственных информационных ресурсов входят государственные информационные ресурсы, содержащие социальную, финансово-экономическую и иную информацию, необходимую для осуществления государственного управления на уровне административно-территориальных единиц.

Для сравнения в РФ также установлены базовые государственные реестры и регистры, список которых закреплен распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2011 г. №654-р «О базовых государственных информационных ресурсах». В перечень вошли 11 реестров, принадлежащих пяти ведомствам [9]. Правовой режим информации установлен Федеральными Законами «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 3–13), «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», разработан проект Закона «О государственных информационных ресурсах» (ст. 7.1, 7.2) [10].

В Республике Казахстан постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2007 г. № 112 утверждены Правила ведения государственного регистра электронных информационных ресурсов и информационных систем и депозитария. Государственные базы данных, информационные системы, Web-сайты и сети передачи данных на территории Республики Казахстан, разработка и создание которых финансируется из государственного бюджета, подлежат обязательному государственному учету и регистрации [11]. Государственная регистрация негосударственных баз данных, информационных систем, Web-сайтов и сетей передачи данных может производиться по инициативе собственников указанных информационных ресурсов и информационных систем [12]. В Казахстане определены Web-сайты государственных органов в количестве 32 наименований. Правовой режим ИР установлен Законом Республики Казахстан от 11 января 2007 г. № 217 «Об информатизации» в главе 3, где закрепляются виды электронных информационных ресурсов, определяются основания возникновения, изменения и прекращения права собственности и иных прав на электронные информационные ресурсы, регулируемые гражданским законодательством Республики Казахстан [11].

В Республике Беларусь правовой режим информации, информационных ресурсов прописан в главах 3–5 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [13]. Вышеназванный закон содержит ряд статей, которые в общей форме раскрывают содержание некоторых требований правового режима. В то же время этот нормативный акт аккумулирует большой комплекс правовых и организационных проблем, каждая из которых может быть самостоятельным предметом правовых исследований.

Следует признать, что законодатели многих стран едины во мнении об обязательной государственной регистрации ИР, созданных за счет бюджетных средств, как важнейшего элемента правового режима государственных ИР. В то же время констатируется право негосударственных собственников ИР на добровольную регистрацию в государственном регистре (реестре) в целях получения собственного идентификатора ИР.

Анализируя инвариантный аспект информационного ресурса с позиции его структуры, следует отметить отсутствие норм, позволяющих установить совокупность устойчивых связей документированной информации, обеспечивающих сохранение основных свойств информационного ресурса при различных внешних и внутренних изменениях [6]. В современной науке, на что указывает философский энциклопедический словарь, понятие «структура» соотносится с понятиями «система» и «организация» [14, с. 629].

Систему информационного ресурса следует рассматривать как сложный объект, характеризующийся особым типом внутреннего строения, наличием рубрики для указания предметной области ресурса, совокупностью программно-технических элементов содержательного плана, а также качественными и количественными параметрами. В таком аспекте понимания ИР возникает вопрос о месте и роли его адреса, уникального символического обозначения в сети, речь идет о доменном имени, как правовом явлении, средстве индивидуализации, выделяющем ИР в Сети, имеющем коммерческую и иную ценность для собственника ИР.

Доменное имя как правовое явление

В настоящее время в юридической литературе прослеживаются несколько точек зрения на правовое положение доменного имени. Одна группа ученых правоведов полагает, что доменное имя является самостоятельным средством индивидуализации. Указанной позиции придерживаются В.Б. Наумова, В.О. Калятина, А. Страха, А.Г. Серго [2].

В то же время существует другая группа исследователей (З.Ю. Милютин, А.С. Ешич, Р.С. Смирнов, Ю.А. Яхин, А.С. Андронов и др.), отстаивающих мнение о том, что доменное имя, воспроизводя охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, может содержать охраняемый законом объект интеллектуальных прав. При этом само доменное имя, по их мнению, объектом интеллектуальных прав не является [2].

Отдельные научные работы по доменным именам посвящены изучению правовых путей разрешения доменных споров, возникающих в связи с нарушением прав на товарные знаки при регистрации и использовании доменных имен в сети Интернет [2].

В юридической науке, а точнее, в области гражданского права, посвященной интеллектуальной собственности, появился целый комплекс требующих решения вопросов, которые вместе могут быть определены как проблемы соотношения доменных имен и охраняемых законодательством об интеллектуальной собственности средств индивидуализации. Следует вспомнить, например, что в 2006 г. Президент Российской Федерации предложил внести дополнения в Часть 4 Гражданского кодекса Российской Федерации по регулированию прав на доменные имена. Это в действительности закрепляло бы правовой режим доменного имени в Российской Федерации, как средства индивидуализации ИР в Сети и явилось бы новеллой в законодательстве Российской Федерации [15]. Однако такой законопроект с прогрессивными изменениями так и не был принят.

Проводя анализ определения предмета информационного права, сформулированного известным ученым-правоведом И.Л. Бачило [16], можно отметить, что общественные отношения, связанные с формированием и использованием ИР, включают такой объект, как доменное имя, выделяющее его в Сети в качестве конкретного информационного ресурса, по поводу которого и возникают отношения. Таким образом, можно заключить, что правовая природа доменных имен носит информационный характер. Создание, формирование, хранение, обработка, распространение и использование ИР в глобальной сети Интернет осуществляется по доменному имени, которому соответствует определенный IP-адрес. Технологии передачи информационных ресурсов в Сети с использованием доменных имен и сетевых протоколов, а также использование новых технологий работы с информацией в сети Интернет составляют предмет информационно-правовых отношений.

С другой стороны, по мере расширения Интернета система цифровых IP-адресов стала неудобной в использовании и, будучи неотъемлемой, была заменена на систему доменных имен (Domain Name System). Это было сделано для более удобного поиска информации в Интернете. Когда Интернет расширился до того, что стал общемировой

глобальной телекоммуникационной системой, выяснилось, что функции доменных имен также расширились. Помимо адресации в сети Интернет, доменные имена стали индивидуализировать соответствующего владельца (услугу, товар и т.п.) информационного ресурса. Поскольку данная информация представляла результаты деятельности различных субъектов, то появились конфликты между доменными именами и другими средствами индивидуализации (товарный знак, фирменное наименование, коммерческое обозначение и т.д.). До сих пор не выработаны четкие нормы, касающиеся доменных имен, которые позволили бы национальным судам эффективно разрешать конфликты между владельцами различных средств индивидуализации и владельцами доменных имен [17]. Нами ранее было обосновано, что доменное имя способно выполнять две важные функции: 1) функцию адресации в сети Интернет и 2) индивидуализации информационного ресурса (веб-сайта). В рамках сравнительного анализа доменных имен со средствами индивидуализации выявлено, что доменные имена могут быть отнесены только к средствам индивидуализации, поскольку имеют много общего с традиционными средствами индивидуализации: например, имеют нематериальный характер и выполняют функцию индивидуализации, обладают коммерческой ценностью и способны самостоятельно приносить прибыль (применяться в гражданском обороте), права на доменное имя возникают с момента его регистрации в установленном порядке, охраняются в течение определенного периода, могут быть аннулированы до истечения периода их правовой охраны, а также могут передаваться иным лицам на договорных началах [17].

В Республике Беларусь до сих пор не урегулирован правовой режим доменного имени; в действующем законодательстве Беларуси не определено понятие доменного имени. Недостаточность научных исследований в данной области служит основным препятствием при создании эффективной системы государственного регулирования легальных способов разрешения конфликтов, спорных ситуаций, связанных с доменными спорами [18].

Порядок регистрации доменов ВУ определяется «Инструкцией о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет», утвержденной приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18.06.2010 №47 (в редакции приказа Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь 06.03.2012 №23). Регистрация доменов ВУ осуществляется через аккредитованных регистраторов: Общество с ограниченной ответственностью «Открытый контакт»; Научно-производственное частное унитарное предприятие «Надежные программы»; Общество с ограниченной ответственностью «Экстмедиа»; Белорусско-английское совместное предприятие общество с ограниченной ответственностью «Деловая сеть»; Общество с ограниченной ответственностью «Активные технологии» [1].

Использование и регистрация доменных имен рассматриваются белорусским законодательством исключительно с точки зрения лицензионных требований к осуществлению розничной торговли в сети Интернет [1]. При этом законодатель прямо не относит доменные имена ни к существующим объектам гражданских прав, ни к объектам информационных правоотношений, ни к техническим средствам связи. В настоящее время Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.09.2006 № 1161 «О некоторых вопросах осуществления розничной торговли по образцам с использованием сети Интернет» нормативно закреплены лишь правомочия юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Республики Беларусь осуществлять розничную торговлю по образцам через интернет-магазины с использованием доменного имени в национальном домене ВУ. Так, одним из особых требований и условий при осуществлении розничной торговли с использованием сети Интернет, предъявляемых при выдаче лицензии на розничную торговлю (включая алкогольные напитки и табачные изделия) и обще-

ственное питание, является ее осуществление в интернет-магазине в соответствии с доменным именем, указанным в лицензии. Невыполнение указанного требования является грубым нарушением законодательства о лицензировании или нарушением установленных требований и условий осуществления лицензируемого вида деятельности, при выявлении которого лицензирующий орган принимает решение об аннулировании лицензии.

Анализ вышеназванных отечественных нормативных правовых актов приводит к выводу о том, что доменное имя имеет определенные характеристики средства индивидуализации, относящегося к объектам интеллектуальной собственности, а его использование в определенных случаях может нарушать исключительные права хозяйствующих субъектов на объекты права интеллектуальной собственности. Однако положения Инструкции о регистрации доменных имен носят характер рекомендаций и не являются обязательными для лица, регистрирующего доменное имя. Регистратор не проверяет информации о схожести регистрируемого доменного имени с известными торговыми знаками и знаками обслуживания либо их идентичности. Также законодательством Республики Беларусь не установлена процедура урегулирования споров, возникающих при использовании названий других организаций в зарегистрированном доменном имени в домене BY.

В соответствии с международным стандартом ISO3166-1 домен BY является двухбуквенным доменом верхнего уровня Республики Беларусь. Администратором домена BY является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. С 2012 г. техническим администратором зоны BY является УП «Надежные программы» (hoster.by®).

В РФ понятие доменного имени нормативного закрепления также не имеет, однако сам термин «доменное имя» несколько раз упоминается в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (в статьях 1 483, 1 484 и 1 519) и Федеральном законе от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (статьи 3, 39). Например, в ст. 1 Закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» указано, что официальный сайт государственного органа или органа местного самоуправления – это сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащий информацию о деятельности государственного органа или органа местного самоуправления, электронный адрес которого включает доменное имя, права на которое принадлежат государственному органу или органу местного самоуправления [9]. При этом в законодательстве Российской Федерации не установлено, к каким объектам гражданских прав относится доменное имя, отсутствуют какие-либо нормы, регулирующие возникновение, использование, передачу и защиту прав на доменное имя и не указан субъектный состав лиц, способных приобретать и отчуждать доменные имена.

Казахстанское законодательство дает достаточно сложное определение термину «доменное имя»: «Это символьное (буквенно-цифровое) обозначение, сформированное в соответствии с правилами адресации сети Интернет, предназначенное для поименованного обращения к объекту сети и соответствующее определенному сетевому адресу». Казахский центр сетевой информации (KazNIC) является администратором по поддержке доменных имен с кодом страны «.kz». KazNIC уполномочен международной организацией «IANA» (Internet Assigned Numbers Authority), которая осуществляет всемирную координацию интернет-ресурсов. Основной целью KazNIC является координация деятельности аккредитованных Регистраторов доменных имен в Казахстане.

Несмотря на существующую мировую практику, недавно в казахстанской системе управления доменными именами появилось нововведение. В частности, 7 сентября 2010 г. были утверждены Правила регистрации, пользования и распределения доменного пространства казахстанского сегмента сети Интернет [11]. В соответствии с ними

DNS-серверы для доменов с кодом страны «.kz» должны физически находиться на территории Казахстана, в то время как большинство владельцев доменных имен «.kz» используют DNS-серверы, расположенные за пределами Казахстана.

Анализируя действующее законодательство отдельных постсоветских государств в сфере регистрации доменных имен, приходим к выводу о наличии общих тенденций развития подходов к подкреплению позиций доменного имени посредством дополнительной регистрации соответствующего товарного знака или, наоборот, регистрации имени домена по буквенному наименованию товарного знака, что и рекомендует Всемирная организация по интеллектуальной собственности [19].

Общеизвестное техническое определение доменного пространства характеризует его как область иерархических имен сети Интернет, которая обозначается уникальным доменным именем, обслуживается набором серверов доменных имен (DNS) и децентрализованно администрируется. Доменное имя как адрес информационного ресурса в соотношении с понятием «домен» представляет собой символическое обозначение домена самого верхнего узла домена.

Координацией и управлением службой DNS занимается организация IANA (Internet Assigned Numbers Authority). Она же, собственно, и занимается делегированием доменов верхнего уровня. IANA отвечает за организационные домены: .com, .org, .net, .biz, .edu и т.д. (Generic Domains), – домены стран: .by, .ru, .us, .de и др. (Country Code Domains). Для данных доменов существует стандарт ISO3166-1, одобренный Организацией Объединенных Наций [20].

В зависимости от содержания размещенных в *доменах* информационных ресурсов доменные имена подразделяются на домены отраслевого и организационного типов: наука, кино, промышленность, искусство, государственное регулирование и т.п. Кроме того, правила доменной зоны могут ограничивать круг пользователей, которые могут получить домен в этой зоне; чаще всего это правительственные зоны government (gov.by, gov.ru) или военные (.mil). В зависимости от государственной принадлежности доменных зон второго и третьего уровней доменные имена могут быть российскими, белорусскими, японскими и т.п. Политика американской родоначальницы неправительственной организации ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers – Организация Интернет по присвоенным именам и номерам) направлена на ограничение регистрации доменных имен в доменах верхнего уровня, таких как gov., mil. [21]. В зависимости от собственника доменные имена можно рассматривать как государственные, входящие в состав государственного информационного ресурса и индивидуализирующие его и негосударственные, принадлежащие и зарегистрированные негосударственным собственником.

Доменное имя как адрес информационного ресурса, выраженное символическим обозначением, зафиксированное в информационном (электронном) ресурсе и зарегистрированное в установленном порядке, представляет собой часть самостоятельного информационного объекта, сетевого информационного ресурса и одновременно является результатом интеллектуальной деятельности, средством индивидуализации в Сети этого ресурса. Можно согласиться с авторитетным мнением российских ученых: М.С. Азарова, В.О. Калятина, В. Кравченко, В.Б. Наумова, А.Г. Серго, А.А. Осокина, А. Страха и многих других, убедительно доказывающих, что доменные имена, несомненно, следует признать самостоятельным средством индивидуализации, объектом исключительных прав [22].

Исследуя теоретические аспекты правового режима доменного имени, представляется обоснованным мнение некоторых авторов (М.С. Азаров и др.) о двойственной природе доменного имени как объекте информационного права, объекте интеллектуальной собственности [2]. Данный вывод возможен с учетом как комплексности суще-

ствующих частноправовых механизмов защиты нарушенных прав добросовестных приобретателей доменных имен – владельцев соответствующих информационных ресурсов, так и публичных методов и средств защиты в доменной сфере, присущих информационному праву. Следовательно, можно говорить о двух аспектах правового режима доменного имени: гражданско-правовом (защита интересов юридических и физических лиц от недобросовестной регистрации имени домена) и информационно-правовом (защита публичных интересов государства и общества).

Для совершенствования правовой основы функционирования информационных ресурсов необходимо закрепить теоретические предпосылки формирования правового института доменных имен в информационном праве с учетом устранения пробела между нарастающей практикой доменных конфликтов и действующей нормативно-правовой базой развития информационных ресурсов государственных и негосударственных владельцев соответствующих доменных имен, а также и государственных органов и организаций, ответственных за поддержание национального доменного сегмента.

Опираясь на исследования сотрудников информационного сектора ИГП РАН [16, с. 258–269], собственную позицию, обоснованную в опубликованных работах [17; 18; 23; 24] приходим к выводу, что доменное имя, как и информация, и информационные ресурсы, обладает некоторыми признаками объектов вещного и интеллектуального свойства одновременно. Проблема состоит в том, что весьма непросто разделить сферы регулирования этих институтов в пространстве доменных имен и связанную с ним правосубъектность владельцев, администраторов, пользователей, арендаторов домена и иных лиц, а также урегулировать возникающие между ними споры относительно доменной сферы.

Заключение

Исходя из вышеизложенного следует заметить, что, несомненно, получить доступ к ИР без точного указания адреса или наименования домена, в котором он расположен, невозможно. Легализация ИР происходит только после регистрации доменного имени, индивидуализирующего его в Сети. В мировом сообществе существуют различные правила регистрации доменных имен национальных сегментов Сети, и, соответственно, в значительной мере различаются подходы к правовому регулированию отношений по индивидуализации ИР (собственников ИР, других субъектов, осуществляющих деятельность с ИР в Сети, непосредственно деятельность и её результаты). Представляется необходимым разработать правовые основы доменного имени как средства индивидуализации ИР в Сети.

Полагаем возможным предложить юридическое содержание концепции правового регулирования доменного имени как средства индивидуализации ИР в сети Интернет.

1. Правовой институт доменных имен представляет собой совокупность норм, выражающих правовой режим доменного имени, а также закрепляющий порядок деятельности участников информационного оборота с использованием доменного имени как средства индивидуализации ИР в сети Интернет. Данный правовой институт является межотраслевым и включает нормы гражданского права и иных правовых отраслей (нормы конституционного, информационного права и т.д.), направленных на правовое обеспечение информационного оборота в сети Интернет.

2. Необходимо разработать теоретическое определение термина «доменное имя» и закрепить его законодательно. На доменное имя, т.е. символическое обозначение, предназначенное для идентификации и индивидуализации информационных ресурсов и адресации запросов в сети Интернет, зарегистрированное в реестре доменных имен в соответствии с установленным порядком и обычаями делового оборота, закрепляется исключительное право. Исключительное право на доменное имя признается и охраняется

в силу регистрации соответствующего доменного имени специально уполномоченным государством юридическим или физическим лицом, зарегистрированными на территории национального сегмента Сети. Лицу, на имя которого зарегистрировано доменное имя, принадлежит исключительное право использовать его любым, не противоречащим закону, способом (исключительное право на доменное имя), в том числе путем использования доменного имени в отношении информационных ресурсов в сети Интернет, включая выделение новых доменов в составе адресного пространства, на которое указывает данное доменное имя.

3. Администрирование доменных имен в национальном сегменте должно осуществляться специально созданным государственным органом.

4. Порядок присвоения доменных имен в национальной зоне должен максимально использовать наработанные рекомендации ВОИС с обеспечением требуемого уровня защиты интересов соответствующих правообладателей.

5. Исключительное право на доменное имя действует в течение срока, определяемого правилами регистрации доменных имен. При этом срок действия исключительного права не может быть менее одного года. По заявлению правообладателя поданному лицу, осуществляющему регистрацию доменных имен в домене первого уровня, закрепленном за Республикой Беларусь, в течение последних двух месяцев действия этого права срок регистрации доменного имени продлевается на такой же срок. Продление возможно неограниченное число раз.

6. Правовая охрана доменного имени может быть прекращена досрочно судом в связи с неиспользованием доменного имени непрерывно в течение двух лет после его регистрации.

7. С учетом мирового опыта необходимо законодательно прописать процедуру оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны доменному имени.

8. Установить, что исключительное право на доменное имя прекращается в следующих случаях:

- а) по заявлению обладателя исключительного права на доменное имя;
- б) по истечении срока действия исключительного права на доменное имя;
- в) в случае принятия судом решения о прекращении исключительного права на доменное имя.

9. Предусмотреть возможность отчуждения исключительного права на доменное имя, сдачи в аренду либо иного способа передачи исключительного права на доменное имя в целях коммерческого (некоммерческого) его использования.

Стоит отметить, что без теоретической проработки проблем правового регулирования доменного имени, определения его места в правовом режиме ИР, нормативного закрепления материальных норм и процедурных правил регулирования доменных отношений в информационном обороте достаточно проблематично видится перспектива поступательного формирования ИР инновационного развития государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нормативные документы. – Минск. – Режим доступа : http://www.oac.gov.by/rubr/44/lic_doc.html. – Дата доступа : 19.06.2012.

2. DissertCat – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. – М. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com>. – Дата доступа : 23.06.2012.

3. Словарь административного права. – М. : Наука, 1999. – 624 с.

4. Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В.Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во г-на Тихомирова М.Ю., 2001. – 972 с.
5. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: Правовые проблемы / И.Л. Бачило [и др.] ; под общ. ред. И.Л. Бачило. – Ин-т государства и права. – М. : Наука, 2003. – 403 с.
6. Шалаева, Т.З. Правовой режим информационных ресурсов Республики Беларусь / Т.З. Шалаева // Вучоныя запіскі Брэсц. дзярж. ўн-та імя А.С. Пушкіна. – Т. 1, Ч. 1. – Брест. : Изд-во УО «БрГУ имени А.С. Пушкина», 2005. – С. 91–101.
7. НИРУП «Институт прикладных программных систем» [Электронный ресурс] / Статистические справки и отчеты по Государственному регистру информационных ресурсов. – Минск, 2012. – Режим доступа : http://infores.mpt.gov.by/ir/database/stat/stat_sved.doc. – Дата доступа : 29.08.2012.
8. Информационно-правовое агентство «Регистр» [Электронный ресурс] / Журналы / Юридический мир / Минск, 2007. – Режим доступа : <http://www.profmmedia.by/pub/bnp/art/33800/>. – Дата доступа : 20.07.2012.
9. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс] / Москва, 2012. – Режим доступа: <http://правительство.рф/gov/results>. – Дата доступа : 19.09.2012.
10. Гарант [Электронный ресурс] / Информационно-правовое обеспечение. – «ООО НПП Гарант-сервис», 2012 – М., 1990. – Режим доступа : <http://mobile.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>. – Дата доступа : 20.08.2012.
11. Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан [Электронный ресурс] / База данных нормативных правовых актов Респ. Казахстан. – Астана, 2012. – Режим доступа: <http://adilet.minjust.kz>. – Дата доступа : 19.09.2012.
12. Государственный регистр электронных информационных ресурсов и информационных систем [Электронный ресурс] / Государственный регистр Респ. Казахстан. – Астана, 2012. – Режим доступа: <http://www.reginfo.kz/index.php?lang=ru>. – Дата доступа : 19.09.2012.
13. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10.11.2008 г. № 455-3 : [Электронный ресурс] / Идеи электронного Правительства для Беларуси. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty>. – Дата доступа : 19.09.2012.
14. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : «Советская энциклопедия», 1989. – 815 с.
15. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс] / М., 2012. / Письмо Президента Российской Федерации от 18.07.2006 № Пр-1192. – Режим доступа : <http://правительство.рф/gov/results>. – Дата доступа : 19.09.2008.
16. Информационное право : учебник / Под ред. акад. РАН Б.Н. Топорнина. – 2-е изд., с изм. и доп. – СПб : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 725 с.
17. Шалаева, Т.З. Доменное имя как объект интеллектуальной собственности / Т.З. Шалаева // Проблемы правовой информатизации. – 2006. – № 2 (12). – С. 42–46.
18. Шалаева, Т.З. Правовое регулирование доменного имени: проблемы и тенденции развития / Т.З. Шалаева // Проблемы правовой информатизации. – 2006. – № 1 (11). – С. 75–81.
19. World Intellectual Property Organization (WIPO) [Electronic Resource] / World Intellectual Property Organization. – Geneva, Switzerland : Mode of access : <http://www.wipo.int/export/sites/www/amc/ru/docs/report.pdf> – Date of access : 30.04.2012.
20. Internet Assigned Numbers Authority (IANA) [Electronic Resource] / Internet Assigned Numbers Authority. IANA Network: Mode of access : <http://www.iana.org> – Date of access : 25.08.2012.

21. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers [Electronic Resource] / Материалы ICANN на вашем языке. – ICANN Network : Mode of access : <http://www.icann.org/ru> – Date of access : 25.08.2012.

22. Ученые России [Электронный ресурс] / М., 2007–2012. – Режим доступа : <http://www.famous-scientists.ru/> . – Дата доступа : 19.09.2012.

23. Шалаева, Т.З. Правовой режим домена / Т.З. Шалаева // Проблемы гражданского права и процесса – 2 : сб. научн. ст. / редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. редактор) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 55–65.

24. Шалаева, Т.З. Проблемы охраны доменного имени / Т.З. Шалаева // Проблемы правовой информатизации. – 2007. – № 13. – С. 77–86.

Shalaeva T.Z. Problem Domain Name in the Legal Regime of Information Resource

This work is the author's research, interested in promoting Belarusian legal science and practice in the process of normative legal regulation streamlining in the field of relations related to the creation, ordering, implementation and protection of various types of information resources of Belarus, and effective measures of improving the legal culture of relations on the information and communication technologies. Creation, forming, storage, processing, distribution and use of information resources on the global network Internet is carried out on the domain name that corresponds to a particular IP-address. A domain name as the address of an information resource, expressed in Symbols, recorded in electronic resources and duly registered, is a part of an information object, the network information resource and is also a result of intellectual activity, a tool of individualization on the Network of this resource.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.10.2012

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Альховік М.К. – аспірант 2 года навучання кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Бурык А.А. – аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Вайцешчык Г.С. – магістр гістарычных навук, аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Гарбацкі А.А. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гарматны В.П. – магістр гістарычных навук, аспірант 2 года навучання кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Гарчук І.М. – магістр эканамічных навук, старшы выкладчык кафедры сусветнай эканомікі, маркетынга і інвестыцый Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Ермакова Э.Э. – старшы выкладчык кафедры сусветнай эканомікі, маркетынга і інвестыцый Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Ермаковіч Л.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зайцава Н.І. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Казінец М.Ц. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Кароціч А.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляснеўскі М. – дацэнт кафедры кіравання людскімі рэсурсамі Універсітэта Яна Кахановіча ў Кельцах (Польшча)

Марозька К.В. – кандыдат гістарычных навук, выкладчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Марчук А.А. – магістр юрыдычных навук, выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мядзведзева Г.Ц. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, прафесар кафедры сусветнай эканомікі, маркетынга і інвестыцый Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Саладуха П.В. – доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі і сусветнай эканомікі Маскоўскага гуманітарна-эканамічнага інстытута

Струнец С.У. – аспірант 1 года навучання кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Сычоў М.В. – аспірант 1 года навучання кафедры гісторыі Беларусі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Уласюк Ю.А. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры сусветнай эканомікі, маркетынга і інвестыцый Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Хутава А.М. – дацэнт кафедры сусветнай эканомікі, маркетынга і інвестыцый Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Цюга С.А. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Часноўскі М.Э. – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чупрыс В.І. – доктар юрыдычных навук, дацэнт кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шалаева Т.З. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шонія І.І. – студэнтка 5 курса Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шэвелёва С.В. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дэкан юрыдычнага факультэта Паўночна-Заходняга дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Курск, Расія)

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *Г.Ю. Пархац, С.М. Мініч*

Подписано в печать 05.12.2012. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 18,21.
Тираж 100 экз. Заказ № 472.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.